Отчуждение ТРУДА

история и современность

ЭКОНОМИКА

Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина,
Вад. В. Радаев, Т. П. Субботина

Отчуждение ТРУДА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
«ЭКОНОМИКА»
1989

ББК 66.017.79
0—88

Руководитель авторского коллектива —
к.э.н. Я. И. КУЗЬМИНОВ

Рецензенты:
Г. В. ГОРЛАНОВ, д.э.н., В. В. КУЛИКОВ, д.э.н., А. В. ЕРМАКОВА, к.э.н.

О $\frac{0602010300 - 173}{011(01) - 89}$ КБ – 3 – 107 – 89

ISBN 5—282—00079—2

ВВЕДЕНИЕ

Разрешение социальных и экономических проблем, стоящих сегодня перед социализмом, в конечном счете зависит от того, будет ли обеспечена максимальная мобилизация возможностей каждого человека, резкое повышение его активности как работника и как члена общенародной ассоциации, хозяина своей страны. В Программе КПСС, принятой XXVII съездом партии, отмечается, что «социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни»[1].

Между тем реальный социализм столкнулся именно с недостатком социальной и трудовой активности людей, их заинтересованности в труде и управлении делами своего общества. Это явление, долгое время не воспринимавшееся в своем истинном масштабе, проявилось в конце 70-х — начале 80-х годов уже как настоящий «кризис человеческой энергии»[2], очевидный для всего общества.

Потрясшие всех трагедии Чернобыля, «Адмирала Нахимова», катастрофы на железных дорогах сегодня уже перестали рассматриваться как отдельные случаи. В сознании людей они встали в один ряд с тем злом, с которым сталкиваешься каждодневно и которое мало-помалу стало восприниматься уже как признак нашего общества: привычно низкое качество продукта и услуги, отстраненность работника от своего дела, бездумное исполнение устаревших инструкций и пренебрежение любыми инструкциями «за спиной» у контролера.

Вместо формирования сознательной дисциплины труда, инициативы и ответственности за свое дело, т. е. черт экономического сознания и экономической деятельности, которые обусловливаются коренными производственными отношениями социализма и в свою очередь предполагаются как условие

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 140.

[2] Дашичев В. Приоритет разума//Московская правда, 1987. 16 июля.

их эффективного функционирования, часто складывается (и воплощается в трудовой деятельности) экономическое сознание совсем иного типа. Стереотип этого сознания — отношение работника к своим производственным обязанностям как к чему-то чужому, не имеющему отношения к его собственным интересам.

Долгое время негативные явления в сфере трудовых отношений пытались объяснить отставанием сознания от бытия — несознательностью отдельных работников, не понимающих в силу своих субъективных особенностей наличия коренной связи своих личных и общественных интересов. Поскольку причина выносилась за рамки экономического базиса социалистического общества, то и преодоление негативных явлений мыслилось средствами воспитания, идеологического воздействия на трудящихся.

Сегодня, когда в экономике СССР активную роль играют второе и третье поколения людей, воспитанных при социализме, такое объяснение уже никого не удовлетворяет. Да и может ли рассматриваться как субъективное надстроечное по своей сути явление, систематически и весомо сказывающееся на материальных результатах общественного производства? По распространенным оценкам, «если все будут трудиться в общественном производстве так же хорошо, как, скажем, у себя дома или на своем садовом участке, наша страна, как правило, без строительства новых заводов будет производить по крайней мере вдвое больше всего, что сейчас выпускаем»[1].

Необходимо искать объективные, материальные корни неполадок в сфере труда. При этом существует опасность сведения этих корней с одной стороны, к технико-организационному содержанию труда работников, т. е. в конечном счете к неразвитости производительных сил; с другой — к дефектам хозяйственного механизма, т. е. к институционализированным в обществе формам производственных отношений. Разумеется, поиск причин негативного и равнодушного отношения работников к труду правомерен и в той и в другой сфере. Но важно не абсолютизировать одну из них, а рассматривать взаимодействие производительных сил и производственных отношений как единый процесс. В противном случае результаты социально-экономических исследований будут однобокими и способны серьезно дезориентировать и общественное мнение, и в конечном счете социально-экономическую политику государств.

Между тем марксистское обществоведение располагает

---

[1] Правда. 1987. 3 августа.

теорией, раскрывающей материальную основу негативных явлений в сфере трудовой активности работников. Это теория отчуждения труда. Разработанная К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и развиваемая на протяжении всей его творческой жизни, сама эта теория (как и объясняемый ею феномен отчуждения) позднее ушла из поля зрения политико-экономов.

Публикация в 1932 г. «Экономическо-философских рукописей...» К. Маркса дала возможность оценить ту роль, которую теория отчуждения труда играла в становлении социально-экономических воззрений основоположника научного коммунизма. Из теории отчуждения как из «зерна» взошла вся марксистская политическая экономия. Дав в 1844 г. обобщенную характеристику буржуазного общества как царства отчуждения, К. Маркс размежевался с буржуазной политической экономией, молчаливо исходившей из отчужденного труда как естественного состояния общества. Огромное значение имело его определение будущего, коммунистического общества как преодоления отчуждения труда и отчужденного состояния личности человека.

Поэтому и разработкой теории отчуждения марксистское обществоведение XX в. занялось в социально-философском плане, исследуя роль этой категории в генезисе социально-экономической теории марксизма[1].

Между тем значение марксовой теории отчуждения вовсе не исчерпывается исходной характеристикой буржуазных отношений, сделанной к тому же с еще незрелых методологических позиций (действительно, в 1844 г. К. Маркс еще не сформулировал теорию исторического материализма как стадийного, формационного развития общества). Теория отчужде-

---

[1] Агг А. Мир человека как субъекта производства (критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии). М.: Прогресс, 1984; Кешелава В. В. Маркс и гуманизм // Вопросы философии. 1971. № 5; Миф о двух Марксах. М.: Политиздат, 1963; Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1—3. М.: Прогресс, 1976; Косолапов Р. И. Коммунизм и свобода (Проблема освобождения труда). М.: Изд-во МГУ, 1965; Курелла А. Свое и чужое. Новое к проблеме социалистического гуманизма. М.: Прогресс, 1970; Лапин Н. И. Молодой Маркс. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986; Марксхаузен Т. Понятие отчуждения в рукописи 1857—1858 гг. Первоначальный вариант «Капитала». (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 гг.). М.: Политиздат, 1987; Нарский И. С. Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса. М.: Мысль, 1983; Огурцов А. П. Отчуждение и человек (историко-философский очерк) // Человек, творчество, наука. М.: Наука, 1967; Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. 3-е изд. М.: Мысль, 1986; Петросян М. И. Гуманизм. М.: Мысль, 1964; Фритцханд М. Марксизм, гуманизм, мораль. М.: Прогресс, 1976; Цанн—Кай—Си Ф. В. Проблема человека в работах К. Маркса 40-х годов XIX в. Владимир, 1973; Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972.

ния труда имеет самостоятельное значение, характеризуя широкий круг явлений, в основе которых лежат отторгнутость работника от условий, процесса и результатов своего труда и его подчинение им как враждебным силам.

Нельзя сказать, что эта сторона концепции К. Маркса не исследовалась. В советской и зарубежной марксистской литературе представлено много точек зрения на собственное содержание категории «отчуждение труда», объективные причины его возникновения и воспроизводства. Можно, однако, отметить, что для всех них характерно стремление ограничиться наиболее общей постановкой вопроса, постановкой его в «надформационном» плане или ограничение поля исследования классовым обществом. Лишь немногие авторы признают наличие отчуждения труда в социалистическом обществе, но ограничиваются при этом указанием на незрелость материально-технической основы социализма (непреодоленное до конца старое разделение труда) как на причину сохранения элементов отчуждения. Такая постановка вопроса, характерная для философского исследования, не получила тем не менее развития в конкретных социологических и политико-экономических работах, которые раскрыли бы структуру и динамику реально существующих при социализме форм отчуждения труда, конкретные факторы, влияющие на его возникновение. И констатация в 60-х — 70-х годах отдельными философами наличия отчуждения труда при социализме фактически осталась в рамках созерцательного подхода, господствовавшего в советском обществоведении в застойный период.

При этом в подавляющем большинстве работ, появившихся в тот период, отрицалась возможность сохранения отчуждения труда в социалистическом обществе. Их авторы нередко исходили из своеобразного «нормативного», или «идеального», образа социализма, который в силу определенных причин до середины 80-х годов оставался, пожалуй, единственным «законным» предметом исторического материализма, политической экономии социализма и научного коммунизма. В этом хоре тонули робкие голоса, пытавшиеся указать на наличие социально-экономических противоречий в положении работников при социализме.

В результате такой позиции нашего обществоведения конкретное толкование проблем отчуждения труда при социализме было фактически отдано на откуп зарубежным марксологам отнюдь не марксистского толка. Те в своей массе проделывали нехитрую операцию: указав на конкретные признаки сохраняющегося отчуждения труда в странах реального социализма (слабая трудовая дисциплина, бюрократизация управления и т. п.), выводили из отчуждения труда положе-

ние о сохранении в СССР и других странах социализма превращенной формы капиталистических отношений[1]. Искажение марксовой теории отчуждения этих исследователей, разумеется, не смущало.

XXVII съезд партии потребовал от представителей общественных наук поворота к правде, к исследованию реальных общественных отношений социализма и выработке действенных практических предложений по их совершенствованию. Это привело к сложному для многих ученых процессу ломки устоявшихся, «освященных» временем и авторитетами теоретических представлений, из которых раньше некритически исходило любое исследование, претендовавшее быть обнародованным. Не избежало этого и многолетнее «табу» на исследование отчуждения при социализме. За 1987 г. к проблематике отчуждения заново обратились и философы, и политико-экономы.

Нашла свое отражение проблема социального отчуждения и в партийных документах. Она была затронута в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается»[2] и четко поставлена в его речи «Революционной перестройке — идеологию обновления» на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС. «В конечном счете задача социализма, — отметил М. С. Горбачев, — покончить с социальным отчуждением человека, характерным для эксплуататорского общества, отчуждением от власти, от средств производства, от результатов своего труда, от духовных ценностей»[3].

Тема отчуждения труда вошла в наше сегодняшнее сознание с двух сторон: с одной — имеется традиция ее рассмотрения как философско-социологической категории, с другой — эмпирические проявления отчуждения труда, которые достаточно давно (и, как правило, без употребления самого термина «отчуждение») исследовались социологией труда, психологией труда и социальной психологией, особенно на уровне конкретных исследований.

Цель исследования, предпринятого в настоящей работе, — дать политико-экономический срез феномена отчуждения.

Во-первых, это предполагает, что исследование отчуждения

---

[1] Garaudy R. L'alternative. P., 1972. P. 220—221; Der Kampf selbst ist das Leben. Gespräch mit Rossanda // Wiener Tagebuch. 1982. N 12. S. 18.

[2] Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжеств. заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 29.

[3] Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г. Постановление Пленума ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1988. С. 9.

должно вестись не в общеисторической форме, а применительно к конкретным способам производства материальной жизни общества. На наш взгляд, это позволит отойти от чрезмерно абстрактной постановки вопроса, характерной для исследований «отчуждения вообще», в частности от внеисторического понимания родовой сущности человека, содержания и характера его труда и потребностей.

Во-вторых, для политико-экономического исследования представляется недостаточным рассмотрение отчуждения труда только в рамках трудовой деятельности субъекта. Для того чтобы видеть отчуждение труда как объективное, закономерное отношение, необходимо вовлекать в анализ его материальные предпосылки. Ведь противоречия экономической системы общества далеко не всегда и не сразу проявляются «на поверхности» экономической жизни. Поэтому социология труда, хотя и предоставляет исследователю-обществоведу основной эмпирический материал, сама по себе имеет по сравнению с политической экономией ограниченные прогностические возможности.

Предлагаемая вниманию читателей работа — одно из первых обращений политико-экономов к историческому феномену отчуждения труда. Уже в силу этого она не может претендовать на полноту рассмотрения предмета. Это относится и к анализу имеющихся в советской и зарубежной литературе позиций по затронутым в нашем исследовании вопросам.

Мы попытались сосредоточить внимание на методологически значимых и на наиболее актуальных аспектах проблемы.

Работа написана коллективом молодых научных работников кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина, Т. П. Субботина) и Института экономики АН СССР (Вад. В. Радаев), сложившимся в ходе работы постоянного научного семинара по проблемам отчуждения в экономике. Концепция исследования и основные теоретические положения — плод коллективного труда авторов.

Представленная в работе концепция отчуждения труда обсуждалась в Московском государственном университете и Институте экономики АН СССР. Авторы выражают глубокую признательность участникам этих обсуждений — экономистам, философам и социологам. Высказанные ими критические замечания и пожелания позволили авторам уточнить и развить свои взгляды.

Существенно обогатить работу помогли замечания официальных рецензентов — д. э. н. Г. В. Горланова, д. э. н. В. В. Куликова, к. э. н. А. В. Ермаковой, а также к. э. н. А. И. Колганова, ознакомившегося с первым вариантом рукописи.

I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

Приступая к исследованию феномена отчуждения труда в экономическом развитии общества, мы должны выяснить причины, по которым политическая экономия после К. Маркса «отвернулась» от этого явления. Для этого необходимо обратиться к некоторым аспектам истории экономической науки.

1. Политическая экономия капитала и политическая экономия труда

В истории мировой экономической мысли можно выделить три периода, на протяжении которых центральным объектом исследования, той категорией, через призму которой рассматриваются все явления экономической жизни, выступают последовательно богатство, капитал и труд[1].

Экономические учения о богатстве, не принявшие еще научной формы (поэтому мы не имеем права говорить о политической экономии богатства), характеризуют общественное сознание докапиталистических формаций. Богатство предстает перед агентом докапиталистических способов производства либо в своей натуральной, непосредственно готовой для потребления форме, либо в виде совокупности общественных условий его получения и сохранения — системы личных связей (в первобытном и раннеклассовом обществе, а также в «крестьянском секторе» феодального общества) или отношений власти, господства (в идеологии господствующих классов).

[1] Подобная постановка вопроса содержится в работе известного французского исследователя М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (Пер. с фр. М.: Прогресс, 1977).

Смена отношений личной зависимости отношениями вещной зависимости приводит к смене парадигмы экономического мышления. Возникает экономическая наука, исследующая законы обезличенной вещной связи, образующей отныне основу, общества, — классическая буржуазная политическая экономия. Ее можно назвать политической экономией капитала, так как «капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества»[1].

Политическая экономия капитала — единственная наука, с позиций которой возможно понять закон движения капиталистического способа производства. Об этом свидетельствуют неудачные попытки понять капитализм с помощью таких центральных категорий, как «богатство», «доход», «полезность». Такие попытки, в зависимости от того, с чьих классовых позиций они предпринимаются, имели и имеют в своей основе либо докапиталистический стиль экономического мышления (С. Сисмонди, отчасти современные левые радикалы), либо преднамеренное приукрашивание капиталистической действительности (австрийская школа буржуазной политической экономии).

Подтверждение этому — и творческий путь К. Маркса. С начала своих экономическо-философских исследований основоположник научного коммунизма заявил о себе как гуманист, поставив человека, трудящегося в центр теории. Но поскольку гуманизм К. Маркса ставил целью указать человеку действительный выход из антигуманного капиталистического общественного строя, то исходным условием оказалось познание собственных (антигуманных, надчеловеческих) законов этого строя. Это трактуется рядом исследователей на Западе как отход «зрелого» Маркса от гуманизма «молодого» Маркса.

Однако сводить теоретическое наследие К. Маркса к «политической экономии капитала» представляется неправомерным. В 1857—1859 гг. К. Маркс сформулировал так называемый «план шести книг», согласно которому после исследования капитала как такового он предполагал обратиться к анализу ряда специальных экономических проблем, в частности темы «Наемный труд»[2].

Как отмечает А. М. Коган, «в «Капитале» наемный труд исследуется как единственный источник прибавочной стоимости и раскрывается его наиболее глубокая сущность, его

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 44.

[2] Там же. Т. 13. С. 5; Т. 29. С. 254, 449, 451, 468; Т. 46. Ч.I. С. 45. Детальное исследование «плана шести книг» проведено А. М. Коганом в работе «В творческой лаборатории Карла Маркса. План экономических исследований 1857—1859 гг. и «Капитал» (М.: Мысль, 1983).

общая зависимость от капитала. Но наемный труд имеет и относительно независимое от прибавочной стоимости движение, которое является объектом специального учения о наемном труде»[1]. Вопрос, однако, в том, какое именно содержание мы вкладываем в специальное учение о наемном труде (в общих рамках политической экономии капитализма), рассматриваем ли мы его именно как наемный (т. е. сквозь призму капитализма) труд, или уже как труд, исторически ограниченный рамками наемного труда? Это — существенное различие.

В первом случае мы исследуем только капиталистическую форму трудовых отношений, т. е. по существу повторяем, детализируем проблематику самого «Капитала» на более конкретном уровне. Это касается, например, рассмотрения конкретных форм заработной платы, редукции труда, динамики рынка купли-продажи рабочей силы. Все это не выходит за пределы «политической экономии капитала», безразличной к работнику как таковому и интересующейся им лишь как фактором производства.

Во втором случае мы возвращаемся на новом, обогащенном знанием законов господствующей общественной силы —капитала — уровне к рассмотрению проблем, поставленных К. Марксом в отправной точке своих научных изысканий, — к положению работника в капиталистической формации с точки зрения самого работника: возможностей его развития, классовой организации и в перспективе — возможности рабочего класса выступить в роли массового субъекта истории творца социально-экономического переворота и строителя нового общества. Такой аспект рассмотрения можно назвать «политической экономией труда».

Если труд, рассматриваемый сквозь призму капитала (в рамках политической экономии капитала) предстает как наемный труд, как фактор производства прибавочной стоимости, то капитал, рассматриваемый сквозь призму труда (в рамках политической экономии труда), представляет собой специфически капиталистическую форму отчуждения труда.

Если в анализе капиталистического способа производства политическая экономия капитала занимает ведущее, а политическая экономия труда — подчиненное место, то в анализе экономического строя социализма они должны поменяться местами. Общеизвестно высказывание К. Маркса о свободной индивидуальности как основе коммунистического общества[2]. Впервые на протяжении истории человек из средства становится целью экономического развития. В свою очередь овещест-

---

[1] Коган А. М. Указ. соч. С. 115.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 101.

вленные и институционализированные формы производственных отношений в общей политической экономии социализма должны занять подчиненное место предмета специальных экономических теорий.

Между тем этого не произошло. Развитие политической экономии социализма в СССР после смерти В. И. Ленина пошло по линии ее «бессубъектной» трактовки, фактически унаследованной от «политической экономии капитала». Сформулированный классиками марксизма основной экономический закон социализма, предполагающий развитие личности работников, фактически так и остался чужеродным телом в политической экономии социализма. С этим связаны по-своему логичные попытки свести экономическое содержание основного закона социализма к удовлетворению потребностей, выразив его через «интегральный фонд потребления», «чистый доход общества».

По нашему мнению, политическая экономия социализма до сих пор исследует экономические отношения, исходя из примата надсубъектных (овеществленных и институционализированных) форм этих отношений, которыми более или менее однозначно определяется экономическое поведение субъектов. При этом субъектные отношения фактически исключаются из предмета политической экономии под тем предлогом, что в него входят только материальные, объективные отношения.

Субъектное начало (деятельность индивидов, групп, коллективов) в таком понимании отождествляется с субъективным, т. е. с определяемым сознанием и в силу этого — единичным, идеальным. Между тем это совсем не так. Субъектное отношение может быть полностью объективным, материальным, т. е. массовидным и существующим независимо от того, каким образом оно проходит через сознание людей[1]. Но оно отличается от «чисто» объективного отношения тем, что не может реализоваться иначе, как пройдя тем или иным образом через сознание субъекта.

Бессубъектная политическая экономия, определив место работника в производстве, отодвигает как несущественную проблему реального отношения человека к своему труду. Такой подход был оправдан при анализе классического капитализма.

[1] Следует согласиться с определением А. К. Уледова, согласно которому «субъективный фактор есть не сознание вообще, а руководящее сознание, из подчиненного, опосредующего воздействия внешних сил момента ставшее руководством, стимулом, установкой деятельности» (Уледов А. К. Социологические законы. М.: Мысль, 1975. С. 51). Также см..: Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1981. С. 93.

Собственная мотивация труда работника не интересовала в XIX в. ни капиталиста-практика, ни теоретика буржуазной политической экономии: настолько работник был подавлен овеществленной силой капитала. Отношение субъекта к труду в этих условиях было действительно малозначащим, величиной, которой можно было пренебречь: ненавидел ли «раб капитала» свою работу, был ли равнодушен к ней — все равно он был вынужден исполнять ее с усердием.

В основное производственное отношение капитализма встроен мощный механизм принуждения к труду — отсутствие гарантии занятости и, следовательно, средств к существованию. Подкрепленное наличием резервной армии труда оно составляет основу экономического принуждения к труду. Манипулирование заработной платой играет в этих условиях вспомогательную роль.

В основном производственном отношении социализма такого механизма не заложено. Принцип всеобщности труда дает гарантию занятости каждому члену общества. Это осложняет проблему материального стимулирования, ослабляет роль материальных стимулов к труду. В какой-то мере ослабление «непосредственных» материальных стимулов (оплаты труда) компенсируется возникновением моральных стимулов, основанных на отражении в сознании работника коренного единства общественного и его личного интересов.

Все это обусловило в течение довольно продолжительного времени господство в политической экономии социализма точки зрения, полагавшей сочетание этих двух стимулов к труду достаточным для эффективного функционирования экономики. Следует отметить, что само развитие нашей экономики в 30—50-е годы на первый взгляд подтверждало эту точку зрения. При этом фактически игнорировались (точнее, относились на коммунистическую перспективу) такие стороны основного экономического закона социализма, как развитие личности в процессе труда, возрастание потребности в творческом труде как важнейшей сфере реализации возможностей человека.

Между тем этот игнорировавшийся стимул трудовой активности стал играть начиная с 60-х годов все возрастающую роль в отношении людей к труду. Сначала общество ощутило его воздействие по мощному притоку молодежи в сферы науки и научного обслуживания, притоку, менее всего ориентировавшемуся на материальное вознаграждение своего труда (хотя и наука не заняла еще в те годы последнего места в уровне оплаты труда). Затем, в 70-е годы его ощутила экономика крупных городов. Выросшие в них молодые люди в массе своей отказались занимать даже относительно неплохо опла-

чиваемые, но тяжелые, непривлекательные по содержанию и условиям труда рабочие места на заводах, в строительстве и на транспорте. Возникла проблема «лимитчиков», имеющая многочисленные тяжелые последствия в экономическом и социальном положении дел в городах. Все более «острый» материал о состоянии трудовой мотивации стали поставлять общественным наукам социологические обследования.

Казалось бы, политическая экономия должна была учесть появление и усиление новых стимулов труда. Однако для этого было необходимо отойти от сложившейся бессубъектной трактовки производственных отношений, сломать один из «несущих» элементов господствующей парадигмы экономической теории. То, что этого не произошло, составляет на сегодняшний день один из моментов кризиса политической экономии социализма[1].

Важно отметить, что роль субъектных отношений в экономической системе социализма вообще важнее, чем в экономической системе капитализма, так как она возрастает по мере уменьшения жесткости хозяйственного механизма, возрастания степени экономической свободы человека. Чем жестче экономическая деятельность индивидов детерминируется не зависящими от них общественными условиями, тем меньше объективные возможности практической реализации их собственных потребностей и интересов, тем меньше, следовательно, обратное воздействие последних на формирование объективных общественных условий. И наоборот: чем шире «поле свободы»,

---

[1] Под кризисом политической экономии мы понимаем такое ее состояние, когда устоявшееся «твердое ядро» ее теоретической системы — господствующие представления о предмете и методе науки и блок центральных категорий (то, что в науковедении называется парадигмой) становится недостаточным или в какой-то своей части прямо противоречащим потребностям объяснения объекта науки — экономического строя общества. Кризис науки проявляется в частичной или даже полной утрате ею своих прогностических возможностей.

Кризис марксистской политической экономии — это кризис роста, характеризующий состояние развивающейся науки. Для преодоления этого кризиса необходима не коренная смена парадигмы, а в основном ее расширение, преодоление искусственно закрепленной узости и «однозначности» ряда методологических положений.

В отличие от этого сегодняшний этап кризиса буржуазной политической экономии связан с полной утратой ею возможности прогнозировать развитие социально-экономических отношений капиталистического общества. В процессе эволюции буржуазной политической экономии в XIX — первой половине XX вв. произошла такая деформация ее предмета и метода по сравнению с классической буржуазной политической экономией, что для хотя бы ограниченного восстановления прогностического потенциала необходима полная смена парадигмы. Попытки такого рода предпринимаются исследователями так называемого институционально-социологического и радикального направлений современной буржуазной политической экономии.

в рамках которого варьирует характер экономической деятельности индивидов, тем активнее реализуются потребности и интересы каждого из них, тем важнее их роль в развитии экономической системы.

Так, кризис трудовой мотивации, характерный для современного капитализма, не смог бы реально проявиться в поведении рабочих при сохранении механизма экономического принуждения к труду, существовавшего в XIX в. Только относительная обеспеченность жизни наемных рабочих в наиболее развитых капиталистических странах благодаря наличию системы социальных гарантий (пособий по безработице, социального страхования и др.) делает возможной практическую реализацию возвышающихся потребностей рабочих через отказ от выполнения наименее привлекательных видов труда.

Еще более активно реализуются в поведении людей их личные потребности и интересы в условиях социализма при гарантированном праве на образование, на труд, на выбор профессии, на жилище и т. д. Поэтому порожденный во многом теми же причинами кризис трудовой мотивации при социализме имеет еще более серьезные последствия, чем при капитализме. Это — лишь один пример сравнительно большего значения субъектных отношений в экономической системе социализма.

Следовательно, если политическая экономия капитализма может в целом адекватно отражать свой объект исследования при недостаточном внимании к субъектным категориям, то политическая экономия социализма в бессубъектном варианте не способна объяснить реальное функционирование экономической системы.

На наш взгляд, именно отказ от исследования роли субъекта в социалистическом производстве, отнесение проблем, связанных со стимулами к труду, к поверхностным, производным отношениям в экономике послужили причиной того, что политическая экономия социализма приобрела во многом утопический, оторванный от жизненных реалий характер. В самом деле, если социально-экономическая сущность социализма состоит в том, что человек работает на себя, и это положение преподносится без каких-либо комментариев и оговорок, то как относиться к тому факту, что огромная масса трудящихся работает на себя хуже, чем их японские или американские коллеги на капиталиста? Никаким уровнем абстракции нельзя оправдать положение, не находящее подтверждения в реальной жизни. (Отношение эксплуатации труда капиталом — тоже глубокая абстракция, и тем не менее это положение К. Маркса находит подтверждение в конкретных явлениях капиталистической действительности.)

Политическая экономия социализма должна на деле стать «политической экономией труда». Это значит, что центральной ее проблемой должно стать положение индивида, человека в общественном производстве — человека, не сведенного к функции рабочей силы, а выступающего как личность. Альтернативного пути нахождения экономического закона движения социализма (и коммунистического способа производства в целом) просто нет. Положение К. Маркса о «свободной индивидуальности» — не просто указание конечной цели. Социализм уже предоставил работнику значительное, невиданное ранее «поле свободы», сформировав систему гарантированного обеспечения трудом. От субъекта производства, от его добросовестности, творческого отношения к делу, квалификации, т. е. от его личности, теперь зависит несравненно больше, чем в любом из предшествующих способов производства.

Продолжая рассматривать отношение субъекта к труду в качестве производного, детерминированного надсубъектными отношениями, мы игнорируем это «поле свободы» и на практике — в действующем хозяйственном механизме. В результате это «поле» все равно используется, но... в направлении, противоположном желаемому.

2. Субъектные отношения в политической экономии

Выше мы уже отмечали, что субъектное и субъективное — не одно и то же. Поскольку политическая экономия имеет дело с законами производства и воспроизводства материальной жизни общества, в рамки ее предмета должны входить только субъектно-объективные отношения. Под ними мы понимаем объективно обусловленные, массовидные, закономерные отношения субъектов в процессе их экономической деятельности к объектам, на которые эта деятельность направлена, и к субъектам, вовлеченным в совместную деятельность.

Деятельность представляет собой практическое отношение, которое не может осуществляться помимо субъекта. Поэтому сознание человека здесь так или иначе включено в отношение, даже в том случае, когда оно и совершенно пассивно отображает внешние, навязанные условия деятельности[1].

В политической экономии имеет смысл рассматривать тот круг субъектно-объективных отношений, который соответствует экономической деятельности человека. В этот круг входят отношения трудовой деятельности, деятельности в сферах об-

---

[1] «...Явления сознания составляют реальный момент в движении деятельности» — отмечал один из крупнейших советских психологов А. Н. Леонтьев. (Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975. С. 58).

мена, распределения материальных благ, а также потребительской деятельности, взятые в комплексе, во взаимодействии.

Субъектом экономической деятельности в интересующем нас аспекте выступает индивид в конкретно-исторической системе общественного производства, а объектом — условия, процесс и продукты, другие участники экономической деятельности, а также сами отношения производства в их овеществленной или институционализированной форме.

Отношение экономической деятельности должно быть определено с обеих сторон — со стороны субъекта (индивида) и со стороны объекта (внешних условий деятельности). Это требует обращения к такому важнейшему методологическому положению К. Маркса и Ф. Энгельса, как учение о двух способах материального производства: средств к жизни, с одной стороны, и самой жизни человека — с другой[1]. Последний долгое время политической экономией не рассматривался. Основанием для исключения способа производства человека из предмета политической экономии, как правило, было сведение его к биологическим законам воспроизводства жизни, с одной стороны, и к формированию сознания человека путем воздействия преимущественно «надстроечных» институтов — с другой. Между тем классики марксизма говорили о производстве человека как о производстве общественном и материальном.

Положение о двух способах материального производства есть не что иное, как конкретизация марксистского учения об общественном строе производства. Производство в его общественной форме не может быть понято вне анализа сфер распределения, обмена и потребления. Марксизм тем и отличается от буржуазной политической экономии, что рассматривает отношения в производстве не сами по себе, в самодовлеющем виде, в абстракции «производство вообще», что неизбежно приводит к таким же «тощим» абстракциям, как «обмен вообще», «распределение вообще», «потребление вообще», а в системе «производство—потребление» в контексте формы общественного присвоения его продуктов. Другими словами, производство потому рассматривается исторически, что оно рассматривается как воспроизводство.

Всякий же процесс воспроизводства по необходимости имеет две стороны:

---

[1] «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 25—26).

производство материальных условий жизни людей. Оно представляет собой процесс призводительного потребления рабочей силы индивидов;

потребление конечных продуктов этого производства, которое в свою очередь выступает как процесс производства и воспроизводства индивидов.

Таким образом, обе стороны общественного процесса воспроизводства материальной жизни есть моменты единства производства и потребления. Представлять их соответственно только как производство и только как потребление можно, лишь рассматривая общественное производство вне контекста его возобновления.

Условно мы можем именовать их производство — потребление I рода и производство — потребление II рода. И первое, и второе предполагают определенную историческую форму, выступая как специфический способ потребления рабочей силы (потребление средств производства определяется техническим, а не социально-экономическим строем производства) и как специфический способ производства индивидов, входящих в производство в качестве работников.

Производство — потребление II рода распадается на восстановление и развитие индивидов, уже сформировавшихся и вошедших в качестве участников в процесс воспроизводства материальной жизни общества, и на процесс социализации индивидов, формирования их в качестве личностей и работников в целенаправленном процессе воспитания и образования и в результате общего воздействия социальной среды (этот процесс включает как свою непременную предпосылку и удовлетворение витальных потребностей формирующихся индивидов).

Ю. А. Васильчук отмечает, что «потребительная сила человека выступает как его активная, деятельная, творческая производительная сила, как такое же явление его сущностных сил, что и рабочая сила. Потребительная сила вызывает добровольное напряжение, а следовательно, и развитие соответствующих физических и умственных способностей человека в его потребительной деятельности, которая приобретает особенно творческий и напряженный характер в процессе потребления духовных благ (воспитание, учение, самообразование и т. д.)»[1].

Способ производства человека не сводится к производству — потреблению II рода. Воздействуя на внешнюю природу и изменяя ее, отмечал К. Маркс, человек «в то же время изме-

---

[1] Васильчук Ю. А. Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. Углубление противоречий и проблемы классовой борьбы. М.: Наука, 1980. С. 57.

няет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»[1]. Сам процесс труда выступает как важнейшая арена развития личности, и не только в узком качестве рабочей силы[2].

Но производство — потребление II рода образует специфическую сторону способа производства человека в силу того, что с возникновением общественного разделения труда происходит его отделение от производства — потребления I рода сначала по элементарной ячейке (с выделением семьи), а затем и по сословно-классовому принципу. Раскол общества на антагонистические классы приводит к тому, что господствующий класс персонифицирует достигнутый в обществе предельный уровень конечного потребления, а эксплуатируемый класс становится фактором общественного производства. Способ его потребления обособляется от способа потребления господствующего класса и превращается в технический придаток, момент процесса производства. Производство и воспроизводство трудящихся индивидов низводится до производства и воспроизводства рабочей силы.

В условиях капитализма формирование классовых разновидностей производства — потребления II рода принимает все более неоднозначный, противоречивый характер по мере объективного усложнения механизмов социализации наемных работников и соответственно неизбежного прогресса структуры их потребления. Качественное изменение способа потребления рабочего класса, особенно ускоряющееся в период научно-технической революции, ведет к обострению противоречия между двумя способами производства в капиталистическом обществе. Потребление конечных продуктов материального и духовного производства формирует у массы работников все больше способностей и потребностей, не находящих реализации и удовлетворения в рамках существующего способа потребления рабочей силы. Отсюда — объективное усиление отношений неудовлетворенности трудом, фиксируемых большинством социологических обследований последних десятилетий.

Легко увидеть, что, отказываясь от исследования способа производства человека как закономерного процесса, включающего две относительно самостоятельные фазы, мы не сможем пойти в анализе субъектных отношений дальше фиксации эмпирических фактов того или иного поведения инди-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 188—189.

[2] «При этом формируются не только определенные способности человека, прежде всего к труду, но и его определенные потребности...» (Производство как общественный процесс. Актуальные проблемы теории и практики/Отв. ред. В. И. Толстых. М.: Мысль, 1986. С. 126).

видов. Более того, мы не сумеем отделить в совокупности этих фактов их объективное содержание в отличие от массы случайных явлений.

Политическая экономия социализма в период своего становления как науки в 30—50-е годы ушла от проблемы производства человека[1]. Это отчасти объясняется спецификой строительства социализма в СССР. Решающим условием тогда выступало построение материально-технической базы крупного машинного производства, т. е. формирование способа производства I рода. Соответственно и проблема производства человека сужалась до проблемы подготовки кадров для индустрии — формирования рабочей силы определенного общекультурного и квалификационного уровня. На сегодняшний день экономическая наука имеет дело только с результатом производства человека — фактами сложившегося отношения к труду, уровня потребления и потребительских запросов и т. д. В результате у нее практически отсутствуют прогностические возможности в сфере субъектных отношений.

Совершенно ясно, что производство человека — процесс многоуровневый, в нем принимают участие и базисные, и надстроечные факторы. Как определить здесь предмет рассмотрения политической экономии? Для «политической экономии капитала» важен только цикл возвращения рабочей силы в производство. Но для «политической экономии труда», политической экономии социализма вопрос к этому сводиться уже не может.

Речь, разумеется, не идет о включении в ее предмет идеологических аспектов воспитания и образования. Точно так же политическая экономия не изучает и «технологию» производства человека, т. е. конкретные методы и приемы социализации (как и технологию производства средств к жизни). Речь идет об общественных отношениях по поводу производства человека, об их специфической социально-экономической форме. Речь идет также о проблемах, решаемых в рамках комплексного анализа способов производства I и II рода.

Субординация целей способов материального производства I и II рода меняется в ходе исторического развития общества. Первобытная формация характеризуется их совпадением.

---

[1] «В экономическом аспекте стало привычным рассматривать человека в качестве важнейшего элемента производительных сил, носителя живого труда, рабочей силы или работника — не более того... Вопрос о формировании и воспитании социалистической личности по существу был перенесен исключительно в идеологическую сферу, а недостатки и возникающие в процессе ее становления проблемы стали рассматриваться преимущественно под углом зрения «упущений» в политико-воспитательной работе», — пишет В. И. Толстых (Производство как общественный процесс. С. 50).

В отличие от нее антагонистическая, классовая формация выдвигает цели способа производства средств к жизни как определяющие. Семейный строй подчиняется отношениям собственности на средства производства.

В коммунистическом способе производства должно произойти «оборачивание» исторически сложившегося соотношения экономического и социального развития. Определяющее значение при этом приобретает способ производства человека.

Уже сегодняшнее наше общество характеризуется опережением уровня развития способа производства человека по сравнению со способом производства средств к жизни. Мы справедливо считаем завоеванием социализма высокий уровень общеобразовательной подготовки и, следовательно, запросов к труду вновь вступающих в общественное производство работников. Но система их потребностей, сформированная социалистическим способом потребления, входит в противоречие с теми рабочими местами, которые им в состоянии предоставить общество, с экономическими отношениями, которые они застают на производстве.

Это — реальное противоречие социализма. Оно может и должно быть источником движения нашего общества вперед. Но на практике оно зачастую не разрешается и приобретает застойные, тормозящие развитие производства формы.

Трудовая деятельность человека является основополагающим, генетически исходным в системе его экономической деятельности. Она в конечном счете определяет возможность и эффективность воспроизводства любой общественно-экономической формации. Соответственно и отчужденная трудовая деятельность не просто характеризует отношение субъекта к труду, а имеет широкие последствия для общества.

К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» впервые поставил проблему отношения субъекта к труду именно в рамках рассмотрения отчуждения труда как субъектно-объективного отношения. Но применительно к классическому капитализму (вплоть до начала его общего кризиса) отношение трудовой мотивации не играет самостоятельной роли, выступает как практически однозначно определяемое обезличенными производственными отношениями. Поэтому в «Капитале» субъекты рассматриваются только как персонификация соответствующих производственных отношений.

Сегодня марксистской политической экономии предстоит критически оценить устоявшиеся теоретические положения и методологические приемы. В процессе такой переоценки важно вернуться к идеям основоположников марксизма, не нашедшим в свое время теоретического развития, и оценить их значимость с позиций сегодняшнего дня и исторического опыта.

3. Объективные предпосылки и феномен отчуждения труда

Концепция отчуждения труда предполагает его анализ именно как субъектного отношения. В то же время это «перевернутое» субъектное отношение: по сравнению с отношением свободного труда здесь происходит как бы оборачивание. «Отношение между субъектом и объектом, — по словам К. Маркса, — выворачивается наизнанку»[1]. Деятельная сторона отношения — субъект — подавляется. Определяющей стороной отношения становятся внешние по отношению к производителю общественные условия и результат его труда, а сам производитель не может свободно проявить свою волю: его деятельность зарегламентирована, он как личность бессилен своим трудом повлиять на условия и содержание своей деятельности, разве что негативно, в той или иной степени выключаясь из нее[2].

Отчуждение труда существует, когда в процессе и в результате своей деятельности работник воспроизводит внешние, не контролируемые им материальные силы и отношения, которые в дальнейшем противостоят ему как чужие, навязанные ему условия труда и жизни.

Отчуждение труда порождается возникающими по мере становления общественного разделения труда объективными отношениями отделения работников от творческого труда и сведения их труда к репродуктивному, а также отделения работников от собственности[3]. Отчуждение труда предстает как «субъектный срез» этих отношений.

Без анализа объективного характера отделения от работника материальных условий, процесса и результата его трудовой деятельности мы не может понять закономерности возникновения и развития отчуждения его труда. Но само субъектное отношение отчуждения труда возникает только тогда, когда работник относится к условиям, процессу и результатам своего труда как к чужим и господствующим над ним, и это отношение материализуется в его экономической деятельности.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 122.

[2] Как отмечает И. С. Нарский, в анализе К. Марксом общефилософского содержания отчуждения «проводится та точка зрения, что отчуждение — это особый случай взаимодействия сторон противоречия, когда одна из них оказывает на другую обратное угнетающее, деформирующее, а иногда и разрушающее воздействие» (Нарский И. С. Указ. соч. С. 110—111).

[3] Отделение работников от средств производства — частный случай более общего отношения отделения их от собственности. Азиатские и феодальные древние и средневековые общества демонстрируют, что отношение эксплуатации может существовать и без отделения работников от средств производства.

Так, товарное производство существует независимо от того, сознает товаропроизводитель свое реальное положение в рыночной экономике или нет, лишь бы он производил и продавал свои продукты. Отчуждение его труда как субъектное отношение существует лишь постольку, поскольку он реально относится к результату своего труда как к в потенции «несвоему» и старается поэтому выгадать за счет потребителя. С другой стороны, производитель относится к своему товару как к господствующему над ним, как к условию своего существования: отношения рыночной конкуренции заставляют товаропроизводителя заботиться о качестве своих продуктов. Однако они заставляют его как внешняя сила. И как только у него появляется возможность хотя бы частично выйти изпод контроля этой внешней силы, он начинает снижать качество, «халтурить»: ведь работает он не для себя.

Отделение работников от творческого труда. Процесс труда является единством процессов опредмечивания деятельности субъекта в объекте труда, в результате чего последний приобретает необходимый человеку вид, становится *«человеческим* предметом»[1], и распредмечивания объекта для субъекта, обогащения в процессе труда его рабочей силы и самой личности. «Функционируя в качестве покорителя сил природы и создателя вещественного богатства, труд в то же время функционирует в качестве ваятеля субъекта труда», — пишет И. И. Чангли[2]. Именно в результате процессов распредмечивания «труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним»[3].

Вместе с тем не всякий процесс труда связан с распредмечиванием. Значительная часть трудовых функций работников представляет собой так называемую репродуктивную деятельность. Как правило, репродуктивная деятельность лишь воспроизводит наличные условия материальной жизни и является поэтому абсолютно необходимой в системе общественного производства. Но в процессе такой деятельности личностные силы работников не развиваются — это более или менее однообразный, монотонный труд. Репродуктивный труд представляет для самого работника одностороннее, безвозвратное (в смысле развития личности) опредмечивание его рабочей силы. Продукт репродуктивного труда — вещь, предмет, но не личность работника.

Развитие работника в труде связано только с творческой,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 121.

[2] Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973. С. 54.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 493.

продуктивной деятельностью, гармонично соединяющей процессы опредмечивания и распредмечивания.

Репродуктивный и творческий труд — важнейшие характеристики процесса труда с точки зрения его социального содержания (содержания труда для самого работника в отличие от технико-организационного содержания труда[1]). Разумеется, сложно представить себе работника, труд которого состоит исключительно из репродуктивной деятельности, и уж совсем невозможно представить себе «чисто» творческий труд. Каждый реально существующий вид труда сочетает репродуктивные и творческие элементы в определенных пропорциях. Но для отношения работника к труду в целом как к творческому (интересному, развивающему и поэтому в значительной мере самостимулирующемуся) или же как к репродуктивному (неинтересному, монотонному, занимается которым человек только в силу внешней необходимости) определяющее значение имеет конкретное соотношение потребностей и возможностей его личности, с одной стороны, и содержание его труда — с другой. Это проблема и различных исторических типов работника, и образовательных, профессиональных, квалификационных различий в рамках одного исторического типа.

В период утверждения антагонистических, классовых обществ происходит разделение умственного и физического труда. Этот процесс был не только «профессиональной специализацией»: в обществе выявилось два типа социального содержания труда.

Как отмечает Ф. Овчинников, историческое творчество людей в классовом обществе стало развиваться в двух противоположных направлениях:

1) социально обособленная продуктивная форма деятельности. Это непосредственно творческий труд, который характеризуется индивидуально-личностными чертами. «Его основу составляет деятельность, которая жестко не регламентируется внешними для субъекта границами, целями, принципами,

---

[1] Технико-организационное содержание труда определяется набором функций работника в производственном процессе. Оно, по определению И. И. Чангли, «характеризует ...технический аспект способа соединения личностных и вещественных элементов производства» (Чангли И. И. Указ. соч. С. 98). Наиболее характерным для этого подхода является выделение ступеней в развитии труда по критерию вытеснения человека из производственного процесса: сначала замещается энергетическая, двигательная функция, затем исполнительская, контролирующая и т. д. (Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М.: Политиздат, 1976. С. 39—59). Нетрудно заметить ограниченность подобной трактовки: трудовой процесс здесь рассматривается в отрыве от его субъекта, с точки зрения инженера, рассчитывающего продолжительность и степень точности конкретных операций, ее эффект.

а реализуется в соответствии с его собственными потенциями, наклонностями, интересами»[1];

2) социально обособленная репродуктивная форма деятельности. В ней «творческий элемент в его систематическом и развитом виде дан не непосредственно, не индивидуально-личностно, а через совокупный, социально-комбинированный труд»[2]. Труд индивида не является творческим, он лишен самодеятельности.

В результате историческое творчество «осуществляется как принудительная реализация целеполагания, эмансипированного от сферы непосредственного производства и выполняемого субъектами профессиональной творческой деятельности. С одной стороны — массовый исполнительский труд, лишенный самодеятельности, творческих начал, а с другой — целеполагающая деятельность, потенциально несущая общественно значимую новацию. Соединение этих сторон происходит через механизм социального принуждения[3].

Отделение от массы работников функции целеполагания в процессе труда, с одной стороны, усиление повторяемости, стереотипности их трудовых операций — с другой, превращают их труд из сферы самореализации личности в сферу безразличия или даже негативного влияния на нее. Отделение творческого труда от работника образует основу отчуждения последнего от труда как деятельности, отчуждения от процесса труда.

Отчуждение от труда как деятельности включает так называемое технологическое отчуждение (отчуждение от труда на рабочем месте), но шире его, поскольку трудовая деятельность человека — как потенциальная, так и реальная — не сводится к его труду в непосредственном производстве. Она охватывает и труд в сфере социального управления.

Отделение работников от собственности есть важнейшая характеристика экономического строя социально неоднородных обществ. Исторически она проявляется в двух формах: отделения работников от продукта, результата их труда и отделения работников от условий труда.

В таких способах производства, как азиатский и феодальный, отношение эксплуатации не подрывает первоначального единства работника со своими средствами производства (включая землю), сложившегося на базе ручного труда, и со своими социальными условиями производства — общиной непосредственных производителей. В таких условиях не может сло-

---

[1] Овчинников Ф. Репродуктивная и продуктивная деятельность как фактор творческого развития человека. М.: Высшая школа, 1984. С. 15.

[2] Овчинников Ф. Указ. соч. С. 16.

[3] Там же.

житься субъектное отношение отчуждения производителей от средств производства и условий труда, включая систему «первичных» производственных отношений — общину. Субъект по-прежнему контролирует свои средства производства на индивидуальном (семейном) уровне, социальные условия производства — на уровне общины.

В то же время к отделяемому от него в результате «государственной» или феодальной эксплуатации продукту своего труда общинник относится уже как к «не-своему», отчужденно. Например, на барщинных работах крестьянин всегда старается главным образом сберечь свои средства труда, не заботясь о качестве работы.

Вторая форма — отделение работников от условий труда — предполагает как свое следствие и первую форму. Она характерна для рабовладельческого способа производства и для капитализма. Здесь работник относится к средствам производства и к социальным условиям производства (системе производственных отношений, «выходящих» на работника) как к чужому. Его труд с самого начала приобретает вид «работы не на себя».

Отделение работников от собственности непосредственно обусловливает возникновение субъектных отношений отчуждения от условий и результата труда (и — опосредованно — от процесса труда).

Эти формы отделения в конечном счете выражаются в отделении от работника всей системы производственных отношений, воспроизводящейся в результате его труда. Работник подчиняется независимо от него формирующимся требованиям общественного производства. Это подчинение работника «внешним» для него общественным силам на поверхности принимает форму подчинения материальным условиям, процессу и результатам его же собственного труда.

На субъектном уровне это проявляется во взаимосвязанных явлениях отчуждения от общественных отношений и их *фетишизации*.

В философской и экономической литературе фетишизм часто рассматривают исключительно как явление сознания. Действительно, в субъектных отношениях сознание — не пассивный, а действующий, активный фактор. Однако фетишизация общественно-экономических отношений в конечном счете является объективной в силу объективности подчинения работника фетишизируемым им материальным условиям, процессу и результатам его труда как части совокупного общественного труда. Фетишизация экономических отношений представляет собой поверхностное отражение в сознании субъекта объективного факта подчинения человека общественным силам, отражение овеществленной формы, а не сущности этих отношений

подчинения. В деятельности субъекта фетишизация общественных отношений проявляется как следование навязываемой извне форме поведения[1].

При капитализме апогеем фетишизма является фетишизация капитала. Он предстает как вещь (деньги, средства производства), существующая независимо от рабочего и господствующая над ним. В условиях социализма объектом фетишизации в первую очередь становятся план, закон, инструкция и другие институционализированные формы производственных отношений. Фетишизация социалистических производственных отношений происходит в той мере, в какой их формирование происходит недемократично, независимо от воли и сознания массы трудящихся[2].

Исторический опыт показывает, что любая попытка определить за работника его интересы, действовать на благо людей «сверху», не доверяя самим людям, чревата не только субъективными ошибками в экономической политике, но и отчуждением массы трудящихся от навязываемых им в «готовом виде» общественных целей и ценностей. Работники перестают (ведь это не их дело) критически осмысленно относиться к спущенным «сверху» плановым заданиям, нормативным актам, соизмерять их с реальными общественными, коллективными и индивидуальными интересами. В результате сама их трудовая деятельность нередко приобретает иррациональный характер.

Приводимый в одном из рассказов Ф. Абрамова случай, когда колхозники, повинуясь команде из центра, «по снегу сеяли», — пример, в котором работники сознают иррациональность своего труда, но послушно выполняют свою роль винтиков в работающем на холостых оборотах хозяйственном механизме. Более частым, однако, является случай, когда фетиш плана, закона, инструкции господствует и в сознании участников трудового процесса. Человек может гордиться званием передовика на предприятии, продукция которого оседает на складе.

Фетишизирующее сознание может существовать в двух полярных разновидностях.

В одном случае сознание субъекта отражает факт его подчи-

---

[1] Такое следование может проявиться даже как протест и борьба в рамках существующих форм отношений: скажем, экономическая борьба пролетариата в рамках конкурентной борьбы на рынке рабочей силы за повышение заработной платы или — в условиях социализма — борьба «за новую инструкцию, новый плановый показатель». В обоих случаях мы имеем дело с активным фетишизирующим сознанием и соответствующей деятельностью субъектов.

[2] В то же время при социализме в той мере, в которой сохраняются реальные товарные отношения, воспроизводится и свойственный предшествующим обществам товарный фетишизм.

нения овеществленным или институционализированным общественным силам зеркально, без всякого преломления. Подчинение не осознается как таковое, поскольку воспринимается как естественное, единственно возможное состояние. Такая ситуация возникает в результате длительного, «перезрелого» отчуждения труда, деформировавшего личность субъекта и приведшего к ее деградации. В этом случае отчуждение труда может носить абсолютно неосознанный характер и соответственно не проявляться непосредственно в поведении субъекта. Примером может служить покорный раб или профессиональный идиот у конвейера. Отчуждение труда тем не менее будет существовать как субъектное отношение, так как само формирование задействованного в этом отношении сознания является результатом длительного воздействия на субъекта определенных (отчуждающих) объективных условий. В поведении такого субъекта будет непосредственно проявляться не сам факт отчуждения (он его никоим образом не сознает), а результат отчуждения — рабское фетишизирующее сознание.

В другом случае сознание субъекта отражает факт его подчинения общественным силам так же поверхностно, фетишизированно, как и в первом случае, но при этом осуществляет его преломление через призму неатрофированных еще личных потребностей и интересов. В результате в сознании может возникать ответная реакция в широком спектре: от пассивного ощущения недовольства до активного чувства протеста. В любом случае отчуждение будет осознаваться субъектом. Активная роль сознания при этом будет проявляться или не проявляться в зависимости от личностных свойств субъекта. Различные субъекты, поставленные в одинаковые объективные условия отчуждения, могут реагировать и соответственно вести себя как пассивно, так и активно. Однако даже активный протест и борьба субъекта будут в силу фетишизирующего характера его сознания неизбежно направлены против внешней, превращенной формы отношений отчуждения, а не их сути.

Итак, на базе фетишизирующего сознания возможно существование как осознанного, так и неосознанного отчуждения труда. Различие этих двух форм определяется степенью развития или, наоборот, деградации потребностей и интересов субъекта, которые в свою очередь определяются в значительной мере характером и длительностью воздействия на личность субъекта условий отчуждения. От личностных свойств субъекта зависит также активная или пассивная форма проявления осознанного отчуждения.

Но отчуждение труда и фетишизирующее сознание — не неразлучные спутники. По критерию глубины осознания субъектом факта своего подчинения отчужденное сознание тяготеет

к двум полюсам. Один полюс представлен описанным выше фетишизирующим сознанием субъекта, сознающего свое отчуждение, но лишь в наиболее поверхностной, превращенной форме. Другой — глубоким, научным пониманием сущности отношений отчуждения труда. В реальности массовое экономическое сознание колеблется между двумя полюсами, постепенно приближаясь к последнему. При этом как фетишизированное, поверхностное, так и научное отражение в сознании отчуждения труда могут носить активную или пассивную форму.

Если неосознанное отчуждение может проявляться исключительно пассивно, в форме рабской покорности внешним силам, то осознанное отчуждение труда способно проявляться как пассивно, в форме безразличного или негативного отношения к труду, его условиям и результатам, так и в активной форме борьбы против такого положения, когда субъект испытывает отчуждение. В зависимости от глубины осознания субъектом сущности своего отчуждения объектом его враждебности могут становиться либо овеществленные формы общественных отношений (борьба луддитов против машин как воплощения капитала), либо господствующий в обществе класс, заинтересованный в сохранении наличной формы отчуждения труда.

При социализме осознание массами факта и существа отчуждения своего труда оказалось в силу ряда конкретно-исторических причин задержанным на несколько десятилетий. Отсюда первоначальное преобладание в условиях социализма пассивных форм проявления отчуждения. Этому способствовала также объективная трудность формирования направлений активной борьбы в обществе, не разделенном на враждующие классы. Современная перестройка всех сторон общественной жизни в нашей стране является тем не менее ярким примером возможности и необходимости активных форм проявления осознанного на научном уровне отчуждения труда в ходе социалистического строительства.

Исключительное методологическое значение имеет вопрос о месте и роли отношений отчуждения труда в функционировании и развитии систем экономических отношений различных формаций. Этот вопрос, очевидно, является одним из наиболее теоретически сложных.

Результат отношений отчуждения труда имеет два измерения: непосредственно для самого субъекта отчуждения и для экономической системы общества в целом.

Применительно к классовым обществам отчуждение труда — нормальное явление. Оно представляет собой как бы оборотную сторону антагонистического типа общественного развития, показывая не только его антигуманную сущность,

но и социальные и экономические издержки его воспроизводства. Сам хозяйственный механизм антагонистических способов производства рассчитан на применение отчужденного труда. Недаром основную его часть образует система принуждения к труду, варьирующаяся от формации к формации, но остающаяся неизменной в своей сущности — заставить человека работать не на себя, ради чуждого ему результата.

До тех пор, пока механизм принуждения к труду работает успешно, не давая недовольству работника «прорваться» в его трудовой деятельности, отчуждение труда не сказывается на нормальном ходе воспроизводства классовых обществ. Но в момент сбоя в этом механизме принуждения, когда работник, пусть в очень узких рамках, получает «свободу» (читай: оказывается безнадзорным), этот работник материализует всю свою отчужденность в своей деятельности и в ее продукте: раб «con amore» (со сладострастием) ломает свое орудие, крепостной гноит барское добро, наемный рабочий халтурит и отлынивает от работы.

Поскольку социализм, ликвидировав класс эксплуататоров, все же не преодолел старое, порабощающее человека разделение труда, то как объективные предпосылки отчуждения труда, так и само это субъектное отношение воспроизводятся и при социализме. Но именно оттого, что отчуждение труда, присутствуя в социально-экономическом строе социализма, не вытекает из сущностных отношений коммунистического способа производства, оно вырастает в относительно самостоятельное явление, негативное влияние которого на экономику и на общество в целом ощущается при социализме гораздо сильнее, чем в досоциалистических формациях.

Коммунистический способ производства отличается тем, что в системе трудовых стимулов, трудовой мотивации внешнее принуждение к труду впервые за всю историю человечества постепенно теряет свой абсолютно необходимый характер. Каждый человек начинает работать в конечном счете на себя, может рассматривать себя как входящего в коллектив потребителей всего создаваемого им продукта. Это подкрепляется объективной, заложенной в самой цели способа производства потребностью социалистического общества в постоянном обогащении содержания труда, развитии его творческих элементов, что формирует у работников особую потребность в творческом труде. В социалистическом обществе система трудовой мотивации приобретает по сравнению с капитализмом более сложный и неоднозначный характер.

Чем слабее в действующем хозяйственном механизме социалистического общества учитывается объективное изменение положения работника в производстве, открывающее простор

для проявления его субъектного отношения к труду, тем тяжелее сказывается на экономике социализма воспроизводящееся отчуждение труда производителей.

Результат отчуждения труда для самого субъекта — деформация его личности, возникающая как итог отмирания тех потребностей, которые выходят за рамки воспроизводства его рабочей силы в ее специфической ограниченности. В первую очередь это потребность в творческом труде. Сформировавшееся у субъекта отношение к труду только как к средству к жизни неизбежно ведет к ограничению самореализации его личности исключительно сферой потребления. Отчужденный работник пытается компенсировать себя в качестве «свободного потребителя», не замечая, что и в этой сфере он подпадает под власть стандартов и стереотипов поведения, сформированных не им самим, а «индустрией потребления». Отчужденный работник становится отчужденным потребителем. Такой человек представляет собой продукт объективных, надчеловеческих общественных отношений, начинающих в этом случае развиваться как бы помимо него.

С точки зрения функционирования и развития экономической системы общества в целом значение отчуждения труда не столь велико, оно может играть и отрицательную, и положительную роль в развитии производительных сил и производственных отношений. Отчуждение труда в его различных проявлениях тесно связано с такими общепризнанными двигателями общественного прогресса, как классовая борьба (в антагонистических обществах) и развитие производительных сил. Классовая борьба выступает наиболее активной формой проявления достаточно глубоко осознанного отчуждения труда. Развитие производительных сил обусловливается отчуждением труда в той мере, в какой последнее имеет в своей основе противоречие между уровнем и характером развития личного фактора производительных сил, с одной стороны, технического и организационного — с другой.

Выше уже отмечалось, что отчуждение труда может существовать либо в осознанной, либо в неосознанной форме. Рассматривая *роль отчуждения труда с точки зрения развития общества*, именно последняя форма представляется нам наиболее опасной, так как грозит торможением общественного прогресса, застоем. Действительно, представим себе общество, в котором масса производителей не испытывает ни малейшего дискомфорта в связи с отчуждением своего труда. В таком обществе невозможной будет не только классовая борьба. Невозможным окажется само развитие производительных сил, поскольку мы уже фактически предположили отсутствие прогресса их главного, личного фактора. Понятно, что общество,

целиком состоящее из работников, никоим образом не сознающих своего отчуждения, будет обречено на стагнацию.

Представление о позитивном в конечном счете значении осознанного отчуждения труда и негативной роли неосознаваемого отчуждения на первый взгляд противоречит здравому смыслу. Казалось бы, «цена» осознаваемой формы отчуждения труда для экономики гораздо выше: она определяется, например, потерями от забастовочной борьбы трудящихся, текучести кадров, снижения дисциплины труда и т. д. Работник, переживающий «кризис трудовой мотивации», никогда не работает в полную силу, в то время как не осознающий своего отчуждения труженик, хотя и ограничен объективно по своему трудовому потенциалу, честно отрабатывает свой хлеб. Однако анализируя роль отчуждения труда с точки зрения исторического прогресса общества, придется признать довольных своим положением отчужденных работников менее полезными для развития экономики, чем участников активных или даже пассивных форм протеста против отчуждения. Именно последние непосредственно толкают прогресс производительных сил и производственных отношений.

Отчуждение труда правомерно рассматривать как элемент самодвижения способа производства. «Отчуждение труда» как субъектно-объектная категория характеризует этот механизм со стороны взаимодействия между субъектами производства (в их двоякой роли — личного фактора производительных сил и субъектов производственных отношений), с одной стороны, и объективными (вещественными и социальными) условиями их производства — с другой. Форма этого взаимодействия есть специфическая форма экономической деятельности людей.

В рамках политэкономического учения об отчуждении труда необходимо рассматривать не только объективные экономические условия отчуждения (это предмет бессубъектной политэкономии) и тем более не само по себе отчужденное экономическое сознание (это предмет социальной психологии), а процесс порождения отчуждающими экономическими условиями отчужденного экономического сознания в самой экономической деятельности. Политэкономы, разумеется, не смогут плодотворно анализировать этот процесс без помощи социологов и социальных психологов, поскольку характер реакции определенных групп населения на одни и те же объективные условия может быть качественно различным. Однако, принимая во внимание различные субъективные формы проявления отчуждения труда, политическая экономия должна концентрировать внимание на изучении закономерного исторического процесса возникновения, развития и отмирания отношений отчуждения труда.

II

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ К. МАРКСА

Основоположник научного социализма К. Маркс по праву считается пионером анализа отчуждения труда, «отцом» этой категории. Недаром ни одно обращение к проблеме отчуждения труда и производных от него форм экономического отчуждения не обходится без ссылок на его работы. Вместе с тем в научной литературе сложилось два стереотипа восприятия теории отчуждения К. Маркса. Согласно первому при характеристике феномена отчуждения труда авторы, как правило, опираются на несколько цитат из «Экономическо-философских рукописей 1844 года», буквально кочующих из работы в работу[1]. В соответствии с другим сами рукописи относят к незрелым произведениям, проблематика которых позднее была исследована на качественно новом теоретическом уровне в «Капитале» и подготовительных рукописях к нему[2]. Это в большинстве случаев служило основанием для вынесения категории (а вместе с тем и феномена) отчуждения за рамки политической экономии.

Преодолеть подобные стереотипы можно, лишь проследив развитие взглядов К. Маркса не только на соответствующую категорию, но и на феномен отчуждения как таковой, при помощи каких категорий он бы ни раскрывался.

Наше исследование направлено на выявление эволюции взглядов К. Маркса на интересующую нас проблему, начиная с его первых работ и кончая последними.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 90—92.

[2] Наиболее ярко эту позицию выразил один из самых авторитетных марксоведов Т. И. Ойзерман, считающий, что отчуждение в ранних работах «представляло собой не столько содержание, предмет исследований молодого Маркса, сколько форму, подход к научной социалистической критике капиталистического общества» (Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М.: Знание, 1965. С. 52).

1. Генезис теории отчуждения в домарксов период

Для полного представления о марксовом учении об отчуждении необходимо начать с его истоков, с истории формирования категории отчуждения. Это важно и потому, что выработка К. Марксом собственного понимания отчуждения явилась результатом критического усвоения предшествующих теорий. Развитие категории «отчуждение» в домарксистской философии подробно рассматривалось в литературе[1]. Мы лишь кратко остановимся на основных этапах этого развития.

Проблема отчуждения имеет длительную историю развития в философии. Она восходит своими истоками к Платону, к теологии. Первоначально отчуждение изучалось в религиозной форме как отчуждение земного существования человека от божественного первоисточника, его снятие усматривалось в слиянии с богом в веровании. Разработка проблемы религиозного отчуждения отражала конкретные реалии средневековой действительности. Именно религия представляла собой убежище, правда, иллюзорное, от различных форм социального отчуждения. Но иллюзорность освобождения превращала саму религию в одну из таких форм.

Только с возникновением и развитием капитализма понятие отчуждения выходит за рамки религиозного и приобретает политически-правовое и социально-экономическое содержание. Вступление на историческую арену капитализма означало, помимо всего прочего, и обострение проблемы политических прав и свобод. Главным стал вопрос политический — о завоевании власти третьим сословием. С уничтожением феодального государства, с установлением равных политических прав связывалась возможность преодоления в политической сфере всех форм социального отчуждения.

Возникла проблема соотношения «политической эмансипации» и отчуждения. Ее исследовали Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо, К. А. Гельвеций и др. — сторонники теории «общественного договора», согласно которой государство есть продукт отчуждения прав и свобод отдельными индивидами.

Английский материалист XVII в. Т. Гоббс использует понятие отчуждения для объяснения механизма возникновения государства. Государство, по его мнению, есть продукт добровольного отчуждения людьми своей абсолютной свободы, абсолютных прав, характерных для «естественного состояния» общества. Следствием абсолютности свобод «естественного состояния» являлась «война всех против всех». В результате «общественного договора» люди отчуждают свои права и свободы и выражают приобретенное таким образом единство в лице государства. Государство, «искусственное тело», становится самостоятельной силой, способной навязывать свою волю людям. У Гоббса нет ярко выраженного негативного оттенка в оценках отчуждения, нет его осуждения: подчинение государству должно быть безусловным. Отчуждение прав в пользу государства — благо, так как эти права обмениваются на безопасность. Поэтому Гоббсом не ставится задача преодоления отчуждения. У Ж. Ж. Руссо, одного из представителей французского просвещения XVIII в., отчуждение помимо политически-правового приобретает и социальное содержание. Современное ему общество он характеризует как отчужденное. Естественному состоянию равенства он противопоставляет общество неравенства, общество отчуждения. Сфера действия отчуждения у него

---

[1] Навасардян Р. Г. Формирование марксистской концепции человека (начальный период). Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1976. С. 85—173; Нарский И. С. Указ. соч. С. 10—37; Огурцов А. П. Указ. соч. С. 41—54; Погосян В. А. Проблема отчуждения в «Феноменологии духа» Гегеля. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973; Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. С. 21—35; Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. С. 583—615 и др.

по сравнению с Гоббсом расширяется. Социальные учреждения (в первую очередь государство, религия, мораль, искусство), являясь посредниками между людьми, отделяются от них, приобретают самостоятельность и могут господствовать над своими создателями.

Механизм возникновения отчужденных социальных учреждений, как и у Гоббса, добровольный. Но социальные последствия этих добровольных действий уже не устраивают самого человека. У Руссо в отличие от Гоббса четко выражено негативное отношение к отчуждению: отчуждение необходимо преодолеть. Идеалом Руссо является такое общество, в котором социальные учреждения не довлеют над человеком, связи между людьми прозрачны.

Плодотворным в учении Руссо является обнаруженная им связь отчуждения и проблемы развития личности. Отчуждение социальных отношений уродует человека, раздваивает его существование, делает его частичным. Идеалом для Руссо выступает целостный, разносторонне развитый человек, способный заниматься любой деятельностью.

Французский материалист XVII в. К. А. Гельвеций, исходя из принципа полезности, отмечал, что преследование людьми своих личных интересов часто обращается им не на пользу, а во вред. Один из мотивов отчуждения у Гельвеция — выход из-под контроля людей их собственной деятельности, враждебность им ее результатов. Он также разделял теорию «общественного договора», но исследование политического отчуждения велось им на более общем фоне социального отчуждения, отчуждающей деятельности людей при преследовании ими своих личных интересов.

Таким образом, теоретики «общественного договора» анализировали политическое отчуждение как главную форму отчуждения и государство как продукт этого отчуждения. Общую основу отчуждения они видели в отделении от людей процесса и результатов их собственной деятельности, которые становились неподконтрольными своим создателям и даже господствующими над ними. Деятельность в данном случае понималась широко, как любая социальная деятельность.

Отчуждение теоретики «общественного договора» не считали естественным, ему противополагалась свобода. Следовательно, возникновение отчуждения рассматривалось ими исторически, хотя исходный пункт его был все же идеалистическим: государство есть результат соглашения.

Теория политического отчуждения сыграла важную роль в практической деятельности французской буржуазии, нашла свое воплощение в «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.) и в Конституции (1792 г.) в принципе неотчуждаемых прав члена общества, главным среди которых было право частной собственности.

Концепция отчуждения теоретиков «общественного договора» явилась исторической предшественницей философских учений об отчуждении. И именно концепции отчуждения немецких философов (И. Канта, И. Г. Фихте, Г. Гегеля, Л. Фейербаха) стали теоретическими истоками марксового понимания этой категории.

Кант рассматривает отчуждение как гносеологическую проблему. Объективная реальность, существуя безотносительно к ее познанию, является «вещью в себе», непознаваемой. Человек сам, силой своего воображения, творит познаваемый мир — «вещь для себя», который неадекватен объективному миру — «вещи в себе». Внешний, сотворенный человеком мир противостоит ему как продукт отчуждающего творчества его же собственного духа. Отчуждение, по мнению Канта, преодолевается единством творчества и познания. Человек в кантовской философии является активной фигурой, субъектом процесса отчуждения. При этом человека Кант рассматривает как высшую ценность, конечную цель природы, а человеческую жизнь — как многообразное проявление человеческой сущности[1].

---

[1] Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 349—589.

Дальнейшее развитие категория отчуждения получила в учении Фихте. По Фихте, сущностью человека, его назначением является деятельность. Кроме субъективной деятельности по самоусовершенствованию он выделяет деятельность, направленную вовне, на преобразование предметного мира. Человек, вернее общечеловеческое в человеке, абсолютное «я», помимо собственного самоусовершенствования, творения самого себя создает и внешний предметный мир, природу, «не-я». Этот мир, «не-я», обладая самостоятельностью, выступает внешним по отношению к «я», определяет «я». Поскольку деятельность по отчуждению от «я» (субъекта) отличного от него «не-я» (объекта) является духовной, отчуждение выступает как отчуждение самосознания, превращение духа в иное, материальное. И это материальное становится определяющим по отношению к духу, производное определяет основу. Отчуждение согласно Фихте предполагает свое собственное преодоление. В силу своих идеалистических воззрений он мыслит снятие отчуждения путем его осознания, осознания каждым индивидом своей сущности — неизменного абсолютного «я». Эмпирическое сознание посредством культуры (процесса согласования «не-я» с «я») поднимается до уровня чистого «я», осознает внешний мир не как чуждую силу, а как собственное творение, творение своего абсолютного «я».

Категория отчуждения получила высшее в немецкой классической философии развитие в учении Гегеля.

Многие исследователи подчеркивают универсальность понятия «отчуждение» в системе Гегеля[1]. Поэтому для уяснения места и содержания этой категории выделяются подходы, виды, аспекты отчуждения в философии Гегеля. В. А. Погосян различает три аспекта в разработке Гегелем проблемы отчуждения: онтологический, гносеологический и социологический. В последнем случае, по его мнению, у Гегеля есть догадки относительно действительной природы отчуждения. Т. И Ойзерман отмечает, что Гегель разрабатывает отчуждение в трех главных аспектах: онтологическом, гносеологическом и философско-историческом[2].

И. С. Нарский в рассмотрении проблемы Гегелем выделяет общефилософский, гносеологический, социальный и историко-культурный подходы[3]. Он же указывает на три вида отчуждения у Гегеля: переход идеи в природное, опредмечивание объективного духа в социальные институты и овеществление человеческого духа в продуктах его труда[4]. Д. Лукач выделяет три ступени анализа отчуждения в гегелевской системе: первая — отчуждение как субъектно-объективное отношение, которое характеризует любую форму труда; вторая — капиталистическая форма отчуждения, при исследовании которой у Гегеля содержатся некоторые догадки о действительной природе отчуждения. Д. Лукач отмечает, что первая ступень часто смешивается у Гегеля со второй. И третья ступень — общий философский смысл отчуждения[5]. В последнем случае Гегель отождествляет отчуждение с предметностью, вещностью. И так как отчуждение — не только результат, но и процесс, отчуждением Гегель объясняет историю возникновения предметности.

По Гегелю, отчуждение — это инобытие абсолютной идеи. Движение абсолютной идеи на пути к самой себе, к самосознанию себя во всем многообразии представляет собой отчуждение и его снятие. Абсолютная идея «отпускает» из себя материальное как чуждое и противоположное себе, в развитии которого от неживого к живому, от природы к обществу и т. д. до

---

[1] Погосян В. А. Указ. соч. С. 43; Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. С. 27; Нарский И. С. Указ. соч. С. 15.

[2] Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. С. 27.

[3] Нарский И. С. Указ. соч. С. 37.

[4] Там же. С. 16.

[5] Лукач Д. Указ. соч. С. 585—587.

вершин философии, где окончательно снимается эта чуждая материальность, предметность, она познает сама себя. Отчуждение у Гегеля отождествляется с объективацией, опредмечиванием, овеществлением.

Природа и общество являются различными формами отчуждения абсолютной идеи. Надо отметить, что в «Логике», в сфере «чистой» идеи нет отчуждения. Отчуждение — это процесс возникновения из «чистой» идеи природы, а затем духа. История служит ареной реализации духа: его отчуждения и преодоления этого отчуждения. Природа представляет собой вечное отчуждение, поэтому развитие здесь, по Гегелю, только кажущееся. А история — это отчуждение идеи во времени, действительное развитие.

Субъектом отчуждения у Гегеля, следовательно,является абсолютная идея. Это положение представляет прямое развитие фихтевского понимания отчуждения. Если у Канта субъектом процесса отчуждения был конкретный человек, обладающий творящей предметность силой воображения, то у Фихте — это уже общечеловеческое и в некотором смысле надчеловеческое абсолютное «я». У Гегеля субъект отчуждения совсем порывает с конкретным человеком и представляет собой абсолютную идею, лишь одна из форм развития которой — дух, связана с человеком, выступает в качестве его сущности — самосознания.

Необходимость преодоления отчуждения заложена в исходном и в конечном пунктах развития абсолютной идеи: в первоначальном «пустом» и в предполагаемом многообразном конечном единстве идеи в самой себе. Отчуждение является лишь посредствующим звеном на пути идеи к самой себе. Отчужденное состояние является формой, способом существования абсолютной идеи: «...понимающее познание в предмете находится абсолютно *у себя самого*»[1].

Отчуждение преодолевается посредством познания идеей самой себя, путем снятия предметности, распредмечивания. Ни о каком материальном снятии отчуждения у Гегеля не может быть и речи.

Антиподом отчуждения, как и у теоретиков «общественного довора», по Гегелю, является свобода. Свобода предполагает и отчуждение, и его снятие[2].

Согласно Гегелю свобода есть подлинная сущность духа, но первоначально он обладает ею только потенциально, как целью[3]. Лишь побывав в отчужденной форме предметности и сняв ее, дух может быть свободным. «Все развитие понятия духа представляет собой только самоосвобождение духа от всех форм наличного бытия, не соответствующих его понятию»[4]. Поэтому отчуждение есть одновременно и его снятие, форма («извращенная», противоположная сущности) реализации свободы. К. Маркс видел большую заслугу Гегеля в том, что тот понимал процесс отчуждения одновременно и как его преодоление.

Следует отметить, что Гегель видит свободу не в материальном, а лишь в духовном: «Понятие — свобода — в сущности имеет значение только как мышление»[5]. И отдельный человек, и целые народы становятся свободными только благодаря осознанию свободы как своей сущности. Осознание свободы ведет к осуществлению ее не в материальной жизни, а лишь в сфере надстройки. И в этом смысле Гегель говорит о «предметности» свободы как о ее действительности: «...свобода... сама прежде всего есть только понятие, принцип духа и сердца, и сама определяет себя к развитию до степени предметности, до степени правовой, нравственной и религиозной, а также и научной

---

[1] Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. С. 311.
[2] Там же. С. 25.
[3] Там же. С. 26.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 312.

действительности»[1]. Следовательно, свобода мыслится им как свобода в самосознании. Поэтому и преодоление отчуждения является также функцией самосознания.

У Гегеля есть важные догадки об экономической свободе, экономическом отчуждении. Это видно на известном примере отношения между рабом и господином, рассматриваемом в общем плане связи господства и подчинения. Формально господин считается свободным, а раб — его подчиненным. Но в действительности господин не может жить без того, чтобы раб не отчуждал в его пользу свой труд. Поэтому ни раб, ни господин не являются свободными в реальности. «Господин, противостоящий рабу, не был еще истинно свободным, ибо он еще не видел в другом с полной ясностью самого себя. Только через освобождение раба становится, следовательно, совершенно свободным также и господин»[2]. Человек может быть свободен лишь тогда, когда свободны и все другие. Следовательно, свобода не есть личное качество отдельного индивида. Гегель приближается к пониманию общественной природы свободы: «...я только тогда истинно свободен, если и другой также свободен и мной признается свободным»[3].

Свобода господина оказывается мнимой. Анализ диалектики свободы и подчинения есть в то же время исследование так называемых «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения, развитое позднее К. Марксом. «Первичная» фигура — этот тот, от которого отчуждается, «вторичная» — в пользу которого отчуждается. Господин и представляет собой эту «вторичную» фигуру отчуждения — мнимо свободную, но реально зависимую от материальной деятельности своего раба. Поскольку, пишет Гегель, раб работает не только на себя, но и на господина, т. е. на благо другого, то он возвышается над своей единичностью и «постольку стоит по своей ценности выше, чем господин, остающийся во власти своего себялюбия»[4].

Идеалистически, но вместе с тем исторически рассматривается Гегелем проблема прогрессивности рабства, вернее, всей системы внеэкономического принуждения. Он пишет: «Не испытав на самом себе этого принуждения, ломающего своеволие личности, никто не может стать свободным, разумным и способным повелевать. Чтобы стать свободным, чтобы приобрести способность к самоуправлению, все народы должны были пройти предварительно через строгую дисциплину и подчинение воле господина»[5]. Необходимость системы прямого принуждения, по Гегелю, заключается в задаче воспитания воли и умения быть свободным, т. е. в развитии человека[6] как субъекта истории. «Рабство и тирания составляют, следовательно, в истории народов необходимую ступень и тем самым нечто *относительно* оправданное»[7].

По Гегелю, отчуждение снимается в самосознании, когда раб начинает осознавать свою сущность свободной. Самосознание свободы определяет волю к действию. Если абсолютизировать роль самосознания в преодолении реального отчуждения, игнорировать историзм Гегеля (правда, идеалистический), понимание им реальных исторических движений, то это может привести к вульгаризации его учения. В. А. Погосян не без оснований пишет по этому поводу: «Подлинная свобода раба — это не только и не столько свобода в

---

[1] Гегель. Указ. соч. Т. 3.
[2] Там же. С. 248.
[3] Там же. С. 241.
[4] Там же. С. 246.
[5] Там же.
[6] Человек у Гегеля отождествляется с его самосознанием. Это, в частности, вытекает из ложного отождествления любой предметности с отчуждением: сущность человека не может быть формой отчуждения, а потому и не может быть предметной.
[7] Гегель. Указ. соч. С. 246.

мышлении, свобода «в цепях», переходящая в отчуждение несчастного сознания, сколько свобода буржуа, совершающего антифеодальную революцию. Элемент практического в философии Гегеля полностью выпадает из поля зрения, если, например, марксовскую критику младогегельянства принимать за критику самого Гегеля»[1].

Во многих произведениях Гегеля встречаются догадки относительно роли человеческого труда.

В «Философии права», исследуя гражданское общество, Гегель в качестве его основы выделяет труд. С одной стороны, труд удовлетворяет потребности, создавая предмет потребления путем опредмечивания, отчуждения человеческого духа в труд. С другой стороны, труд формирует, развивает человека. По К. Марксу, в «Феноменологии духа» Гегель рассматривает «самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения... он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*»[2].

Далее К. Маркс пишет: «Правда, Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*»[3].

Гегель писал, что труд есть отчуждение (опредмечивание) человеческого духа. Но у него нет понятия отчуждения самого труда. Согласно Гегелю материальный труд представляет собой лишь отчужденное инобытие духовного труда. Поэтому сущность труда — дух — не может быть в себе отчужденной.

Гегель улавливал негативные стороны труда при его разделении. Он не только видел значение разделения труда для роста производства, но и обнаружил неблагоприятное влияние разделения труда на личность человека: «Труд, делающийся вместе с тем (с разделением труда. — *Авт.*) более абстрактным, влечет за собой, с одной стороны, вследствие своего единообразия легкость работы и увеличение производства, с другой — ограничение каким-нибудь одним умением и тем самым безусловную зависимость от общественной связи. Само умение становится вследствие этого механическим и делает возможной замену человеческого труда машиной»[4]. Эти негативные последствия Гегель никак не связывал с капиталистической формой труда и поэтому увековечивал ее[5]. Он видел отчуждающее влияние разделения труда, но не довел его анализа до понятия отчуждения самого труда, что обусловлено общефилософским ракурсом исследования отчуждения.

Оценивая экономический аспект в гегелевской трактовке отчуждения, необходимо избегать крайностей. С одной стороны, нельзя игнорировать его, как это делал Фейербах. По мнению Д. Лукача, слабость Фейербаха не в последнюю очередь состоит в том, что тот подходит к гегелевской диалектике лишь с точки зрения философа, рассматривает отчуждение исключительно как философскую проблему. Д. Лукач считает, что после Гегеля только К. Маркс исходит из единства философского и экономического подходов в трактовке отчуждения[6]. С другой стороны, нельзя абсолютизировать экономический аспект в гегелевской трактовке отчуждения, ибо он выражен очень слабо.

По Гегелю, в гражданском обществе именно частная собственность, являясь основой реальной свободы, делает индивида личностью. Это положение

---

[1] Погосян В. А. Указ. соч. С. 63.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 158—159.

[3] Там же. С. 159.

[4] Гегель. Указ. соч. С. 343.

[5] Именно в этом смысле К. Маркс пишет о Гегеле: «Он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 159).

[6] Лукач Д. Указ. соч. С. 607, 610.

служит основой буржуазной позиции в экономических взглядах Гегеля. Но эта позиция не носит последовательного характера, что проявляется, в частности, в неоднозначности его взглядов на исторические формы отчуждения и его преодоления.

Представляется бесспорным, что Гегель выступает против «духовного животного царства» — феодальной формы отчуждения личности, вписывающейся в исследованную им схему господства — подчинения. Некоторые авторы в критике Гегелем «духовного животного царства», «царства всеобщего отчуждения» видят критику не только феодального, но и раннебуржуазного отчуждения[1]. Трудность такого разграничения связана с исторической нерасчлененностью отчужденного состояния духа и с общим отождествлением отчуждения с опредмечиванием. Насколько буржуазная революция уничтожает феодальную несвободу (ограничение прав личности), настолько она уничтожает феодальную форму отчуждения. Что же касается отчуждения вообще, то оно может быть уничтожено лишь постольку, поскольку человечество возвышается над предметностью вообще. И наконец, насколько возвращение духа из инобытия отчуждения, предметности к самому себе в философии совпадает (по сути совершенно случайно) с буржуазным этапом истории, настолько и снимается буржуазная форма отчуждения, представляющая, таким образом, последнюю ступень в гегелевской истории отчуждения.

Итак, вся немецкая идеалистическая философия отождествляет отчуждение с объективацией (духовной деятельности человека — по Канту, абсолютного «я» — по Фихте, абсолютной идеи — по Гегелю), с опредмечиванием. Исходя из принципа идеалистического монизма, эти философы в качестве отчуждающей деятельности рассматривают только духовную деятельность. Поэтому и снятие отчуждения, по их мнению, происходит в сознании и благодаря сознанию.

Надысторизм философских идеалистических концепций отчуждения в отличие от концепций «общественного договора», анализировавших социально-политическую сторону отчуждения, сказывается в том, что, во-первых, отчуждение рассматривается преимущественно в общефилософском ракурсе; во-вторых, исторические формы отчуждения нерасчленены и сами по себе не являются предметом анализа.

Следующая ступень в развитии философской категории отчуждения — учение Фейербаха. У него отчуждение не имеет такого универсального значения, как у Гегеля. «Эволюция понятия отчуждения в немецкой философии ее классического периода, — пишет Р. Г. Навасардян, — привела к тому, что гегелевская попытка универсализации этого понятия через отождествление с диалектическим процессом вообще была отвергнута Л. Фейербахом»[2].

У Фейербаха отчуждение ограничено рамками религии и спекулятивной философии (как рациональной, систематизированной религии). Таким образом, Фейербах сужает сферу отчуждения по сравнению с Гегелем. Но это сужение позволило ему сфокусировать внимание на реальном социальном отчуждении.

Субъектом отчуждения у Фейербаха является человек. Его критика отчужденных форм религии и идеализма тесно связана с проблемой человека. Противопоставляя свое понимание человека религиозным концепциям, рассматривавшим в качестве сущности человека нематериальную душу, Фейербах акцентирует внимание на природной стороне человека. Природа, по его мнению, представляет собой естественную основу и естественную среду человека. Но специфика человека — не в его природности. Она состоит, во-первых, в мышлении, благодаря которому человек может отделить свою сущность от существования и затем воздействовать на это существование, во-вто-

---

[1] Нарский И. С. Указ. соч. С. 33; Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения труда и буржуазная легенда о марксизме. С. 29.

[2] Навасардян Р. Г. Указ. соч. С. 169.

рых, в наличии у него различных потребностей. Совокупность потребностей, в которую кроме биологических входит, например, потребность в общении, составляет человеческую сущность.

Кроме понятия «человеческая сущность» к исходным Фейербах относит понятия «человеческий род», «родовая сущность». Род — это соединение индивидуумов, связанных между собой существованием. «Родовая сущность» выступает как термин, аналогичный «человеческой сущности», он отражает потребности, способности людей, абстрагированные от их многообразных проявлений в конкретных индивидах. «Человеческая сущность» согласно Фейербаху и является объектом отчуждения. Отчуждение в религии выражается в том, что люди воспринимают «родовую сущность» в виде сущности не своей, а бога.

«В христианской религии, — отмечает Фейербах, — *выражается отношение человека к самому себе* или, вернее, *к своей сущности,* которую он рассматривает как нечто постороннее. Божественная сущность — не что иное, как человеческая сущность ...*почитаемая в качестве посторонней, отдельной сущности*»[1].

Снятие отчуждения, по мнению Фейербаха, должно произойти через просвещение людей. В этом положении — та же идеалистическая апелляция к изменению самосознания, что и у Гегеля.

Только благодаря осознанию божественной сущности как своей человеческой сущности люди и могут воспринять утраченную ранее человеческую сущность и стать «цельными людьми». Фейербах выступает за восстановление целостного человека, у которого должны гармонично сочетаться и реализоваться следующие существенные свойства: чувственность, разум, нравственность и воля. Таким образом, реализация сущности человека, по Фейербаху, никак не связана с чувственно-предметной деятельностью, а создание условий для этой реализации не требует никакого преобразования общественных отношений. Такая позиция является следствием безразличия Фейербаха к социально-экономической стороне отчуждения.

У Фейербаха выпало из поля зрения отчуждение в сфере труда. Если Гегель приближался к пониманию сущности человека через труд, то у Фейербаха труд не имеет никакого отношения к сущности человека.

Хотя Фейербах обходит молчанием конкретные причины, вызвавшие отчуждение человеческой сущности, по сути источником отчуждения он считает саму природу человека. Необъясненность реальных корней религиозного отчуждения у Фейербаха критикует и К. Маркс: «Главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы»[2].

По мнению Фейербаха, формой отчуждения является и идеалистическая философия. Абсолютизация идеи, духа — это та же абсолютизация бога.

Отчуждение, по Фейербаху, снимается благодаря осознанию его и преодолению религии и идеалистической философии. На место христианства становится атеистическая религия любви, а на место идеалистической философии — антропология (Фейербах избегает термина «материализм»). Антиподом отчуждения у Фейербаха, как и у его предшественников, является свобода, свобода реализации человеческой сущности.

Фейербах более резко, чем Гегель, выступает против отчуждения, поскольку отчуждение переносится им на земную основу и начинает отражать действительные факты реальной жизни людей.

---

[1] Фейербах Л. Избр. филос. произв. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 43.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 2.

Таким образом, следует отметить, что Фейербах сделал шаг назад по сравнению с Гегелем, отбросив диалектическое рассмотрение этой категории, оставив в стороне труд как сферу отчуждения. Но в то же время он продвинулся вперед, напрямую связав отчуждение с человеком, с реализацией его способностей.

После Гегеля проблема отчуждения оказалась в центре философских дискуссий. «Если правогегельянцы рассматривали гегелевскую проблему отчуждения как философское оправдание христианского мифа о сотворении мира богом, то младогегельянцы используют эту проблему в борьбе против религии»[1].

Младогегельянцы абсолютизировали явления самосознания и, таким образом, двигались назад от Гегеля к субъективному идеализму Канта и Фихте. Отчуждение они рассматривали исключительно как отчуждение самосознания. Преодоление отчуждения также мыслилось ими только в самосознании, благодаря усвоению философии Гегеля критически-мыслящей элитой общества, возвысившейся над непросвещенной «некритической» массой. Концепция отчуждения младогегельянцев подверглась критическому рассмотрению К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Немецкая идеология». Они, в частности, выступили против свойственного младогегельянцам отождествления отчуждения с любой нетождественностью двух явлений, их чуждостью друг другу. Такую расширительную трактовку отчуждения К. Маркс назвал абстрактной фразой об отчуждении[2].

Определенное влияние на раннего К. Маркса и его концепцию отчуждения оказал «истинный социалист» М. Гесс. Учение об отчуждении человеком его собственной «сущности», сформулированное Фейербахом применительно к религии, Гесс использовал для истолкования социально-экономических явлений. Он считал, что над человеком господствуют его собственные творения — государственная власть в сфере политики, бог в религии, деньги в экономике. По его мнению, социализм освободит человека от господства его собственных, «отчужденных им созданий».

Гесс перенес исследование отчуждения в область экономики (но еще не производства) и политики, связав его с общефилософским подходом. Представляют интерес его замечания о денежном фетишизме как форме проявления отчуждения. В статье «О сущности денег» Гесс пишет: «Деньги — это продукт взаимно отчужденных людей, отрешенный вовне человек... Бог — это только идеализированный капитал, небо — это только теоретический торгашеский мир... Торгашеский мир — это практический мир видимости и лжи»[3]. Современному ему обществу Гесс противопоставляет социализм, который предполагает реализацию антропологического принципа. В этом пункте Гесс смыкается с Фейербахом. Гесс в философских традициях отчуждению противопоставлял свободу, а именно свободную самодеятельность.

Определенную роль в становлении марксовой концепции отчуждения сыграли работы классиков буржуазной политической экономики с их культом «производящего человека», движущегося в рамках отчужденного труда (иного труда классики буржуазной политической экономии не знали, для них любой труд — труд-страдание), а также произведения социалистов-утопистов и социалистов-рикардианцев, в которых была предпринята попытка снятия отчужденного характера труда в рамках буржуазной политической экономии. Но классическая буржуазная политическая экономия, социалисты-утописты и социалисты-рикардианцы на марксистскую концепцию отчуждения оказали лишь косвенное влияние. Непосредственно К. Маркс отталкивался от учений об отчуждении немецкой классической философии.

---

[1] Огурцов А. П. Указ. соч. С. 53.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 271.
[3] Цит. по: Нарский С. И. Указ. соч. С. 57.

2. Категория «отчуждение» в доэкономических работах К. Маркса

Научные занятия К. Маркса начались с философии. После недолгого периода влияния Канта и Фихте[1] научным убеждением К. Маркса стала философия Гегеля (в младогегельянском варианте). С философией Гегеля К. Маркс воспринял и понятие отчуждения, игравшее в гегелевской системе далеко не последнюю роль.

Восприятие К. Марксом идеи отчуждения в младогегельянском варианте обусловило его сосредоточение первоначально на критике религии.

Диссертация К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1841 г.) была написана в младогегельянском духе. Исследуя атомистические учения Демокрита и Эпикура, К. Маркс применяет как сам термин «отчуждение»[2], так и заменяющие его понятия «непосредственное отрицание», «абстрагирование»[3]. Отчуждение понимается К. Марксом по-гегелевски, как инобытие, отделение сущности в самостоятельное существование и рассматривается как позитивное явление, как проявление свободы (в данном случае поведения атома). Религия определяется им в диссертации по-младогегельянски, как отчужденная форма человеческого бытия, которая проявляется в чувстве страха[4]. Он выступает как последовательный атеист.

Работа в «Рейнской газете» (1842—1843 гг.) потребовала от К. Маркса обращения к злободневным политическим вопросам, знакомства с жизненными условиями простого народа, привела к столкновению с цензурой как органом бюрократического государства, способствовала переключению его внимания с религии на политику и вследствие этого — рассмотрению отчуждения применительно к политике.

На представления К. Маркса об отчуждении в этот период оказала влияние не только работа в «Рейнской газете», но и ознакомление с учением Фейербаха, переосмысление его с младогегельянских позиций, что позволило внести в понимание отчуждения новые моменты.

---

[1] О преодолении субъективизма Фихте и Канта К. Маркс писал отцу 10 ноября 1837 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 6—16).

[2] «Благодаря качествам атом получает существование, противоречащее его понятию, полагается как отчужденное, отличающееся от его сущности наличное бытие» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 46; также см. С. 56).

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 42, 43.

[4] Там же. С. 66—67.

Если правоверным младогегельянцем К. Маркс недолго, в начальный период, но все-таки был, то правоверным фейербахианцем он не был никогда. К. Маркс с самого начала видел слабые моменты в учении Фейербаха. В письме к А. Руге от 13 марта 1843 г. К. Маркс отмечал: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику»[1]. К. Маркс использует учение Фейербаха о человеке, его понятия родовой, человеческой сущности для анализа фактов действительной жизни в их проявлении в политической сфере.

Таким образом, понимание отчуждения на данном этапе исследования обогащается фейербаховским учением о человеке как высшей ценности и анализом политических проблем. К. Маркс осуществил своеобразный синтез гегелевского учения о политической форме отчуждения с фейербаховским учением об отчуждении человеческой сущности.

Анализ политического отчуждения вылился у К. Маркса в критику бюрократического государства. Социальные институты (государство, печать и т. д.) должны представлять интересы народа, а на самом деле они становятся силой, враждебной народу. Он в духе Гегеля исходит из существования некоей абстрактной сущности государства как сферы разума, всеобщего интереса. Государство, по его мнению, есть необходимая форма организации, присущая любому обществу. Прусские порядки представляют собой «извращенную реальность», отчужденную от идеальной сущности государственного устройства. Политическое отчуждение включает как отчуждение власти от народа, так и основанную на нем отчужденную форму государственного управления — бюрократизм.

Критикуя сословный характер рейнского ландтага, К. Маркс делает широкие обобщения по поводу представительной системы вообще. По его мнению, представительство, особенно в условиях отсутствия гласности, осуществляется в ущерб прямой, действительной демократии[2]. Представители народа в государственных органах в условиях отсутствия контроля снизу получают возможность игнорировать интересы представляемого ими народа и подменять эти интересы своими личными.

Кроме того, система представительства означает отделение политических функций от отдельных индивидов и ведет к их общественной пассивности. «Народ... либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превра-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 374—375.
[2] Там же. Т. 1. С. 49.

щается в *толпу людей, живущих только частной жизнью*»[1]. Следствием политического отчуждения является, во-первых, игнорирование в государственной сфере, сфере всеобщего интереса, частных интересов народа и, во-вторых, подавление активности, лишение человека прав управления, самоорганизации, «обесценение» личности. По закону бюрократической организации «граждане государства делятся на две категории — на категорию активных, сознательных граждан, которые управляют, и пассивных, несознательных граждан, которыми управляют»[2].

Бюрократическая организация, по мнению К. Маркса, характеризуется иерархической структурой, неприкосновенностью престижа власти, слепой подчиненностью низших звеньев управления высшим, противопоставлением администрации объекту ее управления, негибкостью принципов управления, бюрократическим сознанием. Одной из форм бюрократизма, согласно К. Марксу, является цензура — «бюрократия ума». Функция цензуры — карать за образ мысли.

К. Маркс неоднократно подчеркивает, что бюрократизм — это не свойство отдельных людей, чиновников, а общий порядок. Он обнаруживает «в *воле* действующих личностей мощное влияние общих *отношений*»[3].

В его работах этого периода еще нет исследования корней бюрократизма. Однако он уже приближается к пониманию классовой природы государства. Государство при прусских порядках является органом частной собственности. Частная собственность, по мнению К. Маркса, становится причиной извращения истинной природы государственности.

Отмечая отчуждающую роль бюрократии по отношению к личности, дегуманизирующее воздействие политического отчуждения, К. Маркс противопоставляет этим негативным явлениям свободу, разум. Свобода, по его мнению, является изначальной сущностью и человека, и любой организации. Практическая программа К. Маркса ограничивается пока общим требованием изменения существующих порядков и конкретным требованием уничтожения цензуры. В этом положении сказывается преувеличение роли свободной печати как фактора революционного преобразования общества.

Обращение к политическому отчуждению во время работы в «Рейнской газете», последовавшее за этим изучение истории различных стран с целью выявления закономерностей исторического процесса, взаимодействия экономики и политики, значения форм собственности привели К. Маркса к осознанию несостоятельности гегелевской философии.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 69.
[2] Там же. С. 202.
[3] Там же. С. 212.

Анализ действительных фактов выявил противоречие, существующее между гегелевским учением о «разумной» сущности государства, определяемой развитием абсолютной идеи, и реальным положением дел, когда сущностью государства является интерес частной собственности.

К. Маркс выявил, что не гражданское общество (сфера частного интереса) служит продуктом отчуждения государства (сферы всеобщего интереса), производным от государства, как считал Гегель, а, наоборот, частный интерес диктует свою волю государству, гражданское общество определяет природу государства.

Рукопись К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) посвящена пересмотру гегелевского понимания соотношения гражданского общества и государства, экономики и политики. Здесь он пытается переосмыслить гегелевское учение с материалистических позиций.

К. Маркс рассматривает государство как отчуждение политического бытия человека. По его мнению, выполнение государственных функций — это способ существования социальных качеств человека. При отделении государства от гражданского общества, при формировании государства как надобщественного института человек лишается этих сущностных черт и становится обезличенным. Трудовые потенции человека, их реализация пока не интересуют К. Маркса. Проявление сущности человека, его самоутверждение отнесено им только в сферу государства, управления обществом.

В исследовании бюрократизма К. Маркс в этой рукописи делает шаг вперед. Он отмечает, что «бюрократия составляет ... *особое, замкнутое* общество в государстве»[1]. Он выделяет ее черты: отсутствие гласности, иерархическая структура, замкнутый корпоративный характер, обоготворение авторитета, карьеризм чиновников.

Проблема бюрократизма у него выступает как проблема соотношения интересов. Всеобщий интерес отделяется как самостоятельный от частных интересов (отчуждается от гражданского общества в государство), противополагается им и становится таким образом «иллюзорно-всеобщим». Иллюзорность всеобщего интереса открывает возможность для подмены всеобщего интереса чьим-нибудь действительным частным интересом. Таким интересом-заменителем при капитализме становится интерес частной собственности.

Вскрывая истинную природу всеобщего интереса, К. Маркс тем не менее не связывает уничтожение бюрократизма непосредственно с ликвидацией частной собственности. Это, на наш

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 270—271.

взгляд, объясняется тем, что он видел формальную возможность бюрократизма в самой иллюзорности всеобщего интереса, который может быть подменен не обязательно интересом частных собственников, но и интересом любой социальной группы. Возможность выдать свой групповой (или, по К. Марксу, частный) интерес за всеобщий открывается для любой социальной группы, имеющей силу для использования этой возможности. Такая возможность появляется тогда, когда отдельный индивид признается неспособным осуществлять функции управления и когда, следовательно, всеобщий интерес приобретает самостоятельное, отделенное от компетенции отдельных индивидов, существование. Ве́дение всеобщим интересом узурпируется определенной социальной группой.

Поэтому преодоление бюрократизма К. Маркс связывает не с подчинением частных интересов всеобщему, а с достижением их реального тождества[1]. Уничтожение бюрократии, по К. Марксу, «возможно лишь при том условии, что *особый* интерес становится в действительности *всеобщим*»[2].

Уничтожение отчуждения государства от гражданского общества К. Маркс связывает с будущим обществом, которое он называет демократией. Он по-прежнему признает наличие изначальной идеальной сущности государства. В «Рейнской газете» он еще не определял эту сущность, в рукописи же конкретно ее называет: «Демократия есть государственный строй как родовое понятие»[3].

К. Маркс характеризует демократию как самоопределение народа. Сущностью демократии является «социализированный человек»[4], т. е. человек, вернувший себе общественную сущность, ранее отчужденную от него в сферу государства. Общественная сущность определяется К. Марксом, как и в «Рейнской газете», через всеобщее, всеобщий интерес. Поэтому участие в управлении общественными делами в отличие от частной жизни в гражданском обществе есть непосредственное проявление человеческой сущности.

Установление демократии, согласно К. Марксу, требует революции. Но он не определяет пока ни ее характера, ни движущих сил, а выдвигает только ее задачу — уничтожение политического отчуждения, тождественного здесь отчуждению человеческой сущности.

---

[1] Гегель также исследовал бюрократизм, но сводил его к злоупотреблениям властью. Устранить злоупотребления, по его мнению, возможно, если контроль сверху дополнить контролем снизу. К. Маркс отмечал недостаточность этих мер.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 273.

[3] Там же. С. 251.

[4] Там же. С. 252.

В статьях «Немецко-французского ежегодника» К.Маркс не только фиксирует ситуацию отчуждения, но и предлагает пути его преодоления. По его мнению, политическая эмансипация (буржуазная революция) может уничтожить политическую и религиозную формы отчуждения, но не может уничтожить отчуждения всей человеческой сущности, которая не сводится теперь к политической сущности. Только общечеловеческая эмансипация (социалистическая революция) способна преодолеть все формы социального отчуждения, среди которых К. Маркс рассматривает отчуждение вещей, деньги как проявление отчуждения, касается вскользь отчуждения труда[1]. Субъектом этой революции, по К. Марксу, является пролетариат.

Проблема снятия отчуждения тесно связана с проблемой интересов. В рукописи 1843 г. К. Маркс писал о том, что отчуждение может быть уничтожено только тогда, когда все частные интересы станут всеобщими. И именно частный интерес пролетариата определяется им как тот частный интерес, который, став всеобщим, уничтожит «частность» интересов всех остальных социальных групп и классов. Реального, а не абстрактно-гуманистического обоснования этому положению еще нет. Но снятие отчуждения уже связывается с уничтожением частной собственности[2].

В целом работы К. Маркса 1842—1843 гг. показывают, что, начав с рассмотрения религиозного отчуждения, он затем переключился на исследование политического отчуждения. Анализ бюрократизма как формы политического отчуждения является в этих работах весьма зрелым и глубоким. Критика Гегеля и обоснование собственного понимания взаимосвязи государства и гражданского общества привели К. Маркса к выводу о том, что вследствие примата гражданского общества частный интерес диктует свою волю государству и определяет государственный интерес. Этим частным интересом по К. Марксу и является интерес частной собственности. Таким образом, исследование сущности государства, поиск корней «надстроечных» форм отчуждения (религиозного, политического) подталкивали К. Маркса к анализу экономики, к раскрытию решающей роли материального производства и соответственно исследованию экономического отчуждения.

---

[1] «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека. Подобно тому как человек, пока он опутан религией, умеет объективировать свою сущность, лишь превращая ее в *чуждое* фантастическое существо, — так при господстве эгоистической потребности он может практически действовать, практически создавать предметы, лишь подчиняя эти свои продукты, как и свою деятельность, власти чуждой сущности и придавая им значение чуждой сущности — денег» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 412).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С. 428.

3. Отчуждение труда как отправной пункт политико-экономических исследований

Решающим этапом в исследовании категории отчуждения стали «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

Если предшественники К. Маркса рассматривали отчуждение как философскую (немецкая классическая философия) или социально-философскую (теоретики «общественного договора», М. Гесс) категорию, то начиная с этой работы К. Маркс рассматривает отчуждение как экономическо-философское понятие. До этого понятие «отчуждение» исследовалось им параллельно с категорией «интерес». Представляется возможным выделить такую цепочку, отражающую ход мыслей К. Маркса: государство (политическое отчуждение) — всеобщий интерес — частный интерес — частная собственность — отчуждение труда (экономическое отчуждение).

Исследование категории отчуждения велось К. Марксом в такой последовательности: религиозное, политическое и, наконец, экономическое отчуждение. К 1844 г. К. Маркс уже выделил все основные формы отчуждения, и оно становится универсальной категорией его социально-экономической системы. Общее в различных формах отчуждения понималось «по-философски»: субъект порождает своей деятельностью и отделяет от себя нечто, которое становится чужим и враждебным по отношению к нему.

В социальном отчуждении как основное, определяющее К. Маркс выделяет отчуждение труда. Это явилось его открытием, тогда как остальные формы отчуждения, рассматриваемые им как производные, были известны и его предшественникам. Надо отметить, что открытие и анализ отчуждения труда продвинули вперед и исследование производных форм отчуждения.

Универсальность категории отчуждения у К. Маркса другого порядка, нежели у Гегеля. У К. Маркса иной предмет исследования. Он изучает не «жизнь» идеи, не общую схему мирового развития, а социальную жизнь, причем прежде всего в политико-экономическом разрезе. «Связь политической экономии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т. д. затрагивается лишь постольку, поскольку этих предметов ex professo касается сама политическая экономия»[1].

К. Маркс стремится объяснить с помощью отчуждения частную собственность — основной политико-экономический факт современной ему действительности, а затем «с помощью этих двух факторов (отчуждения труда и частной собствен-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 43.

ности. — *Авт.*) развить все экономические *категории*, причем в каждой из категорий, например торговле... конкуренции, капитале, деньгах, мы найдем лишь то или иное *определенное* и *развернутое выражение* этих первых основ»[1].

Таким образом, К. Маркс выделяет отчуждение труда как исходное отношение капитализма. Но тем не менее у него как данное, как предпосылки выступают категории, которые он только обещает вывести. Он пишет: «Мы предположили как данное частную собственность, отделение друг от друга труда, капитала и земли, а также заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты; далее, разделение труда, конкуренцию, понятие меновой стоимости и т. д.»[2] К. Маркс исходит из этих предпосылок буржуазной политической экономии, но стремится одновременно обосновать их существование.

В «Экономическо-философских рукописях...» он начинает исследование с движения от конкретного к абстрактному, а затем снова поднимается к конкретному. Правда, выделенное им в этом движении конкретное (частная собственность, капитал, деньги и т. д.) и абстрактное (отчужденный труд) не совпадают с конкретным и абстрактным в его поздних работах[3].

На первой ступени анализа — от конкретного к абстрактному — К. Маркс дает первое определение отчужденного труда. Исходя из понимания капитала как накопленного труда, он выводит отчужденный труд как причину (основу) и противоположность капитала. Отношением, в котором труд и капитал представляют собой противоположности, является частная собственность. Частная собственность выступает как единство двух моментов: субъективного — труда и объективного — капитала. Взаимоотношение труда и капитала, фиксирующееся как противоположность в частной собственности, и есть отчуждение труда. Таким образом, отчуждение труда есть процесс, а частная собственность — его результат.

Начав с исследования капитала как отношения частной собственности, К. Маркс выявил корни частной собственности в отчуждении труда. Он вычленил отчуждение труда в исходное отношение, порождающее в своем движении частную собственность[4].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 98.

[2] Там же. С. 86.

[3] Анализ от конкретного к абстрактному ведется в рамках первой части «Первой рукописи», состоящей из трех написанных параллельно частей, посвященных соответственно заработной плате, прибыли на капитал и земельной ренте. Порядок исследования доходов трех основных классов буржуазного общества воспроизводит ход анализа буржуазных экономистов, с произведениями которых К. Маркс ознакомился в тот период.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 106—108, 113.

На следующем этапе исследования К. Маркс абстрагируется от данности частной собственности, капитала, заработной платы и земельной ренты, рассматривает отчуждение труда «в чистом виде». Но анализу сущности отчуждения труда предшествует разбор факторов, влияющих на его усиление.

Рассматривая случай прогрессирующего развития общества, К. Маркс обнаруживает отчуждающее влияние на труд трех факторов: накопления капиталов, разделения труда и повышения заработной платы. «По мере развития... разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей»[1].

Отчуждающее влияние заработной платы К. Маркс рассматривает с количественной и качественной сторон. С количественной стороны: повышение заработной платы имеет предпосылкой накопление капитала, а стало быть, возрастающее отчуждение продукта труда от рабочего. С качественной стороны К. Маркс отождествляет заработную плату с системой материального стимулирования труда, при которой «предмет труда оплачивает самый труд»[2]. В заработной плате «снят» труд как потребность, он фигурирует лишь как средство: «В заработной плате и самый труд выступает не как самоцель, а как слуга заработка»[3]. Далее, заработная плата закрепляет отношение к человеку только как к рабочей силе.

Из этого анализа К. Маркс делает вывод: «Заработная плата... есть лишь необходимое следствие отчуждения труда»[4]. Следовательно, само существование материального стимулирования является показателем отчужденного труда. Далее он пишет: «Заработная плата есть непосредственное следствие отчужденного труда, а отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности. Поэтому с падением одной стороны должна пасть и другая»[5]. Это положение имеет только прямое значение: устранение отчуждения труда ведет к устранению заработной платы, частной собственности. Очевидно, это отчуждение труда, по мнению К. Маркса, предшествует частной собственности не только логически, но и исторически,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 50.
[2] Там же. С. 97.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 97.
[5] Там же. С. 98.

т. е. отчуждение труда существовало до и вне частной собственности. Но тем не менее уничтожение отчуждения труда, как мы увидим далее, К. Маркс выводит из уничтожения частной собственности. Это может быть достигнуто только при одном условии — с уничтожением частной собственности преодолевается и причина самого отчуждения труда (еще не выясненная). Тем не менее в марксовом анализе остается открытым вопрос о возможности существования отчуждения труда после уничтожения частной собственности.

И капитал, и заработная плата сведены К. Марксом к отчуждению труда. Следуя за ним, осталось рассмотреть третье понятие — земельную собственность. Земельная собственность согласно К. Марксу, есть неразвитая частная собственность и поэтому, будучи разновидностью частной собственности, также является результатом отчуждения труда. Он улавливает тенденцию развития земельной собственности: «...конечным результатом является уничтожение различия между капиталистом и земельным собственником, так что в общем и целом остается уже только два класса населения: рабочий класс и класс капиталистов»[1]. Таким образом, превращение земельной собственности в капитал, противостоящий труду, включает земельную собственность в общее отношение отчуждения труда.

При земельной собственности как неразвитой до капитала частной собственности, при феодальном характере производства «труд еще имеет *по видимости общественное* значение... он еще не дошел до *безразличного* отношения к своему содержанию и до полной обособленности, т. е. до абстракции от всякого другого бытия, а следовательно, и до *получившего свободу действий* капитала»[2]. Стало быть, отчуждение труда не получило еще полного развития.

Кроме отчуждения труда земельная собственность свидетельствует об отчуждении от природы, от земли. «Феодальная земельная собственность уже по самому существу своему есть результат торгашеских махинаций с землей, превращение ее в землю, отчужденную от человека и вследствие этого противостоящую ему в образе тех или иных немногих крупных господ»[3]. Докапиталистическая форма отчуждения от земли характеризуется тем, что отношение к земле опосредуется не отношением вещей, как при капитализме, а отношением личной зависимости. Поэтому сохраняется некоторая эмоциональная сторона отношения[4]. Отчуждение от природы достигает своей кульминации также при капитализме.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 80.
[2] Там же. С. 103.
[3] Там же. С. 80.
[4] Там же. С. 81.

И если, осуждая заработную плату, К. Маркс не характеризует заменяющую ее систему, которая бы свидетельствовала об уничтожении отчужденного труда[1], то при анализе земельной собственности он предлагает конкретную форму снятия отчуждения. Конкретизация положения применительно к земельной собственности явилась отражением дискуссии о направлениях преобразования крупного феодального землевладения в Германии. К. Маркс отвергает предлагавшиеся меры по разделу земли как половинчатые. По его мнению, только ассоциация сможет использовать выгоды крупного земледелия, реализовать требования равенства и благодаря свободному труду восстановить эмоциональное отношение к земле.

Таким образом, анализ наиболее поверхностных категорий буржуазного общества — доходов основных классов, поиск источников этих доходов привели К. Маркса к тому, что он попытался свести их к отчужденному труду. И затем перед ним встала задача исследования сущности отчуждения труда.

Поэтому на второй ступени анализа К. Маркс, абстрагировавшись от заработной платы, наемного труда, капитала, земельной собственности и частной собственности вообще, сосредоточивает внимание на найденном исходном пункте.

Сущность отчуждения труда рассматривается им в пяти аспектах. При первом приближении отчуждение труда выступает как отчуждение производителя от продукта его труда. Материальной основой отчуждения продукта служит опредмечивание труда. Проводимое К. Марксом четкое различие между опредмечиванием и отчуждением одновременно означает и критику гегелевского отождествления этих понятий.

Опредмечивание — необходимое свойство труда вне зависимости от его социальной формы. В предмете, во-первых, фиксируется бытие труда: «Осуществление труда есть его опредмечивание»[2]. Труд из текучей формы (процесса) переходит в предмет, который означает завершенность труда. Во-вторых, опредмечивание означает воплощение человеческих способностей, применяемых им в процессе деятельности, в предмете, благодаря чему предмет приобретает социальное бытие.

Отчуждение как *«непосредственное отношение между рабочим* (трудом) *и производимым им продуктом»*[3] есть такое опредмечивание, которое выступает как утрата предмета рабочим и закабаление последнего предметом. Продукт труда противостоит рабочему как чужая сила. К. Маркс формулирует закономерность: чем больше рабочий трудится, тем могущественнее противостоящий ему предметный мир и тем беднее он как личность.

---

[1] С позитивными предложениями относительно стимулов свободного труда К. Маркс выступил в замечаниях к книге Дж. Милля «Основы политической экономии» (1844 г.).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 88.

[3] Там же. С. 90.

Отчуждение от продукта труда означает также, по его мнению, отчуждение от природы. «Отношение рабочего к *продукту труда*, как к предмету чуждому и над ним властвующему... есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему»[1].

Причина отчуждения продукта, по К. Марксу, не только во «внешней» стороне — в «уплывании» продукта в чужие руки, но и в отчуждении самой производственной деятельности: «В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в деятельности самого труда»[2].

Применительно к отчуждению деятельности К. Маркс использует термин «самоотчуждение», который в отличие от отчуждения вещей означает отчуждение человека в результате его же собственной деятельности. По К. Марксу, самоотчуждение труда — это: 1) внешний характер труда по отношению к рабочему, отсутствие внутренней мотивации труда, стимулирования труда трудом; 2) отрицательное влияние на развитие личности. Отчужденный труд не может, как правило, быть потребностью, а служит только средством для удовлетворения других потребностей, для поддержания жизни, которая не связывается с трудом. Поэтому отчужденный труд выступает как труд-жертва.

Синоним отчужденного труда у К. Маркса — труд абстрактный. Под абстрактным трудом в рукописях понимается односторонняя, безразличная к своему содержанию деятельность, противополагаемая конкретной, целесообразной, содержательной деятельности. Такое понимание абстрактного труда не означает еще открытия двойственного характера труда, создающего товар, но является началом пути к нему. И немалую эвристическую роль в этом открытии сыграло понятие отчужденного труда.

После анализа отношения производителя к труду К. Маркс переходит к рассмотрению собственника труда: «Внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому»[3]. Таким образом, чужая собственность на труд логически выводится из внешнего характера труда для самого работника, т. е. отделение труда от работника обусловливается отчуждением работника от процесса труда. Отделение труда от индивида в чужую собственность на этом этапе анализа К. Маркс еще не рассматривает

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 91.
[2] Там же. С. 90.
[3] Там же. С. 91.

конкретно-исторически — в формах собственности. Поэтому и «другой», в чью пользу отчуждается труд, не определяется им как конкретно-исторический субъект, например капиталист.

Под понятием «отчуждение труда» (и продукта) К. Маркс объединяет следующие процессы: 1) отделение от производителя его собственного труда (продукта), утрату принадлежности[1]; 2) подчинение работника отделившемуся труду (продукту), закабаление им[2]; 3) вытекающая из этого отделения и подчинения деформация личности работника, уродливое ее развитие[3]; 4) отчужденное отношение работника к труду (продукту)[4]; 5) распредмечивание отчужденного отношения работника к труду (продукту) на деятельности, ее стимулах, результатах [5]. В рукописях К. Маркс делает акцент на исследовании второго, третьего и четвертого пунктов. Особенно он подчеркивает отчужденное отношение работника к труду (продукту).

Из анализа отчуждения труда К. Маркс делает следующий вывод: «Деятельность рабочего не есть его самодеятельность»[6]. Отчуждению противостоит свобода, отчуждению труда — свободная деятельность, самодеятельность. Отчуждение в процессе труда ведет к тому, что человек чувствует себя свободным только вне труда, в свободное время. Но поскольку труд, по К. Марксу, — специфически человеческая функция, то отчуждение труда представляет собой проявление отчуждения родовой сущности.

«Родовая сущность», «родовая жизнь» — термины, перешедшие в категориальный аппарат К. Маркса из учения Фейербаха. Как же их трактует К. Маркс — по-фейербаховски или вкладывает принципиально новое содержание?

В рукописях К. Маркс, как и Фейербах, подчеркивает природную основу человеческой сущности[7]. Но специфика человека, согласно К. Марксу, не только в его потребностях,

---

[1] «Его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 88).

[2] «Опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*» (Там же).

[3] Рабочий в труде «не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы» (Там же. С. 90).

[4] «Рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чужому* предмету» (Там же. С. 88).

[5] «Как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы» (Там же. С. 91).

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 91.

[7] Там же. С. 92, 124.

но прежде всего в свободной сознательной деятельности[1]. Эту деятельность он в отличие от Гегеля определяет как предметную. «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа...»[2]

Подчеркивание природной основы человека — дань фейербаховскому материализму. Акцент же на деятельной стороне сущности человека берет начало в учении Гегеля и всей немецкой идеалистической философии.

Определяя сущностные характеристики человека через природность, деятельность и сознательность, К. Маркс выделяет общественное «качество» человеческой сущности. Но человеческая сущность еще не определяется им непосредственно через общественное в человеке.

Отчуждение труда является, согласно К. Марксу, причиной отчуждения человека от родовой сущности. «Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека *род*»[3].

Отчуждение родовой жизни проявляется в том, что во-первых, природа выступает только как средство существования человека. Это ведет к потребительскому отношению к природе. Во-вторых, труд, другая сторона человеческой сущности, также выступает только как средство поддержания физического существования. Эти два момента резюмируются в том положении, что родовая жизнь, которая, по К. Марксу, выше по значению, чем индивидуальная жизнь, подчиняется индивидуальной жизни, становится ее средством.

Следствием, логическим завершением этой цепочки отчуждений (от продукта, природы, процесса труда, родовой сущности) является отчуждение человека от человека, которое К. Маркс логически выводит из отчуждения каждого человека от родовой сущности. Родовая сущность — то, что обще всем людям, то, что их объединяет. Отчуждение от родовой сущности разрывает связь между людьми. Для марксова понимания родовой сущности безразлична социальная определенность каждого человека. Однако он констатирует неравенство людей в отношении отчуждения: человек властвует над человеком. Таким образом, отчуждение труда ведет к социально-экономическому неравенству. К. Маркс вскрывает за вещной оболочкой (господством продукта) отношения людей.

---

[1] «Свободная сознательная деятельность... составляет родовой характер человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 93).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 93.

[3] Там же. С. 92.

Позднее он покажет причины и механизм преобразования общественных отношений в вещные.

После анализа отчуждения труда в пяти аспектах (от продукта, природных условий, процесса труда, человеческой сущности, другого человека) К. Маркс конкретно определяет капиталиста как хозяина труда и, таким образом, вновь возвращается к частной собственности, капиталу, наемному труду, заработной плате.

«...Понятие *отчужденного труда (отчужденной жизни)* мы получили, исходя из политической экономии, как результат *движения частной собственности*. Но анализ этого понятия показывает, что, хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием»[1]. В этом высказывании К. Маркс не только резюмирует ход исследования: от конкретного (частной собственности) к абстрактному (отчужденному труду) и вновь к конкретному (частной собственности, но уже как следствию отчужденного труда)[2], но и ставит вопрос об исторических формах отчужденного труда, о корнях отчуждения труда. Необходимо, следовательно, проводить различие между первоначальной формой отчужденного труда, породившей частную собственность в ее раннем виде, и последующей, исторической, формой отчужденного труда, которая существует и развивается вместе с частной собственностью и на базе ее. Здесь происходит своеобразное диалектическое «оборачивание» отношений[3].

Признание отчуждения труда до и вне частной собственности объясняет и тот факт, что К. Маркс рассматривает сущность отчуждения труда безотносительно к форме собственности. Принадлежность продукта труда «другому» выводится из отчужденного (внешнего) характера труда, а не определяет собой сущность отчуждения труда. Он отмечает, что «труд — не только при нынешних его условиях, но и вообще постольку, поскольку его целью является лишь увеличение богатства, — оказывается вредным, пагубным...»[4]. Вредный, пагубный труд — характеристика отчужденного труда. Следовательно, любой труд, не являющийся потребностью человека, а находящий цель только вовне, — труд отчужденный, и не только в условиях частной собственности.

Если частная собственность — не причина, а следствие от-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 97.

[2] Однако отсутствие историко-генетического подхода обусловливает тот факт, что у К. Маркса все-таки нет доказательного выведения частной собственности из отчужденного труда.

[3] Марксистская философия в XIX веке. Т. 1. М.: Наука, 1979. С. 121.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 53.

чуждения труда, то «спрашивается теперь, как дошел *человек до отчуждения* своего *труда*? Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития?»[1] Причина частной собственности найдена: отчуждение труда. Итак, поставлена новая проблема: поиск корней отчужденного труда.

Дальнейшее изложение в рукописях теряет свою последовательность. Они представляют собой отдельные фрагменты, связанные общей темой отчуждения труда. Исследование причин отчуждения труда приводит К. Маркса к проблеме разделения труда. Однако в рукописях он не называет еще разделение труда источником его отчуждения. По его мнению, «*разделение* труда есть экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения»[2]. Скорее, разделение труда, согласно К. Марксу, вытекает из отчуждения труда.

В «Экономическо-философских рукописях...» К. Маркс не отвечает на вопрос, почему общественный характер труда выражается и может выражаться только в разделении труда. Вплоть до конца 50-х годов он смешивает различные формы, уровни разделения труда, разделение и распределение труда по сферам, технико-экономическое и общественное разделение труда. В рукописях он лишь догадывается, что отчуждение труда порождено его разделением.

В рукописях К. Маркс рассматривает разделение труда и обмен как идентичные понятия[3]. В этом К. Маркс следует за А. Смитом. Однако если буржуазная политическая экономия и видела, что «разделение труда вызывает обеднение и деградацию индивидуальной деятельности»[4], то не связывала этот факт с отчуждением труда. К. Маркс критикует буржуазную политическую экономию за принятие отчужденного труда, а следовательно, за безразличие к человеку. Буржуазные экономисты возвели труд в «единственный принцип», что позволило им выработать научную теорию стоимости. Но они игнорировали отношение человека к труду, развитие человека в труде. Так, К. Маркс отмечает цинизм и антигуманизм Рикардо как наиболее последовательного представителя классической буржуазной политической экономии.

Кроме отчуждения труда, отчуждения в сфере собственно производства К. Маркс исследует деньги как проявление отчуждения человеческой сущности. Проблемы денежного фети-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 98.

[2] Там же. С. 140.

[3] В примыкающем к рукописям конспекте книги Дж. Милля «Основы политической экономии» К. Маркс проводит различие между ними (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 26, 28).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 145.

шизма вслед за М. Гессом он касался еще в статьях «Немецко-французского ежегодника». Он сравнивает денежный фетишизм с религиозным отчуждением. К Маркс видит фетишизм в обожествлении мощи денег: «*Божественная* сила денег... кроется в *сущности* денег как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека»[1].

Мы видели ранее, что продукт, сам труд отчуждается от рабочего в пользу не-рабочего. Но кому же передается отчужденная родовая сущность? Ведь она отчуждена от каждого человека: от рабочего — в результате отчуждения главной «родовой» функции — труда; от не-рабочего как нетрудящегося и, следовательно, также отчужденного от главной «родовой» функции. Эта отчужденная родовая сущность воплощается в деньгах, поэтому они представляют отчужденную мощь человечества[2]. Но в целом в анализе денег доминирует морально-этическая критика. Без разработанной теории стоимости, естественно, не может быть никакой теории сущности и происхождения денег.

С денежным фетишизмом связан еще один вид отчуждения — потребительство. Отчуждение труда, согласно К. Марксу, все чувства и потребности сводит к чувству обладания. Потребительское отношение к природе, ко всему внешнему предметному миру препятствует полному развитию физических и духовных потребностей людей. Потребительство, по К. Марксу, имеет два полюса: «Отчуждение обнаруживается в том, что утонченность потребностей и средств для их удовлетворения, имеющая место на одной стороне, порождает на другой стороне скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей...»[3]. Оба этих крайних состояния представляют собой формы проявления потребностей в рамках отчуждения труда.

Это раздвоение потребительского поведения является следствием различия ситуаций отчуждения «первичных» и «вторичных» фигур этого отношения. Со стороны капиталиста отчужденная форма потребления проявляется либо в расточительстве, либо в бережливости. И тот, и другой тип потребления в конечном счете способствуют накоплению капитала.

«Жажда наживы» присуща и рабочему, так как отчуждение деформирует потребительские ценности любого человека. Одной из ее форм является, согласно К. Марксу, стремление рабочих бороться за повышение заработной платы: «Повышение заработной платы порождает в рабочем капиталистичес-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 149.
[2] Там же. С. 149.
[3] Там же. С. 129.

кую жажду обогащения»[1]. При оценке этого положения надо учесть, что в тот период своей деятельности К. Маркс разделял теорию минимума заработной платы Рикардо.

О различии положения «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения К. Маркс пишет: «То, что у рабочего выступает как *деятельность отчуждения*, у не-рабочего выступает как *состояние отчуждения*.

Во-вторых, *реальное, практическое отношение* рабочего в процессе производства и его отношение к продукту (как душевное состояние) у противостоящего ему не-рабочего выступает как *теоретическое* отношение»[2].

Различие «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения проявляется не только в объективных условиях: обладании, присвоении или, наоборот, утрате, не только в определенном потребительском поведении, но и в самоощущении, в «душевном состоянии». Рабочий, как правило, осознает отчуждение, господство чужих предметов, отношений. Капиталист же «не ощутил *богатство* как некую совершенно *чуждую силу*, стоящую над ним самим»[3]. Но положение отчуждения реально как для рабочего, так и для капиталиста (чужой продукт, чужой труд, отчуждение от родовой сущности, от другого человека, от природы, деформация общественных ценностей и т. д.).

Кроме главной формы отчуждения — отчуждения в материальной сфере, «экономического отчуждения», К. Маркс выделяет производные формы — религию, политику, искусство и др. К отчужденным формам теории К. Маркс относит буржуазную политическую экономию.

Следуя за К. Марксом, можно выделить в «Экономическо-философских рукописях...» иерархию основных форм отчуждения:

1) экономическое — отчуждение от продукта труда, от процесса труда;

2) социальное — отчуждение от родовой сущности, человека от человека (в том числе рабочего от рабочего и рабочего от не-рабочего);

3) политическое (здесь К. Маркс почти не касается этой формы; но на основе изучения ранних и непосредственно следующих за «Экономическо-философскими рукописями...» работ можно выделить отчуждение государства от народа, бюрократизм);

4) в сознании — религиозное отчуждение, буржуазная по-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 51.

[2] Там же. С. 99. Заметим, что здесь речь идет не об отделении, а собственно об отчуждении.

[3] Там же. С. 138.

литическая экономия, денежный фетишизм как одна из форм отчужденного сознания.

Производные формы отчуждения не анализируются К. Марксом подробно. Главное — раскрыта их тайна: она в отчуждении труда.

В «Экономическо-философских рукописях...» К. Маркс исследует и вопрос о снятии отчуждения. Он не только выводит будущее общество как призванное снять все виды отчуждения, но и конкретно определяет его основные черты. Неоднозначность употребления К. Марксом терминов «коммунизм», «социализм», «гуманизм», «натурализм» и др. вызвала немало разногласий по поводу его взглядов на будущее общество. Четкая, обоснованная субординация этих терминов представлена, на наш взгляд, в статье В. В. Мухачева «Категории «гуманизм» и «коммунизм» в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркса»[1].

Как основные черты современного ему общества К. Маркс выделяет частную собственность и религию (главные формы отчуждения экономического и духовного). Переходное состояние общества, будучи непосредственным отрицанием всех форм отчуждения, характеризуется им такими понятиями, как «атеизм» — непосредственное отрицание религии и «коммунизм» — непосредственное отрицание частной собственности. «Реальный гуманизм» — это будущее общество, в котором снимается непосредственное отрицание религии и частной собственности. На место атеизма приходит социализм как теоретическое выражение гуманизма, а коммунизм заменяется «действительной жизнью» — практическим выражением гуманизма.

Следовательно, в рукописях под коммунизмом К. Маркс понимает ступень истории, переходную к реальному гуманизму. Поэтому он пишет: «*Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»[2]. Коммунизм, уничтожив частную собственность, заменит ее истинно человеческой собственностью[3]. Характеристика общественной собственности как истинно человеческой, апелляция при определении формы собственности к человеческой сущности отражают влияние фейербаховского антропологического принципа.

Целью будущего общества, по К. Марксу, является разви-

---

[1] Философские науки. 1986. № 2. С. 50—58.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 127. Некоторые советские авторы (Г. А. Багатурия, В. С. Выгодский и др.) усматривают в этом положении зародыш идеи о двух фазах коммунизма.

[3] Там же. С. 99.

тие личности человека. Связь отчужденного труда с деградацией личности оборачивается в обществе, свободном от отчуждения труда, развитием способностей человека в труде. Становление «целостного человека» кроме развертывания способностей в труде предполагает развитие всех способностей, потребностей и чувств человека. Само развитие способностей человека должно стать для него потребностью: «*Богатый* человек — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*»[1].

Марксово требование создания условий для развития человека прямо противоположно грубоуравнительным концепциям коммунизма. Несмотря на то, что в этих теориях ставится задача уничтожения отчуждения человека, предлагаемые в них пути препятствуют этому. Уравнительность труда и заработной платы, безразличие к общественному и личностному прогрессу только закрепляют отчуждение человека. «*Капитал* — как признанная всеобщность и сила всего общества»[2] по-прежнему властвует над отдельным человеком, труд которого остается отчужденным.

Снятие проблемы мотивации труда, принудительный характер деятельности видел К. Маркс в уравнительных проектах[3]. Поэтому он пишет, что «категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей»[4]. Под рабочим он понимает производителя в рамках отчужденного труда. Рабочий, по его мнению, есть результат сведения личности человека исключительно к производительной функции.

Принудительное равенство труда, распределения, потребления уничтожает стимулы для развития как отдельной личности, так и всех сфер общества. Грубоуравнительный коммунизм не уничтожает частную собственность, жажду обладания, а стремится равномерно распределить собственность между всеми членами общества. Такое преобразование собственности не приведет, согласно К. Марксу, к ликвидации отчуждения труда[5].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 125.

[2] Там же. С. 115.

[3] Л. Г. Суперфин отмечает стремление «грубоуравнительного коммунизма к абсолютизации и увековечению административно-принудительных норм трудовой деятельности и превращению их в неотъемлемый элемент коммунистических отношений» (Суперфин Л. Г. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции грубоуравнительного коммунизма (экономический аспект). М.: Наука, 1975. С. 96).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 114.

[5] Наиболее подробно грубоуравнительные концепции коммунизма исследованы К. Марксом в рукописях 1844 г. (В «Манифесте Коммунистической

Только «*положительное* упразднение *частной собственности*», замена ее общественной собственностью «с сохранением всего богатства предшествующего развития»[1] снимает отчужденный характер деятельности, открывает простор для развития личности. «Действительное упразднение частной собственности» — это такое уничтожение частной собственности, которое совпадает с преодолением отчуждения труда.

В рукописях дана исчерпывающая критика гегелевской концепции отчуждения. С позиций переосмысления отчуждения К. Маркс критикует и всю идеалистическую систему Гегеля. Проблема отчуждения — главный объект и исходный пункт разбора всего гегелевского учения.

К. Маркс критиковал Гегеля за идеалистическое понимание отчуждения: субъектом отчуждения является абсолютная идея, дух; отчуждение отождествляется с опредмечиванием; отсутствует связь действительного отчуждения (существование которого Гегель угадывал в реальности) с общефилософской схемой отчуждения Мирового Духа[2].

В рукописях К. Маркс очень высоко оценивает идеи Фейербаха. Именно Фейербах оказал на марксово понимание отчуждения значительно большее влияние (и содержательное, и терминологическое), чем Гегель. Дело здесь, на наш взгляд, не только в переходе К. Маркса на материалистические позиции и осознанной им необходимости размежевания с младогегельянцами, да и со всей идеалистической философией. Большое значение имел также гуманизм Фейербаха. Продолжение гуманистической традиции, обоснование реального гуманизма — вот на что в конечном счете направлена теория отчуждения труда.

Мы подробно остановились на «Экономическо-философских рукописях...», так как они представляют собой центральное произведение в эволюции понятия отчуждения труда в системе К. Маркса. На их основе осуществлялась и дальнейшая переработка категории.

«Экономическо-философские рукописи...» интересны и тем, что здесь анализируется не только специфически капиталисти-

---

партии» проблема лишь затрагивается). Но из поля его зрения выпал немаловажный вопрос: почему в ходе исторического движения по преобразованию частной собственности в общественную, составляющего, согласно К. Марксу, содержание переходного состояния общества, объективно возникает реальная тенденция к уравнительности. В современных условиях можно, вероятно, с сожалением указать на продемонстрированную историей ошибочность мнения К. Маркса о невозможности практической реализации уравнительских проектов. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ грубоуравнительных теорий, данный К. Марксом.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116.

[2] Там же. С. 157.

ческая форма отчуждения труда, но и его общеэкономическая сущность, основа всех его исторических форм.

Конспект К. Маркса книги Дж. Милля «Основы политической экономии» (1844 г.) также посвящен отчуждению. Здесь основное внимание уделяется исследованию таких аспектов данного понятия, как отчуждение от общественных отношений, отчуждение труда, денежный фетишизм.

Если в «Экономическо-философских рукописях...» К. Маркс рассматривал отчуждение от родовой сущности, от общего в индивидах, от связи, объединяющей их, то в замечаниях к книге Дж. Милля этот аспект определяется как отчуждение от «общественной связи» (общественных отношений). Преемственность понятий отчуждения от родовой сущности и отчуждения от общественной связи обусловлена эволюцией[1] понятия «человеческая сущность». «*Человеческая* сущность является *истинной общественной связью* людей»[2]. Но «до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта *общественная связь* выступает в форме *отчуждения*»[3].

Отчуждение «общественной связи» по К. Марксу проявляется в том, что эта связь в условиях частной собственности выступает в форме меновой торговли, т. е. приобретает вещный характер. Он вводит неразличавшиеся им в «Экономическо-философских рукописях...» понятия: «обмен деятельностью», «обмен продуктами», «разделение труда», «меновая торговля». Общественная связь выражается в обмене деятельностью и продуктами, которые в рамках отчуждения принимают соответственно формы разделения труда и меновой торговли. Разделение труда, согласно К. Марксу, — историческая, отчужденная форма обмена деятельностью. Однако он не определяет черты, характерные именно для этой формы. Поэтому в замечаниях и в следующих ближайших работах разделение труда представляет еще как содержательно нерасчлененное понятие.

Отчуждение труда К. Маркс определяет как частный случай отчуждения от «общественной связи». Деятельность рабочего оказывается в силу отчуждения от «общественной связи» «мукой, его собственное творение — чуждой ему силой»[4].

Разделение труда рассматривается К. Марксом как фак-

---

[1] Если можно говорить об эволюции идей в произведениях, написанных практически одновременно. Однако в замечаниях к книге Милля во многих случаях содержатся более зрелые формулировки, чем в «Экономическо-философских рукописях...». По поводу же дискуссии о времени написания замечаний к Миллю подробнее см.: Лапин Н. И. Указ. соч. С. 286—292, 297—298.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 23.

[3] Там же. С. 24.

[4] Там же.

тор, влияющий на отчуждение труда через определенные содержание и характер труда. Однако в замечаниях к книге Милля он не называет разделение труда причиной его отчуждения. Согласно К. Марксу, обмен, являясь необходимым условием отчуждения труда в рамках частной собственности, предполагает производство сверх индивидуальных потребностей и, следовательно, в своем развитии — разделение труда. Разделение труда и обмен приводят к тому, что деятельность становится источником дохода, трудом ради заработка. Поэтому разделение труда является отчуждающим фактором, во-первых, через характер труда, так как разделение труда способствует относительному обособлению от самого процесса труда его целей (доход, заработная плата) и определению этими внешними по отношению к труду целями содержания труда. Во-вторых, разделение труда определяет деятельность как отчуждение через содержание труда. Причем содержание труда рассматривается не с его технической стороны, как набор определенных функций, а с его социальной стороны, с точки зрения влияния на развитие работника. Разделение труда «делает из человека в высшей степени абстрактное существо, токарный станок и т. д., превращает его в духовного и физического урода»[1].

Кроме функциональной связи «разделение труда — отчуждение труда» К. Маркс анализирует и другую существенную связь — «частная собственность — отчуждение труда». Надо отметить, что для него в тот период характерно еще понимание частной собственности как личной собственности, в которой утрачено личное (эмоциональное) отношение человека к вещи[2].

«Односторонней частной собственностью» К. Маркс называет земельную собственность, так как у земельного собственника сохраняется определенное эмоциональное отношение к земле. Односторонности земельной частной собственности соответствует односторонность отчуждения труда.

Односторонним отчуждение труда является также в «грубой форме отчужденной частной собственности», частной собственности производителя, который обменивает только излишки. К. Маркс отмечает, что здесь нет отчуждения труда с точки зрения деятельности, так как труд является «деятельным осуществлением его (производителя. — *Авт.*) *индивидуального бытия*»[3]. В результате обмена, превращения продукта в товар «*труд* отчасти становится *источником дохода*. Цель этого труда и его бытие стали различны. Продукт производится как

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 28.
[2] Там же. С. 25—26.
[3] Там же. С. 27.

стоимость, как *меновая стоимость*, как *эквивалент*, а не ради его непосредственного личного отношения к производителю»[1]. Труд не только осуществляется ради него самого, но и получает внешнюю цель — доход. Получается, что труд как процесс не отчужден по содержанию, он позволяет человеку реализовать свою индивидуальность. Но отчуждение продукта, обусловленное характером труда в товарном производстве, накладывает отпечаток отчуждения также и на деятельность: труд приобретает помимо цели, определенной им самим, цель внешнюю по отношению к труду. Причем внешняя цель подчиняет себе внутреннюю. Односторонность отчуждения состоит в том, что труд еще не стал отчужденным по содержанию, не потерял развивающего, целеполагающего свойства для работника, т. е. еще не стал абстрактным в действительности.

В ходе анализа кредитной системы К. Маркс более четко, чем в «Экономическо-философских рукописях...», определяет соотношение отчуждения и фетишизма. Он отмечает, что кредитную систему, в которой появляется видимость доверия, личного отношения человека к человеку, сен-симонисты принимали за преодоление денежного фетишизма и выступали поэтому за развитие банковской системы. Согласно же К. Марксу, кредитная система ведет к еще большему отчуждению, ибо «в кредите вместо металла или бумаги *посредником* обмена стал сам *человек*, но не в качестве человека, а как *бытие того или иного капитала* и процентов... сам человек ...сделался какой-то внешней материальной формой... сам человек превратился в *деньги*»[2]. Подтверждением отчуждающего характера кредитной системы, по его мнению, являются такие ее следствия, как рост межклассовой и внутриклассовой поляризации, отсутствие доверия между людьми, нравственное уродство — унижение кредитуемых.

Отчуждение не сводится К. Марксом к фетишизму, к овеществлению лиц[3] и персонификации вещей, а в качестве существенного момента включает обезличивание человека, ограничение возможностей его развития в результате переворачивания отношений между субъектом и объектом. Рассмотрение проблемы с точки зрения отчуждения акцентирует внимание на том, что происходит с реальным человеком в связи с овеществлением его отношений.

В деньгах, согласно К. Марксу, «обнаруживается всеобъемлющее господство отчужденной вещи *над* человеком»[4].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 27.

[2] Там же. С. 22.

[3] Овеществление лиц, по мнению К. Маркса, является следствием овеществления отношений между людьми.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 28.

Следовательно, отчуждение определяется как господство над человеком чуждых вещных сил, которое связывается со стоимостью, с существованием товарного производства. Господство над человеком чуждых сил может не только выражаться в вещной форме, но и персонифицироваться в других лицах, в общественных институтах, в формах сознания и т. д.

Отчуждение общественных отношений, выражающееся в господстве вещных сил над человеком, становится определяющим в условиях товарного производства. К. Маркс предполагает наличие и иных исторических форм отчуждения, но четкое их выделение затруднено отсутствием научной периодизации развития общества. Исторический характер отчуждения выдвигает, помимо всего прочего, проблему снятия отчуждения. В замечаниях к книге Милля он подробно останавливается на характеристике свободного труда, идущего на смену труду отчужденному.

К. Маркс рассматривает свободную деятельность с двух сторон: опредмечивания и распредмечивания. Опредмечивание свободной деятельности в свою очередь он анализирует со стороны процесса — в деятельности утверждается своеобразие личности, происходит реализация индивидуальности, что превращает труд в наслаждение, и со стороны продукта — в продукте фиксируется бытие индивидуальности. Распредмечивание, согласно К. Марксу, означает удовлетворение потребности человека и реализацию потенциальной целесообразности, конкретности труда, а также раскрытие индивидуальности производителя для другого человека, потребляющего созданный продукт. В опредмечивании и распредмечивании свободной деятельности и заложены мотивы неотчужденной деятельности — развитие личности в труде, превращающее труд в потребность, а также стремление удовлетворить потребность другого человека, к которому производитель относится практически как к самому себе, что определяет реальное тождество личных и общественных интересов.

Таким образом, потребность в труде и отчужденный труд — антиподы. Но, согласно К. Марксу, для реализации труда как свободной самодеятельности недостаточно его опредмечивания в таком качестве (недостаточно наличия потребности в труде для работника). Необходимо также и соответственное распредмечивание труда (как свободного неотчужденного труда). Поэтому действительно неотчужденный труд может существовать лишь как система.

В целом в замечаниях к книге Милля отчуждение играет ту же функциональную роль, что и в «Экономическо-философских рукописях...»: экономическое обоснование необходимости реального гуманизма. Универсальность понятия позво-

ляет К. Марксу с позиций отдельного человека, субъекта экономических отношений взглянуть на все основные процессы в капиталистической экономике. Новым в замечаниях является существенное развитие понятия «отчуждение от родовой сущности», предстающего теперь как отчуждение от общественной связи. Отсюда один шаг до понимания сущности человека как совокупности общественных отношений и соответственно отчуждения от общественных отношений как содержания всех видов отчуждения. Но уже в замечаниях к Миллю отчуждение труда выводится как частный случай отчуждения от общественной связи (общественных отношений).

При исследовании причин отчуждения труда К. Маркс приблизился к проблеме разделения труда, но он еще не называет и не рассматривает разделение труда как основную причину его отчуждения.

Анализ отчуждения как исторического явления, с одной стороны, и большой интерес К. Маркса к проблемам будущего общества, с другой, обусловили тот факт, что будущее общество по сути отождествляется с торжеством реального гуманизма, основным условием которого является уничтожение всех видов отчуждения. В обосновании будущего общества преобладает еще нормативный подход.

В меньшей степени будущее общество выводится из обобщения тенденций современности. Это сказывается и на рассмотрении судеб отчуждения труда. К. Маркс подробно характеризует свободный труд, труд, являющийся потребностью индивида как антипод отчужденного труда, но он еще не может показать и обосновать, как развитие самого отчужденного труда, его противоречий ведет к необходимости свободного труда и определяет его основные черты. Но такая задача поставлена и впереди — долгий исследовательский путь ее разрешения.

* * *

Явления отчуждения (с использованием и без использования термина) изучались также и Ф. Энгельсом[1]. Известно, какое значение оказали его «Наброски к критике политической экономии» (1843—1844 гг.) на переход К. Маркса к экономическим занятиям и непосредственно к проблематике «Экономическо-философских рукописей...». Ф. Энгельс поставил игнорируемый буржуазной политической экономией вопрос о правомерности частной собственности. Поиск ответа на этот вопрос, стремление найти корни частной собственности привели К. Маркса к понятию отчужденного труда.

Преемственность анализа прослеживается и в других вопросах. Так, Ф. Энгельс рассматривал, как развитие частной собственности приводит к расщеплению труда на труд и капитал. Подробный анализ этого раздвоения

---

[1] Подробнее см.: Коваль И. И. Энгельс и проблема отчуждения // Философские науки. 1973. № 5. С. 142—144.

дан К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях...» и непосредственно связан с исследованием отчуждения труда. Пишет Ф. Энгельс и собственно об отчуждении труда, а именно о противостоянии продукта труда самому труду в форме заработной платы. Как и К. Маркс, Ф. Энгельс считает, что заработная плата служит проявлением отчужденного труда. «Стоит нам уничтожить частную собственность... труд станет своим собственным вознаграждением, и с полной ясностью обнаружится истинное значение прежде отчужденной заработной платы...»[1]

Затрагивает Ф. Энгельс и проблему отчуждения человека от человека: «Частная собственность изолирует каждого в его собственной грубой обособленности»[2], ведет к враждебности интересов. Как и К. Маркс, он возмущается системой торговли землей и считает ее формой проявления отчуждения от природы[3].

Уничтожение буржуазного строя, строя отчуждения Ф. Энгельс связывает с ликвидацией его основы, частной собственности.

Проблематика отчуждения содержится и в других ранних работах Ф. Энгельса, например в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (1843 г.), в которой он дает анализ основных социалистических и коммунистических учений. Рассматривая учение Ш. Фурье, он отмечает заслугу великого социалиста-утописта, состоящую в том, что Фурье показал возможность и необходимость свободного труда, труда-наслаждения, выявил преимущества труда в ассоциации. В этой же статье Ф. Энгельс критикует эгалитаристские учения. Его аргументация аналогична марксовой критике грубоуравнительного коммунизма в «Экономическо-философских рукописях...»: «Они хотели превратить мир в общину рабочих, уничтожив всякую утонченность цивилизации, науку, изящные искусства...»[4]

Подробнее Ф. Энгельс освещает интересующую нас проблему в статьях «Положение Англии. Томас Карлейль. Прошлое и настоящее» (1844 г.) и «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844 г.). В первой статье он рассматривает религиозное отчуждение: «...человек утрачивал в религии свою собственную сущность, отчуждал от себя свою человечность...»[5]. В объяснении религиозного отчуждения Ф. Энгельс не выходит за рамки фейербаховского понимания религиозного отчуждения как обожествления собственной сущности человека и представления ее в качестве некой чуждой сущности, понимания религии как самоопустошения человека. В этой работе он, как и Фейербах, для преодоления религии не предлагает никаких практических преобразований: «Мы хотим возвратить человеку содержание, которого он лишился благодаря религии, — не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания»[6].

Во второй статье Ф. Энгельс рассматривает отчуждение в качестве более широкого социального явления. Он выявляет и религиозную, и политическую форму отчуждения (государство)[7].

Интересно положение Ф. Энгельса о существовании докапиталистических форм отчуждения. Помимо системы прямого рабства он выделяет и другие исторические формы отчуждения, рабства субъекта. «Абстрактный внутренний мир превратился в абстрактную внешнюю форму, в унижение и отчуждение человека, и первым последствием нового принципа (имеется в виду принцип абстрактной субъективности, произвола. — *Авт.*) было восстановление рабства в другой, менее отталкивающей, но потому и более лицемерной

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 558—559.
[2] Там же. С. 559.
[3] Там же. С. 556—557.
[4] Там же. С. 530.
[5] Там же. С. 594.
[6] Там же. С. 592.
[7] Там же. С. 602—603.

и бесчеловечной форме, в форме крепостного права»[1]. Капитализм рассматривается как всеобщее отчуждение человека от человека, а господство частного интереса, интереса частной собственности как основная форма отчуждения при капитализме. «Пока продолжает существовать основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности»[2]. Собственность, согласно Ф. Энгельсу, — природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу. В понимании собственности содержатся так же, как и у К. Маркса, антропологические элементы. Господство собственности над человеком представляет собой, по мнению Ф. Энгельса, господство вещи над человеком. Следовательно, он также связывает отчуждение с овеществлением отношений между людьми.

Деньги мыслятся Ф. Энгельсом как завершение отчуждения человека. Он, как и К. Маркс, начинает исследование с религиозного отчуждения, затем рассматривает политическое отчуждение и, наконец, социально-экономическое отчуждение (денежный фетишизм).

Из развития отношений отчуждения Ф. Энгельс выводит необходимость их уничтожения (так, например, им формулируется требование уничтожения государства). Будущее общество представляется Ф. Энгельсом как свободное самообъединение человечества[3].

Мы остановились только на ранних, «предсовместных» работах Ф. Энгельса. Проблематика отчуждения, конечно, освещалась и в более поздних работах — например, «Положение рабочего класса в Англии». Ф. Энгельс применял понятие отчуждения, но в отличие от К. Маркса у него не было целостной концепции отчуждения. Позднее он разделял марксово отношение к этой категории. Безусловно, большой интерес представляет собой и самостоятельная разработка проблемы отчуждения Ф. Энгельсом, даже без употребления термина, например в таких работах, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг» и др.

4. Дальнейшее развитие концепции отчуждения в совместных работах К. Маркса и Ф. Энгельса

Следующая работа К. Маркса, написанная совместно с Ф. Энгельсом, — «Святое семейство» — создана в том же году, что и «Экономическо-философские рукописи...» (1844 г.). Но они значительно различаются. Во-первых, по проблематике. Работа «Святое семейство» направлена против субъективно-идеалистического учения младогегельянцев. И поэтому проблем политической экономии К. Маркс и Ф. Энгельс здесь касаются постольку, поскольку этого требует критика философии. Во-вторых, по месту категории «отчуждение». К. Маркс и Ф. Энгельс крайне редко употребляют в этой работе термин «отчуждение». Это обусловлено задачами размежевания с младогегельянцами, активно использовавшими этот термин[4].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 604.

[2] Там же. С. 605.

[3] Там же.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали младогегельянское понимание отчуждения: его расширительное толкование, его отождествление с предметностью, рассмотрение отчуждения как отчуждения самосознания и т. д. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 22, 90 и др.).

Хотя отчуждение не является основной категорией, оно рассматривается как исходное отношение, из которого вытекают остальные: «Собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой... весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих»[1]. Следовательно, подход к обоснованию частной собственности, капитала, денег, наемного труда тот же, что и в «Экономическо-философских рукописях...».

Под отчуждением К. Маркс и Ф. Энгельс, как и ранее, понимают господство над человеком чуждых предметных сил. К формам отчуждения здесь они относят частную собственность, промышленность, государство и религию. Это — отчужденные жизненные элементы[2]. Основа всех форм отчуждения — экономическое отчуждение, отчуждение труда.

Что касается причин отчуждения труда, то практически они не затрагиваются в данной работе. Основой отчуждения, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, является состояние «неимения». «Состояние неимения есть состояние полного отделения человека от его предметности... Неимение — это... полнейшая недействительность человека, полнейшая действительность его обесчеловеченности, это весьма положительное имение — наличие голода, холода, болезней, преступлений, унижения, отупения, всякого рода обесчеловеченности и противоестественности»[3]. Следовательно, проблему отчуждения К. Маркс и Ф. Энгельс сводят к проблеме собственности и ее реализации. По их мнению, форма «имения» — частная собственность.

В этом плане интересна критика прудоновского «принципа владения». Прудон «противопоставляет старой форме имения — *частной собственности* — *владение*»[4], под которым подразумевается равное распределение собственности. Этим путем он стремится уничтожить все дурные стороны «имения» — отчуждение. К. Маркс и Ф. Энгельс критикуют Прудона за иллюзорность такого снятия отчуждения, ибо владение, каким бы равным оно ни было, неизбежно развивается в частную собственность. Кроме того, владение не уничтожает господства предметных сил над человеком. «Представление о «*равном* владении» есть политико-экономическое, следовательно — все еще отчужденное выражение того положения, что *предмет*, как *бытие для человека*, как *предметное бытие человека*, есть в то же время *наличное бытие человека для другого*

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 58.
[2] Там же. С. 128—129.
[3] Там же. С. 46.
[4] Там же.

человека, его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»*[1].

Новым является выведение анализа «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения на проблему обоснования всемирно-исторической роли пролетариата.

В «Экономическо-философских рукописях...» уже рассматривалось распадение продукта отчужденного труда, частной собственности на две противоположные стороны: субъективную (труд) и объективную (капитал), но эта противоположность еще не выводилась на классовый уровень. В «Святом семействе» противоречие между сторонами частной собственности определяется как классовое. «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение», причем оба они порождены миром частной собственности[2]. Из различия положений самоотчуждения «первичных» и «вторичных» фигур экономически-философски[3] выводится закономерность пролетарской революции. «Первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования...

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»[4].

Это положение К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собой общий практический вывод из теории капиталистического отчуждения. Важное значение придается при этом осознанию отчуждения: «класс чувствует себя» и т. д. Осознание отчуждения в той или иной форме является двигателем общественных изменений, необходимым моментом классовой борьбы в антагонистическом обществе.

Будущее общество, как оно представлено в «Святом семей-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 46—47.

[2] Там же. С. 39.

[3] Экономически — как необходимость уничтожения частной собственности, философски — как необходимость разрешения антагонистического противоречия (а именно противоречия частной собственности, между трудом и капиталом).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 39. Социальная определенность субъектов отчуждения дается не в индивидуальном взаимоотношении, как в «Экономическо-философских рукописях...», а на классовом уровне. Причем эта социальная определенность является конкретно-исторической, так как рассматривается с позиций общественной перспективы.

стве», предполагает уничтожение отчуждения труда. Но собственно проблеме отчуждения и его снятия здесь уделяется мало внимания. К. Маркс и Ф. Энгельс лишь однажды упоминают о том, что необходимым условием уничтожения отчуждения от родовой сущности и отчуждения человека от человека является равенство[1]. Больше внимания они уделяют последствиям снятия отчужденного характера труда: не будет враждебности интересов, личность будет формироваться в обществе, которое предоставит «каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений»[2]. Поскольку капиталистические отношения рассматриваются в данной работе как чуждые сущности человека, извращенные, а не как соответствующие определенному уровню развития производительных сил, то коммунистическим идеалом выступает восстановление подлинно человеческих отношений.

В работе «Святое семейство» начался отход от термина «отчуждение». В «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.), где вскрывается сущность человека и определяется истинное значение фейербаховского материализма, понятие «отчуждение» применяется уже только к анализу религии.

Следующая совместная работа «Немецкая идеология» (1845—1846 гг.) демонстрирует полный разрыв с термином (но не понятием!) «отчуждение», который отбрасывается как философский[3]. Согласно мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, философским является понимание отчуждения как отчуждения «Человека», человеческой сущности. «Отчуждение человеческой сущности» предполагает наличие изначально данной и в этом смысле идеальной сущности человека[4]. Между тем раскрытие в «Тезисах о Фейербахе» сущности человека как совокупности общественных отношений означало преодоление элементов нормативного подхода к человеку.

Отказ от термина не означает отказа от понятия. Отчуждение, определяемое как господство над человеком чуждых сил, в «Немецкой идеологии» не является центральной категорией исследования, но представляет собой универсальное понятие. Сфера отношений, охватываемых отчуждением, очень широ-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 42.

[2] Там же. С. 145.

[3] Следует заметить, что термин «философия» в 40-х годах XIX в. часто употребляется К. Марксом и Ф. Энгельсом как синоним спекулятивного идеализма, а термин «политическая экономия» — как синоним буржуазной политической экономии.

[4] В позитивном смысле термин «отчуждение» используется К. Марксом и Ф. Энгельсом всего несколько раз (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 234, 271).

ка[1]. Самое общее определение отчуждения, его причин, исторических форм таково: «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что... совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение»[2].

Конкретные проявления господства чуждой социальной силы многообразны. Отметим, что в «Немецкой идеологии» чуждая социальная сила рассматривается в основном как вещная сила[3]. Это основная форма проявления отчуждения от общественных отношений в условиях товарного производства. Но сосредоточение внимания на вещной форме не означает отрицания других форм. К. Маркс и Ф. Энгельс останавливаются, например, на зависимости индивида от государства как чуждой силы, а именно силы чуждого объединения людей.

Отчуждение общественных отношений проявляется, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, в противоположности личных и общих интересов. Рассмотрение субъектного отношения, выводимое на анализ его проявления в другом субъектно-объективном отношении — интересе, представляется весьма плодотворным.

К. Маркс рассматривает диалектику личных, общих (классовых) и всеобщих интересов, связывая с ней отчуждение от общественных отношений[4]. Отчуждение от общественных отношений возникает тогда, когда личные интересы превраща-

---

[1] Мы согласны со следующим замечанием И. С. Нарского: «Возникает впечатление, что в «Немецкой идеологии» по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года» понятие отчуждения расширяется... в смысле превращения этой категории из экономической в социологическую и историко-материалистическую. Это расширение — действительный факт, но оно не значит, что Маркс отказывается от прежней характеристики отчуждения в Рукописях 1844 г. как категории политико-экономической» (Нарский И. С. Указ. соч. С. 110).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 33.

[3] Об отчуждении как господстве над человеком вещной силы подробнее см.: Батищев Г. С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблемы человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 120—122.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 234.

ются в классовые и подчиняются им. Наличие классовых интересов как превращенной формы личных интересов предполагает иллюзорность всеобщего интереса[1] и определение личных интересов в качестве частных (необщественных).

Поскольку ранее отчуждение от родовой сущности включало отчуждение от всеобщего интереса, то отрицание реальности «всеобщего» в «Немецкой идеологии», кроме всего прочего, обусловило отрицание понятия «отчуждение от родовой сущности». Отметим, что понятие отчуждения от общественных отношений в известной мере заменило понятие «отчуждение от родовой сущности». Такая замена связана с новым пониманием человеческой сущности не как родового понятия, а как совокупности общественных отношений.

Отчуждение от общественных отношений также означает отчуждение от производительных сил: «Производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами»[2]. Отчуждение является следствием отделенности индивидов от производительных сил. Расчленение материально-предметной и субъектной сторон производительных сил выступает как порабощение субъекта предметными силами[3].

Результатом является определенная форма обеих сторон производительных сил: вещественность предметных производительных сил[4] и абстрактность индивида. «На одной стороне — совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещественный вид... На другой стороне находится противостоящее этим производительным силам большинство

---

[1] Раньше, в 1843 г. К. Маркс признавал реальность всеобщего интереса, который, лишь отделившись от частных, становится иллюзорным. Теперь К. Маркс и Ф. Энгельс отрицают реальность «всеобщего» в классовом обществе.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 67.

[3] Порабощение предметными силами, таким образом, происходит в результате овеществления как производственных отношений, так и производительных сил. Такое взаимоотношение двух сторон производительных сил присуще объектному (в отличие от субъектного) типу соединения человека со средствами производства, характерного для исторического этапа возникновения и развития машинного производства. Подробнее см.: Волков Г. Н. Указ. соч. С. 40—45.

[4] Речь идет о превращении предмета в вещь. Точно так же, как существенно различаются опредмечивание и овеществление, различаются предмет и вещь. Вещь — это предмет, которому присущи (вернее, заданы определенной системой общественных отношений) функции субъекта. «В специфическом историческом смысле социальная вещь — в отличие от предмета — есть отчужденный и экстраецированный предмет культуры, якобы сам по себе обладающий социальным характером, социальными свойствами и даже способностью детерминировать социальное поведение человеческого индивида» (Батищев Г. С. Указ. соч. С. 120).

индивидов, от которых эти силы оторвались, вследствие чего эти индивиды, лишившись всякого реального жизненного содержания, стали абстрактными индивидами»[1].

Отчуждение от производительных сил выводится К. Марксом и Ф. Энгельсом не из самих производительных сил (хотя конечной причиной является именно уровень их развития), а из характера общественных отношений, связывающих частных людей: «Индивиды... раздроблены и противостоят друг другу»[2].

В «Немецкой идеологии» впервые выделено отчуждение от производительных сил как особый момент отчуждения. Отчужденная связь человека с производительными силами детерминирует отчужденный характер его деятельности, отчуждение труда как основную форму проявления отчуждения от общественных отношений[3]. Здесь проводится та же мысль, что и в «Экономическо-философских рукописях...»: отчуждение труда проявляется в отсутствии потребности в труде, когда «материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни — труд... выступает как средство»[4].

Отчуждение изображается К. Марксом и Ф. Энгельсом в общих чертах как навязанная деятельность, неподконтрольная отдельному индивиду, случайная для индивида[5], т. е. не являющаяся результатом свободного осознанного выбора, деятельность по внешнему принуждению. Под внешним принуждением они понимают не административное (государственное) принуждение, а «ограничивающие материальные условия жизни данных индивидов»[6].

В «Немецкой идеологии» отчуждение труда трактуется как противоречие, причем субъектно-объектного характера. Отчужденный труд, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, представляет собой «противоречие между личностью отдельного пролетария и трудом, этим навязанным ему жизненным условием»[7]. Это противоречие выражается в том, что развитие

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 67.

[2] Там же.

[3] Другим конкретным проявлением отчуждения от общественных отношений, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, является денежный фетишизм. «Во власти денег, в обособлении всеобщего средства обмена в качестве самостоятельной силы как по отношению к обществу, так и по отношению к отдельному индивиду, проявляется вообще наиболее ярко факт подобного обособления отношений производства и общения» (Там же. С. 395).

Отчуждение общественных отношений проявляется также в отчуждении правовых и политических отношений (Там же. С. 360).

[4] Там же. С. 67.

[5] Там же. С. 32, 78.

[6] Там же. С. 483.

[7] Там же. С. 78.

личности ограничивается возможностями, предоставляемыми односторонней узкоспециализированной деятельностью[1].

Односторонность развития работника определяется монополией развития, существующей вследствие низкого уровня производительных сил, не позволяющего обеспечить условия для развития всех членов общества. Эта монополия развития присваивается в результате разделения труда социально господствующим меньшинством индивидов: «Обусловленное этими (ограниченными. — *Авт.*) производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей были... лишены возможности какого бы то ни было развития»[2]. В этом положении содержится марксово понимание эксплуатации: развитие одного человека за счет недоразвития другого. Здесь отношение «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения представляет собой отношение эксплуатации[3].

К. Маркс и Ф. Энгельс в данной работе причину отчуждения в самом общем виде связывают с определенными способами производства: «В рамках известных, от воли, конечно, не зависящих, *способов производства* над людьми всегда становятся чуждые практические силы, не зависимые не только от разрозненных отдельных лиц, но и от их совокупности»[4]. Более конкретно способы (не один способ) производства характеризуются наличием разделения труда. Именно с разделением труда связывается существование порабощающих человека вещных сил. Господство стихийно складывающихся общественных отношений, проявляющихся в отчуждении труда, в противоречии между личностью и трудом, формируется как продукт истории: «В ходе исторического развития... вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, — появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 253.

[2] Там же. С. 433.

[3] Анализ в зрелых работах экономических условий эксплуатации привел к сужению самого понятия «эксплуатация» — к его определению как присвоения результатов чужого труда. Сведение сущности эксплуатации к чисто экономическому содержанию соответствовало логике «политической экономии капитала». Проблема же развития личности субъектов отношения эксплуатации стала выступать как следствие эксплуатации, т. е. вышла за рамки ее сущности.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 234.

она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям»[1].

Разделение труда определяет отчуждение деятельности и связанное с ним одностороннее развитие работника. К. Маркс издевается над положением «истинного социалиста» М. Штирнера, что отчуждение труда при его разделении можно снять, если относиться к своему узкоспециализированному труду «по-мастерски», т. е. если выкинуть из головы сознание отчуждения. К. Маркс пишет: ««Человек» должен стать мастером! — «Человек» остается изготовителем булавочных головок, но проникается успокоительным сознанием, что булавочная головка составляет часть булавки и что он *умеет* изготовить целую булавку. Утомление и отвращение, вызываемое вечно повторяющимся изготовлением булавочных головок, превращаются благодаря этому сознанию в «удовлетворение для Человека»»[2].

К. Маркс и Ф. Энгельс дают исторический обзор становления разделения труда, особо выделяя противоположность между городом и деревней, умственным и физическим трудом.

Разделение труда, определяя распадение деятельности по совершенно различным критериям, закрепляя это распадение социально за относительно устойчивыми, замкнутыми группами индивидов, обусловливает социальное неравенство. «...*разделение труда* делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»[3].

Таким образом, разделение труда есть его устойчивое распределение между различными индивидами. Рассмотрение разделения труда как распределительного отношения выводит анализ на собственность: «Вместе с... разделением труда дано и *распределение*, являющееся притом — как количественно, так и качественно — *неравным* распределением труда и его продуктов; следовательно дана и собственность»[4].

В «Немецкой идеологии» собственность выводится из разделения труда, но это выведение опосредуется отношениями отчужденного труда. Следовательно, К. Маркс и Ф. Энгельс придерживаются такого же понимания взаимоотношений

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 77.

[2] Там же. С. 213. Надо отметить, что такие «успокоительные» заявления встречаются и при социализме, когда предлагают отчуждение, объективно обусловленное содержанием труда, преодолеть при помощи воспитания в людях «творческого отношения» к любому, даже самому нетворческому труду.

[3] Там же. С. 30—31.

[4] Там же. С. 31.

отчуждения труда и частной собственности, как и в «Экономическо-философских рукописях...». Только там не была выявлена причина отчуждения труда, здесь оно выведено из существования разделения труда. «Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»[1]. И далее: «Разделение труда и частная собственность это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности»[2].

Заметим, что для рассматриваемого периода деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса характерна расширительная трактовка разделения труда. Т. И. Ойзерман замечает, что «в «Немецкой идеологии» понятие разделения труда еще недостаточно отграничено от других общественных отношений и во многом совпадает с понятием антагонистической формы развития производительных сил»[3]. Разделение труда понимается и как обычная дифференциация хозяйственной деятельности, и как ее социальное закрепление, в которое включается, например, и расчленение на труд и капитал.

С частной собственностью К. Маркс и Ф. Энгельс связывают существование человека как частного лица. Уничтожение обособленности индивидов предполагает, по их мнению, универсальность общения, соответствующую универсальности деятельности, уничтожение отчуждения человека от человека. Универсальность общения представляет собой развитие и обогащение отношений между людьми, одно из условий всестороннего развития индивида, так как «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений»[4].

Ясно, что универсальное общение с соответствующим ему всесторонним развитием личности невозможно без преодоления стихийного разделения труда, а стало быть, и частной собственности. Но из такого понимания частной собственности, предполагающего определенного субъекта присвоения (частного человека), К. Маркс и Ф. Энгельс делают и обратный вывод: «Частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов»[5]. Следовательно, уничтожение частной собственности совпадает с прео-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 20.
[2] Там же. С. 31.
[3] Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. С. 344.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 36.
[5] Там же. С. 441.

долением стихийного разделения труда. Соответственно они выдвигают положение о том, что пока существует отчужденный труд, должна существовать и частная собственность[1]. Разделение труда, отчужденный труд и частная собственность — отношения, которые не могу существовать друг без друга.

Наличие субъектных моментов в определении собственности не противоречило выявлению причинно-следственной связи форм собственности и развития производительных сил. Соответственно развитию производительных сил (и разделения труда) К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют периоды развития частной собственности[2]. Это сословный капитал, торгово-купеческий капитал, капитал, применяемый в мануфактуре, и капитал крупной промышленности. Крупная промышленность как наиболее развитая форма частной собственности обостряет противоречие отчужденного труда, противоречие между личностью работника и его трудом. Противостояние частной собственности и труда еще определеннее замыкается на односторонности развития (или многосторонности недоразвития) трудящегося индивида. С крупной промышленностью как ступенью в развитии труда К. Маркс и Ф. Энгельс связывают необходимость коммунистического общества.

Проводимый в «Немецкой идеологии» анализ исторических ступеней развития разделения труда и форм собственности обусловливает признание наличия исторических форм самого отчуждения. Так, об отчуждении от общественных отношений К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Превращение индивидуального отношения в его противоположность — в чисто вещное отношение... представляет собой ... исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы. В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсаль-

---

[1] Преодоление отчуждения труда К. Маркс связывал с уничтожением частной собственности в понимании, изложенном в ранних работах. В зрелых работах К. Маркса понятие частной собственности было сужено: оно не предполагало такой жесткой зависимости от личностной характеристики субъекта присвоения. Именно на это суженное понимание частной собственности опирается положение, разделяемое большинством советских исследователей, об уничтожении отчуждения труда при социализме. Разумеется, капиталистическая частная собственность как совокупность отношений, определяемых антагонистически-классовым характером присвоения условий производства, уничтожена при социализме. Но остатки частной собственности, соответствующей частному человеку и частному труду, сохранение элементов которого при социализме общепризнано, свойственны и социализму как переходной ступени общества на пути к уничтожению отчуждения труда.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 49—61.

ную форму»[1]. Таким образом, с капитализмом связывается только наиболее резкое проявление отчуждения от общественных отношений.

Интересно отметить, что и в «Немецкой идеологии» господство чуждых сил над человеком (например, собственности) представляется не только в вещной форме. Анализируя различные исторические периоды — «естественно возникших орудий производства» и «орудий производства, созданных цивилизацией», К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают: «В первом случае господство собственника над не-собственником может опираться на личные отношения, на тот или иной вид общности, во втором случае оно должно принять вещественную форму, выражаясь в чем-то третьем, в деньгах»[2].

Преодоление отчуждения труда исторически связывается с будущим обществом. Но будущее общество уже не выводится, как, например, в «Экономическо-философских рукописях...», из «провиденциальной цели» — уничтожить отчуждение. Его необходимость обосновывается теперь развитием производительных сил и преобразованием формы собственности. В качестве материальных предпосылок коммунистической революции и уничтожения отчуждения труда[3] они выделяют высокий уровень развития призводительных сил и классовую поляризацию общества.

Уровень производительных сил, достаточный для уничтожения отчуждения труда, определяется достижением такой стадии производства, когда будет обеспечено изобилие предметов потребления[4]. «Нельзя освободить людей, пока они не будут в состоянии полностью в качественном и количественном отношении обеспечить себе пищу и питье, жилище и одежду»[5]. Совершение коммунистической революции без учета этой предпосылки не сможет создать условий для реализации действительной ее цели — гармоничного развития личности. Без необходимого уровня развития производительных сил, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, имело бы место «лишь всеобщее распространение *бедности*; а при *крайней нужде* должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость»[6].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 440.

[2] Там же. С. 65.

[3] Там же. С. 38, 33.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что такой уровень уже достигнут и связывали его с крупной промышленностью, которая, по их мнению, характеризуется необходимой универсальностью производительных сил.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 349.

[6] Там же. Т. 3. С. 33.

При коммунизме, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, будет уничтожено отчуждение от общественных отношений: «Вместо господства отношений и случайности над индивидами... господство индивидов над случайностью и отношениями»[1]. Антиподом отчуждения от общественных отношений, господства над человеком случайности, а именно стихийных сил общественного развития, когда индивид может лишь использовать эту случайность в личных интересах[2], выступает свобода как осознание необходимости и господство человека над случайностями.

Господство стихийных сил над человеком заменяется контролем индивидов над силами, которые перестают носить стихийный характер. Как отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс, «строй, создаваемый коммунизмом, является... таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов»[3]. Стихийности противопоставляется планомерность[4].

Планомерность выступает как условие уничтожения отчуждения от общественных отношений. Планомерность же определяющим образом связана с коллективностью. Будущий строй определяется К. Марксом и Ф. Энгельсом как строй «свободно объединившихся индивидов»[5]. Те или иные формы коллективов, общностей в классовом обществе они называют суррогатами коллективности, мнимой коллективностью[6], так как в этих общностях индивид лично не свободен, его личные интересы подчинены и определены классовыми интересами, он входит в эту общность только как средний, классовый, индивид, а общность выступает по отношению к индивиду как надчеловеческая, чуждая, господствующая над ним сила. Коммунистическая ассоциация является силой собственного, свободного объединения, предоставляющей каждому ее члену личную свободу. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»[7]. Таким образом, личная свобода индивида связывается с возможностью реализации и развития своей личности.

Положение об уничтожении отчуждения труда формулируется в виде требования уничтожить труд: «При всех прош-

---

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 440.
2 Там же. С. 76.
3 Там же. С. 71.
4 Там же. С. 72.
5 Там же.
6 Там же. С. 75.
7 Там же.

лых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, — всегда дело шло только об ином распределении... труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд...*»[1] Следовательно, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, труд — это определенный, а именно отчужденный, характер деятельности[2].

Труду противопоставляется не свободный труд, а свободная деятельность, самодеятельность. Свобода труда, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, есть свобода отчужденной деятельности, свобода господства материальной деятельности над человеком. «*Современное* государство, господство буржуазии, основано на *свободе труда...* Свобода труда есть свободная конкуренция рабочих между собой»[3].

К. Маркс и Ф. Энгельс определяют самодеятельность как форму самоутверждения и развития человека, как социально-созидательную деятельность в противовес труду (отчужденному труду) как форме господства над человеком вещных условий[4]. В этом плане важно проводимое ими различение двух способов производства — воспроизводства физического существования и определенного вида жизнедеятельности соответственно двум сторонам человеческой деятельности — обработке природы людьми и обработке людей людьми[5]. Взаимодействие этих двух сторон может принимать противоречивую форму господства «вещно-созидательной» стороны человеческой деятельности над «социально-созидательной». Результатом этого противоречия является определенная историческая роль субъекта деятельности. «Случайный индивид» отчужденного труда не может быть сознательно активным субъектом исторического развития. Напротив, самодеятельность, предполагающая всесторонне развитого индивида, формирует из каждого человека сознательно активного творца истории.

Уничтожение порабощающего разделения труда предполагает уничтожение противоположности между городом и дерев-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 70.

[2] Положение об уничтожении труда в коммунистическом обществе развито Г. С. Батищевым (Указ. соч. С. 110—117). Уничтожение труда, по его мнению, тождественно преодолению ограниченной формы человеческого производства, «при которой оно подчинено одностороннему собственно материальному производству» (Там же. С. 117) и совпадает с уничтожением отчужденного труда. В результате «по ту сторону материального производства» начинается «царство свободы».

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 192.

[4] Как отмечает Г. С. Батищев, «социально-созидательная роль труда скрыта за его вещно-созидательной ролью» (Указ. соч. С. 111).

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19, 35 (Прим.).

ней[1], между умственным и физическим трудом[2], между трудом и наслаждением[3]. На смену разделению труда как социально закрепленной дифференциации хозяйственной деятельности, дающей возможность лишь для одностороннего развития индивидов, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, придет закон перемены труда: трудовой мобильности индивидов, имеющих возможность свободно менять сферу приложения своих способностей. Конечно, представленная ими картина перемены нескольких видов деятельности в течение дня несколько утопична. Но главное — не «темпы» перемены деятельности, а принципиальная возможность этой перемены, условия для которой создаются высоким уровнем развития производительных сил и общественным регулированием производства. Важно то, что общество не ограничивает индивида в выборе деятельности.

Итак, уничтожение разделения труда, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, означает не уничтожение разнообразия форм деятельности, а лишь преодоление их социального закрепления. Различие форм деятельности на определенном историческом этапе привело к различиям условий развития человека и поэтому породило социальное неравенство. С развитием каждой сферы деятельности, с созданием равных возможностей для развития личности в любой сфере преодолеваются и условия, формирующие социальное неравенство. Равные условия для развития способностей каждого человека не означают равенства самих этих способностей, нивелирования личности. Поэтому в соответствии с высоким уровнем производительных сил (как условием) и необходимостью создания равных условий для развития личности (как целью) потребление не должно иметь социальных ограничений, и распределение должно осуществляться по потребностям. «*Различие* в деятельности, труде, не влечет за собой никакого *неравенства*, никакой *привилегии* в смысле владения и потребления»[4]. Распределение по потребностям, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, является существеннейшим принципом коммунизма[5].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 50.

[2] Так, К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, например, о художественной деятельности: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 393).

[3] Труд, будучи формой самодеятельности, перестанет быть тягостной деятельностью, станет наслаждением. А наслаждение перестанет быть бессодержательным времяпрепровождением, потеряет потребительско-развлекательный характер, будет одной из форм развития способностей, т. е. также формой самодеятельности. Противоположность труда и наслаждения вообще существует только в рамках отчуждения труда.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 542.

[5] Там же.

Все исследуемые категории — преодоление разделения труда, всестороннее развитие личности, распределение по потребностям и др. — являются взаимозависимыми и соответствуют уничтожению отчуждения труда.

В целом, несмотря на отрицание термина «отчуждение» и отказ от него как центрального понятия, «Немецкая идеология» содержит в себе дальнейшее развитие концепции отчуждения[1]. Эта концепция выступает как составная часть материалистического понимания истории, отражающая процесс общественного развития с точки зрения его «распредмечивания» на субъекта этого развития (на каждого индивида в отдельности, на развитие его личностных свойств) и обратного влияния субъекта отчужденной действительности на ход исторического развития. Отчуждение труда в данной работе представляется как конкретное проявление отчуждения общественных отношений. Роль отчуждения труда как основы всех других видов отчуждения уже была раскрыта в «Экономическо-философских рукописях...». Здесь же отчуждение труда выступает в «новом разрезе», как один из аспектов общественного развития как целостного процесса.

5. Экономическая система зрелого К. Маркса: раскрытие корней отчуждения

В марксоведческой литературе уделялось много внимания развитию взглядов К. Маркса на отчуждение. Практически все исследователи признают эту категорию в ранних работах как центральную и универсальную, хотя ее содержание трактуется по-разному. Одни авторы считают отчуждение только философским понятием[2], другие признают за отчуждением и философское, и экономическое содержание[3].

---

[1] Мы не можем согласиться с мнением известного французского марксиста Л. Сэва, что «именно начиная с 1845—1846 гг. теория отчуждения, как она представлена в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», была, бесспорно, преодолена самими Марксом и Энгельсом, вот почему ее следует считать домарксистской» (Сэв Л. Указ. соч. С. 112). Отчуждение преодолено как центральное понятие, но К. Маркс и Ф. Энгельс не отказывались от исследования его содержания. И тем более его нельзя назвать домарксистским, так как оно сыграло важную роль в раскрытии основополагающих моментов общественного развития и верно отражало реалии капиталистической действительности (хотя и не с точки зрения ее внутреннего механизма). Л. Сэв, говоря о домарксистском содержании понятия «отчуждение» и вообще «Экономическо-философских рукописей...», исходит из тезиса о том, что исходным пунктом анализа в этой работе являлась человеческая сущность. В действительности же К. Маркс брал за исходный пункт анализа «современный политико-экономический факт» — частную собственность.

[2] Кешелава В. В. Указ. соч. С. 108; Сэв Л. Указ. соч. С. 116 и др.

[3] Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. С. 6, 7; Нарский И. С. Указ. соч. С. 43 и др.

Главное расхождение среди исследователей состоит в том, как они трактуют отход К. Маркса от анализа отчуждения. Основные различия наблюдаются по следующим вопросам: хронологические рамки отхода, его причины, окончательный отказ от понятия или лишь смещение акцентов, в какие категории переходит содержание отчуждения.

Некоторые авторы полагают, что отказ К. Маркса от категории отчуждения произошел сразу после написания «Экономическо-философских рукописей...», в 1845—1846 гг. Они связывают его с «Тезисами о Фейербахе». Так, французский марксист Л. Альтюссер в известной книге «За Маркса» (Paris, 1965) считает, что в 1845 г., в период написания «Тезисов о Фейербахе» и «Немецкой идеологии», во взглядах К. Маркса произошел «эпистемологический разрыв» — переход от ненаучного гуманизма[1] (включающего концепции сущности человека, отчуждения и т. п.) к теоретическому антигуманизму. Концепция отчуждения, согласно Л. Альтюссеру, была целиком ненаучной, так как исходила из идеальной, заранее заданной человеческой сущности, из нормативного подхода к человеку. В 1845 г., по его мнению, К. Маркс окончательно порывает с ненаучной концепцией отчуждения и переходит на строго научные позиции, которые неизбежно должны были превратиться в антигуманистические, или агуманистические, уточняет Л. Альтюссер. Так же эволюцию К. Маркса оценивали и последователи Л. Альтюссера Э. Балибар, П. Машре и др.[2]

Подобная оценка концепции отчуждения содержится и в работе Л. Сэва «Марксизм и теория личности». Хотя он и критикует Л. Альтюссера за антигуманистическую интерпретацию зрелого К. Маркса, но в целом соглашается с его трактовкой концепции отчуждения. Он пишет: «Набросок 1844 г. был в научном отношении негоден для завершения, и анализ, данный в зрелых работах Маркса, был не завершением этого наброска, а скорее изменением теории отчуждения»[3]. Разрыв с «отчуждением» Л. Сэв также датирует 1845 г.[4]

Объявление Л. Альтюссером и Л. Сэвом концепции отчуждения ненаучной обусловлено сведением всей концепции отчуждения и ее основы — отчуждения труда к отчуждению человеческой сущности. Причем человеческая сущность в «Экономическо-философских рукописях...», по их мнению, имеет спекулятивно-идеалистический смысл. Однако, во-первых, уже в «Экономическо-философских рукописях...», на наш взгляд, есть моменты историко-материалистического понимания человеческой сущности (вследствие ее определения через труд, форма которого представляет собой исторически развивающееся явление). Во-вторых, теорию отчуждения нельзя, даже в 40-х годах, сводить к отчуждению человеческой сущности. Безусловно, понятие «человеческая сущность» «вмонтировано» в концепцию отчуждения раннего К. Маркса, но не представляет собой исходного пункта анализа. Еще раз повторим, что, на наш взгляд, исходным пунктом являются конкретные реалии современного К. Марксу общества: частная собственность, капитал и т. д.

На связь ранней концепции отчуждения с понятием природной человеческой сущности указывает и Т. И. Ойзерман. Он полагает, что только в

---

[1] Гуманизм, согласно Л. Альтюссеру, не может быть научным, так как является понятием идеологии. А идеология, по его мнению, отличается от науки тем, что в ней практическая функция доминирует над познавательной.

[2] Подробнее см.: Грецкий М. Н. Марксистская философская мысль во Франции. М.: Изд-во МГУ, 1977; Гобозов И. А. Ленинское философское наследие в трудах французских марксистов. М.: Изд-во МГУ, 1981.

[3] Сэв Л. Указ. соч. С. 113$_1$.

[4] Такая датировка разделяется и некоторыми советскими исследователями (например, Ю. Н. Давыдовым).

зрелом марксизме понятие отчуждения освободилось полностью от антропологического принципа. Однако Т. И. Ойзерман не сводит концепцию отчуждения раннего периода к отчуждению человеческой сущности и выделяет в отличие от Л. Альтюссера и Л. Сэва экономическое содержание отчуждения[1].

Другие авторы (Н. И. Лапин, И. С. Нарский) склонны качественное изменение в развитии категории «отчуждение» видеть в период уже после появления «Немецкой идеологии».

В качестве причин отхода К. Маркса от исследования отчуждения марксоведы выделяют следующие:

1) переход от ненаучной концепции к теории «истинного» марксизма (Л. Альтюссер, Л. Сэв);

2) переход от изучения поверхностных явлений к исследованию их сущности, требующий соответственной конкретизации категориального аппарата (отказ от универсальной категории отчуждения, ее расчленение на ряд более конкретных категорий)[2].

Практически все исследователи в качестве дополнительного фактора отхода К. Маркса от термина «отчуждение» отмечают осознанную им необходимость размежевания с теоретиками, использующими ненаучное понимание отчуждения.

Что касается характера отхода К. Маркса от понятия отчуждения, по этому вопросу также существуют различные точки зрения. Некоторые авторы (Л. Альтюссер, Л. Сэв) считают такой отход безвозвратным и абсолютным[3]. Л. Сэв, исходя из сугубо философского понимания отчуждения, считает, что теория отчуждения уступила место «научной теории противоречий и условий исторического развития индивидов»[4]. Другие авторы[5] видят в зрелых работах развитие концепции отчуждения, изложенной в «Экономическо-философских рукописях...». Однако они справедливо указывают на трансформацию, которую претерпело понятие отчуждения.

Например, О. Корню полагает, что категория отчуждения была заменена понятием «практика»[6]. Исследователи, выявившие в ранней теории отчуждения К. Маркса экономическое содержание, выделяют экономические категории, в которые перешло содержание категории «отчуждение», не отрицая при этом также и общефилософского смысла, заложенного в отчуждении. Так, Ю. Н. Давыдов полагает, что понятие «отчуждение труда» было заменено понятием разделения труда[7]. Многие исследователи видят в концепции отчуждения труда раннего К. Маркса зародыш теории прибавочной стоимо-

---

[1] Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. С. 346.

[2] Кешелава В. В. Марксизм и гуманизм // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 106—107; Лапин Н. И. Указ. соч. С. 449—450; Марксхаузен Т. Указ. соч. С. 277—286; Чангли И. И. Указ. соч. С. 346.

[3] Сэв Л. Указ. соч. С. 120. «...безвозвратно, если не абсолютно исчезает *слово*, по крайней мере *понятие*, и теория отчуждения». Но по его мнению, в рукописях 1857—1859 гг. «функционирует *новое понятие отчуждения»*, «совершенно научное» (Там же. С. 164). Непонятно, исчезает все-таки понятие или нет? И неужели между «старым» и «новым» «отчуждением» нет никакой преемственности?

[4] Сэв Л. Указ. соч. С. 141.

[5] Богомолов А. С. Предисловие к книге А. Куреллы. Свое и чужое. С. 17; Ковалев С. М. О человеке, его порабощении и освобождении. М.: Прогресс, 1979; Косолапов Р. И. Указ. соч. С. 38; Нарский И. С. Указ. соч. С. 121; Огурцов А. П. Указ. соч. С. 77; Фритцханд М. Указ. соч. С. 15 и др.

[6] Корню О. Карл Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. II. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. С. 245.

[7] Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962. С. 47.

сти, а некоторые даже отождествляют отчуждение с эксплуатацией[1]. Но И. С. Нарский, А. П. Огурцов справедливо проводят между ними различие. Большая группа авторов усматривает продолжение теории отчуждения в изложенной в поздних работах теории товарного фетишизма[2].

Другие исследователи, исходя из первоначальной универсальности понятия отчуждения, называют целый ряд категорий, на которые распалось содержание отчуждения. Так В. В. Кешелава выделяет конкретные философские проблемы, выведенные из теории отчуждения: объективного характера исторического процесса, фетишизации, взаимодействия элементов надстройки с базисом и др.[3] И. С. Нарский называет «понятия отделения абстрактного труда от конкретного, отрицательных последствий разделения труда, экспроприации производителей, эксплуатации, возникновения и углубления классового антагонизма, отражения базиса в иллюзорной идеологической надстройке и, конечно, товарного фетишизма»[4]. А. И. Титаренко, Б. Н. Воронцов считают, что развитие теории отчуждения в зрелых работах привело к расчленению ее на объективные категории («частная собственность», «товар», «капитал», «заработная плата») и морально-психологические понятия («враждебность», «несчастье» и т. д.)[5].

Прежде чем обосновать наше понимание эволюции взглядов К. Маркса на проблему отчуждения, необходимо отметить, что в зрелых работах различаются термин и значение отчуждения. Содержание проблемы отчуждения может исследоваться как с употреблением, так и без употребления термина «отчуждение». Аналогично применение термина «отчуждение» может означать анализ проблематики отчуждения, а может иметь и иное значение. В этом плане важно различение таких терминов (в русском тексте часто переводимых одним словом «отчуждение»), как: опредмечивание (Vergegenständlichung), экстраекция, или эстериоризация (Entäuxerung), овещнение (Verdinglichung, Versachlichung), наделение внешним бытием (Veräuberlichung), овеществление (Versachlichung), обособленность, изоляция (Äuberlichkeit), отчуждение в юридически-правовом смысле (Veräuberung) и собственно отчуждение (Entfremdung). На необходимость такого различения уже указывалось в марксоведческой литературе.

Кроме того, К. Маркс часто использовал термин «отчуждение» для обозначения превращенных форм. Например, в третьем томе «Капитала» и в приложении «Теорий прибавоч-

---

[1] Ангелов Ст. Об идейных истоках: «гуманного социализма» // Проблемы мира и социализма. 1972. № 5. С. 74; Косолапов Р. И. Маркс современен всегда // Коммунист. 1983. № 7. С. 21—22; Штольберг Р. Социология труда. М.: Прогресс, 1982. С. 18 и др.

[2] Гильман М. И. Некоторые философские вопросы марксовой теории товарного фетишизма // Философские науки. 1967. № 4. С. 59; Лапин Н. И. Указ. соч. С. 456; Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. С. 251—252; Фритцханд М. Указ. соч. С. 15 и др.

[3] Кешелава В. В. Марксизм и гуманизм // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 107.

[4] Нарский И. С. Указ. соч. С. 127.

[5] Титаренко А. И., Воронцов Б. Н. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма // Вопросы философии. 1978. № 11. С. 104.

ной стоимости» «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» он неоднократно употреблял понятие «отчужденные формы» для определения поверхностных капиталистических форм, воспринимаемых на уровне обыденных представлений, искажающих действительные существенные взаимосвязи[1].

Так, прибыль определялась им как отчужденная форма прибавочной стоимости. Результатом отчуждения условий труда выступают превращенные формы заработной платы как выражение цены труда и рента как выражение цены земли. Но наиболее часто этот термин использовался К. Марксом для характеристики капитала, приносящего проценты, который проявляется не только как «продукт самоотчуждения рабочих», результат их отделения от собственности на средства производства, но и как отчужденная форма самого капитала. Процент, по словам К. Маркса, «резюмирует *отчужденный* характер условий труда по отношению к деятельности субъекта»[2]. В нем отчужденная форма выступает наиболее явно, как нечто самостоятельное, существенное в противоположность своей действительной основе — прибавочной стоимости. Подобные определения, характеризующие несовпадение сущности и форм экономических явлений, нельзя смешивать с традиционным пониманием отчуждения труда. Но они, безусловно, взаимосвязаны, ибо раскрывают моменты универсального процесса овеществления, фетишизации капиталистических производственных отношений.

Что касается эволюции марксовой теории отчуждения, то и после «Экономическо-философских рукописей...» К. Маркс продолжал исследование феномена отчуждения (пусть и не употребляя этот термин). В работе «Немецкая идеология» понятие отчуждения послужило материалистическому пониманию формационного развития общества (путем расширения своей функциональной роли — от экономическо-философской до социологической категории). Что же произошло дальше с термином и с понятием «отчуждение»?

Во-первых, следует остановиться на термине «отчуждение». Отказ от него после «Экономическо-философских рукописей...» был продиктован исключительно причинами внешнего характера: осознанной необходимостью размежеваться с младогегельянцами не только содержательно, но и терминологически. Но уже в 50-х годах младогегельянская философия исчезла с идейной арены как самостоятельное течение, т. е. отпали

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 383—384, 391, 397; Т. 26. Ч. III. С. 507, 513, 519, 529.

[2] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 519.

причины, обусловившие отказ К. Маркса от термина «отчуждение». Начиная с «Экономических рукописей 1857—1859 гг.» термин «отчуждение» вновь применяется К. Марксом.

Говоря, во-вторых, о понятии отчуждения, необходимо четко определить изменение его места и содержания. Но прежде всего следует отметить, что К. Маркс продолжал исследовать проблемы отчуждения и после «Немецкой идеологии», о чем свидетельствуют, например, работа «Наемный труд и капитал» (1849 г.) и примыкающая к ней рукопись «Заработная плата»[1]. Однако в произведениях, последовавших за «Немецкой идеологией», отчуждение уже не является сквозной, универсальной, центральной, исходной категорией. Это обусловлено изменением характера исследований К. Маркса.

В 40-е годы объектом исследования К. Маркса было современное ему общество. Однако нельзя было научно обосновать его природу, законы, не имея представления о направлении, законах, критериях, движущих силах общественного развития в целом. Материалистическое понимание истории, в обосновании которого не последнюю роль сыграла категория отчуждения, позволило решить эту задачу и сделало возможным раскрытие законов самодвижения капиталистического способа производства. Эти законы и стали непосредственным предметом исследований К. Маркса начиная с конца 50-х годов. Конечно, он и раньше изучал капитализм, но тогда он анализировал только поверхностный слой его отношений. Исследование же поверхностного слоя как единства разнородных во многом отношений требовало применения универсальных категорий. Это обусловило, в частности, универсальность категории «отчуждение» в ранних работах К. Маркса. Проникновение вглубь отношений капитализма, приближение к раскрытию его сущности потребовало конкретизации категориального аппарата. Это относится и к категории отчуждения.

Чтобы понять содержание и смысл конкретизации понятия

---

[1] Здесь анализируются три аспекта отчуждения: 1) заработная плата как форма проявления отчужденного труда, когда общественно-полезная цель труда (потребительные стоимости) подменяются для рабочего своекорыстной, эгоистической потребностью (заработной платой) (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 432); 2) продажа труда, под которой по существу понимается продажа рабочей силы, способствует превращению труда лишь в средство к жизни и таким образом является объективным условием отчуждения труда (Там же. С. 432, 579); 3) негативное влияние разделения труда на личность работника: в результате развития разделения труда труд упрощается. Нивелировка труда ведет к нивелировке личности, и «*в той же мере, в какой труд перестает доставлять удовлетворение, становится все более отталкивающим, — в той же самой мере конкуренция увеличивается, а заработная плата уменьшается*» (Там же. С. 456). Следовательно, К. Маркс показывает, как субъектное отношение отчуждения труда влияет на объективные процессы (конкуренцию, заработную плату).

отчуждения, необходимо обратиться к известному плану шести книг, изложенному К. Марксом во «Введении» (1857 г.), в предисловии «К критике политической экономии» (1859 г.)[1]. Ему удалось реализовать замысел лишь первой книги — о капитале. Основой «политической экономии капитала» является теория прибавочной стоимости. Проблемы остальных пяти книг (о земельной собственности, наемном труде, государстве, внешней торговле, мировом рынке) исследованы лишь во взаимосвязи с теорией прибавочной стоимости. Специфические законы движения этих категорий предполагалось рассмотреть в «специальных учениях».

«Политическая экономия капитала» — теория овеществленных отношений, где лица выступают лишь в характерных экономических масках. И в этом смысле данная теория бессубъектная. Но это ее качество не негативное, так как оно отражает капиталистическую реальность. «Политическая экономия капитала» в своей бессубъектности раскрывает сущность капитализма (позволяет обосновать закон прибавочной стоимости) и, следовательно, способна выполнять свои познавательные и прогностические функции. Категория же отчуждения, будучи субъектной, не является специфической категорией «политической экономии капитала», а представляет собой одну из основных, на наш взгляд, категорий специального учения о наемном труде — «политической экономии труда», замысел которой К. Маркс, не успел реализовать. Поэтому в учении о капитале отчуждение исследуется лишь постольку, поскольку этого требует обоснование теории прибавочной стоимости.

Теория же прибавочной стоимости «требовала» вовлечения в анализ не собственно отчуждения как субъектного отношения, а объективного условия отчуждения: отделения от работника условий, результатов его труда и превращение их в чужую собственность, т. е. отчуждения как формы присвоения. В подготовительных рукописях и в самом «Капитале» К. Маркс касался и субъектного отношения отчуждения, но лишь фрагментарно, так как собственно отчуждение находилось вне рамок непосредственного предмета его исследований, вне «политической экономии капитала».

Рассматривая эволюцию взглядов К. Маркса на проблему отчуждения в более поздний период, мы не будем следовать за ним от работы к работе, так как в рукописях 50—60-х годов и в «Капитале» отчуждение исследуется приблизительно на одном уровне «зрелости».

Основой нового уровня анализа отчуждения послужили

---

[1] Подробнее см.: Коган А. М. Указ. соч.

обоснование научного метода, раскрытие двойственного характера труда, развитие теории стоимости и прибавочной стоимости.

Рассмотрим исследование отчуждения на основе «Экономических рукописей 1857—1859 гг.», рукописей 1861—1863 гг. (включая «Теории прибавочной стоимости»), рукописи «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» (1863—1864 гг.) и собственно «Капитала». Причины и объективные условия отчуждения труда будем рассматривать только в связи с отчуждением как субъектным отношением. Несмотря на то, что отчуждение не входит в непосредственный предмет исследований К. Маркса, он уделил ему немало внимания.

Так, в рукописях 1857—1859 гг. К. Маркс продолжает анализировать отчуждение от общественных отношений как всеобщую основу всех видов отчуждения, включая отчуждение труда. Он проводит прямую связь между развитием общественных отношений (и отчуждением как одной из форм этого развития) и развитием личности. Это соответствует выработанному еще в 1845 г. пониманию сущности человека как совокупности общественных отношений.

Рассматривая исторический процесс как развитие индивида и его общественных связей, К. Маркс выделяет в нем три фазы. На первой фазе индивид выступает как «неразвитая целостность», на второй — как «полная опустошенность», на смену которой должны прийти «универсально развитые индивиды»[1]. Он также выделяет три ступени в развитии формы общественных отношений: 1) личная зависимость; 2) личная независимость, основанная на вещной зависимости; 3) свободная индивидуальность[2].

Следует отметить, что это общая схема, в которой нельзя установить прямую связь между развитием индивида и общественных отношений. Так, между индивидом как «неразвитой целостностью» (соответствующим первобытному способу производства, с присущей ему формой личной зависимости: каждого от всех) и полностью опустошенным индивидом (соответствующим капиталистическому способу производства, с присущей ему вещной зависимостью как формой общественных отношений) должна быть промежуточная ступень в развитии индивида (соответствующего докапиталистическим классовым формациям, основанным на «персональной», отчужденной форме личной зависимости). Тем не менее эта схема дает принципиальное решение вопроса о связи проблемы

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 105.

[2] Там же. С. 101.

отчуждения с проблемой развития личности. К. Маркса интересовала прежде всего вторая ступень — отчуждение общественных отношений и опустошенного человека.

Отчуждение общественных отношений, подчинение человека стихийным силам общественного развития при капитализме принимает форму его подчинения овеществленным общественным отношениям[1], вследствие чего происходит их объективно обусловленная фетишизация. Отчуждение общественных отношений как их овеществление и фетишизация свойственно только товарному производству и соответственно в развитой форме — капиталистическому товарному производству.

Отметим, что нельзя смешивать отчуждение с фетишизмом, в частности товарный фетишизм (а также денежный фетишизм, фетишизм капитала) с капиталистическим отчуждением. Кажущееся основание для такого смешения имеется. Фетишизм основан на превращении субъекта в объект и наоборот[2]. Отчуждение также характеризуется перевертыванием субъектно-объектных отношений[3]. Тем не менее фетишизм является лишь господствующей в сознании формой объективного отчуждения[4]. Нельзя также путать фетишизм с осознанным отчуждением. Фетишизирующее сознание может воспринимать объективное отчуждение как нечто «свое», как неотчуждение. Осознанное же отчуждение есть начало освобождения от фетишизма в сознании.

Анализ отчуждения как прежде всего буржуазного отчуждения позволил конкретизировать его причины. Как и ранее, в качестве общей причины, порождающей отчуждение, К. Маркс выделяет разделение труда, «при котором единство различных видов труда и их взаимная дополняемость существуют вне индивидов и независимо от них»[5]. Соответственно уничтожение отчуждения он связывает с преодолением разделения труда, основанного на обмене[6].

Более конкретной причиной буржуазного отчуждения, по мнению К. Маркса, является товарное производство как результат развития разделения труда и обмена. Производство продуктов как товаров определяет то, что «общественный

---

[1] «Индивиды подвергли отчуждению от себя свое собственное общественное отношение в виде вещи» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 103; также см. С. 88, 99, 100, 105, 141, 171).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 80—93.

[3] Там же. Т. 47. С. 122.

[4] «Фетишизм ... понимается Марксом как *явление сферы общественного сознания*, определяемое теми процессами в сфере общественного бытия, которые описываются понятием «отчуждение» (Марксхаузен Т. Указ. соч. С. 282).

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 101.

[6] Там же. Ч. II. С. 134.

характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве, выступает... как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное»[1]. Преодоление отчуждения, основанного на товарном производстве, а стало быть, и овеществления общественных отношений требует, согласно К. Марксу, преодоления товарного производства и установления контроля индивидов над их общественным развитием.

По этому поводу он пишет: «Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством...»[2]

Следующий уровень конкретизации причины отчуждения, основанного на товарном производстве, — двойственный характер труда, когда «труд вообще» принимает обособленную от конкретного труда форму абстрактного труда. Завершение исторического становления и теоретическое выделение абстрактного труда как специфического социального явления стали возможными лишь с осуществлением промышленного переворота. К. Маркс пишет: «...абстракция труда вообще есть не только мысленный результат некоторой конкретной совокупности видов труда. Безразличие к определенному виду труда соответствует такой форме общества, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда»[3].

Двойственный характер труда определяет отчужденное отношение работника к своему труду: «Для самого́ рабочего абсолютно безразлична определенность его труда; она как таковая не представляет для него интереса, а интересует его лишь постольку, поскольку это вообще *труд*»[4].

Противоречие абстрактного и конкретного труда является выражением противоречия между частным и общественным трудом, когда общественный характер труда отделяется от индивидуального труда и выявляется лишь через продукт, в его обмене, а не непосредственно в самом процессе труда. Таким образом, общественная (сущностная) функция труда отделяется от самого труда, а стало быть, и от работника. И те-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 100.
[2] Там же. С. 102.
[3] Там же. С. 41.
[4] Там же. С. 248.

перь независимо от отдельного индивида через законы рынка она определяет его поведение. Соответственно преодоление отчуждения предполагает уничтожение расщепления труда на абстрактный и конкретный, общественный и частный (выражением последнего является определение общественного труда как скрыто общественного) и становление труда как всеобщего, непосредственно общественного[1]. Всеобщий труд и есть тот труд, отношение субъекта к которому лишено отчужденности. Исследование труда в будущем обществе, проведенное К. Марксом, как раз обобщается в понятии всеобщего труда.

Итак, К. Маркс конкретизировал причину отчуждения, соответствующего товарному производству, от разделения труда, основанного на обмене, до двойственного характера труда. Капиталистическая форма отчуждения как специфическая форма в условиях товарного производства для своего определения требует дополнительных условий. Такими условиями являются формальное и реальное подчинение труда капиталу. Продажа рабочей силы, существование наемного труда обусловливают отчуждение труда при капитализме.

В рукописях 1857—1859 гг. К. Маркс показал, что рабочие продают капиталистам не труд, а рабочую силу. Это позволило отделить отчуждение труда от эксплуатации[2]. Эксплуатация выступает как объективное условие отчуждения труда и как действительное проявление отчуждения[3]. Подчинение труда капиталу создает специфически капиталистическую форму отчуждения труда: «Рабочий должен обеднеть, так как творческая сила его труда теперь противостоит ему как сила капитала, как *чуждая сила*. Рабочий *отчуждает* (entäußert) от себя труд как производящую богатство силу; капитал присваивает себе труд как такого рода производительную силу... Таким образом, по отношению к рабочему производительность его труда *становится чуждой силой*, как и вообще его труд»[4].

Продажа рабочей силы в свою очередь как необходимая предпосылка предполагает отделение от работника условий его труда, а вследствие этого и результатов. Поэтому наиболее глубинным условием отчуждения труда при капитализме является отделение собственности от труда.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 115; Ч. II. С. 110, 347 и др. Глубокое исследование всеобщего труда, опирающееся на основные идеи К. Маркса, дано в кн. Производство как общественный процесс. С. 101—125.

[2] Подробнее см.: Нарский И. С. Указ. соч. С. 90.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 520.

[4] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 260.

Отделение от работника условий его труда (и результатов) ведет к отчуждению работника:

от условий труда. Вещные условия труда господствуют над рабочим, над нищей субъективностью живой рабочей силы[1]. К. Маркс выстраивает целую цепочку «господств», характеризующих отчуждение работника от условий труда (средств труда и жизненных средств): господство «труда вообще» над конкретным трудом — господство меновой стоимости над потребительной стоимостью — господство меновой стоимости, денег над рабочей силой, над личностью работника — господство капитала над трудом — господство капиталиста над рабочим[2];

от продукта труда. К. Маркс рассматривает специфически буржуазную форму отчуждения от продукта, обусловленную товарным характером производства[3]. Власть капитала, производство товара заранее как чужой собственности, которое отличается от передачи товара в чужую собственность при простом товарном производстве, определяют капиталистическое отчуждение от продукта;

от труда как деятельности. К. Маркс пишет: «Рабочая сила относится к труду как к чужому, как к *принудительному труду*. Ее собственный труд является для нее чужим... в капиталистическом производстве... по своему содержанию, по управлению им, по своей общественной форме»[4]. Таким образом, он выделяет три составляющих отчуждения работника от процесса труда: содержание, общественная форма труда и возможности управления им. Хотя К. Маркс и касается отчуждения труда, определяемого его 'содержанием[5], его в первую очередь интересует отчуждение труда, определяемое его характером.

В связи с этим, на наш взгляд, неправомерно, ссылаясь на положение К. Маркса о том, что «определенное содержание (иль цель), а потому и определенный вид труда касаются нас... так же мало, как мало при анализе товара нас касались его

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 444.

[2] Там же. С. 440, 442, 451; Т. 47. С. 39, 122.

[3] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 442, 451; Т. 48. С. 152—153.

[4] Там же. Т. 48. С. 97.

[5] Так, безразличие работника к содержанию своего труда К. Маркс выделяет в качестве одного из основных отличий подчинения труда капиталу (даже и формального) от докапиталистических способов эксплуатации. Причем отчуждение труда, определяемое его содержанием, возрастает по мере превращения формального подчинения труда капиталу в реальное. Так, на фабрике «отпадает последняя самоудовлетворенность рабочего своим трудом, здесь имеет место абсолютное безразличие, обусловленное самой бессодержательностью этого труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 511).

определенное вещество или его определенная потребительная стоимость»[1], делать вывод, будто понятие содержания труда само находится за пределами политической экономии. Оно за пределами лишь «политической экономии капитала». Абстракция от содержания труда — принцип капиталистического способа производства и соответственно «политической экономии капитала». «Это безразличие по отношению к особому содержанию труда является не только такой абстракцией, которую устанавливаем мы, но и такой абстракцией, которую осуществляет капитал и которая существенным образом... относится к характеристике капитала»[2].

Замечание же К. Маркса о том, что «подобно тому как рассмотрение *потребительных стоимостей* товаров как таковых относится к *товароведению*, так рассмотрение процесса труда в его реальности относится к *технологии*»[3], характеризует технологическое содержание труда, которое действительно не является предметом политической экономии. Нас интересует социальное содержание труда, которое определяет отношение работника к труду. К. Маркс в основном исследует характер труда, которому соответствует классово определенный индивид. «Трудящийся вообще» для него — ненаучная абстракция. За эту абстракцию он справедливо критикует социалистов-утопистов. Игнорирование «трудящегося вообще» как социального типа, соответствующего определенному социальному содержанию труда, — исторически обусловленное следствие капиталистического механизма эксплуатации[4].

Отчуждение работника от процесса труда как проблема мотивации труда, как проблема отношения работника к труду затрагивается очень мало, так как этот аспект отчуждения труда, по мнению К. Маркса, ничего не объясняет в сущности экономических законов капитализма[5]. Отчуждение от процесса труда К. Маркса интересует прежде всего с точки зрения капиталистического механизма принуждения к труду, эксплуатации, получения прибавочной стоимости. В ранних же рабо-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 55.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Только при социализме «трудящийся вообще», трудящийся как таковой без дальнейшей социальной определенности становится реальностью, субъектом трудовых отношений.

[5] На этом основании К. Маркс критически рассматривает положение А. Смита об отчужденном труде, о труде-жертве. «Из смитовской *концепции жертвы*, которая, впрочем, правильно выражает *субъективное отношение наемного рабочего к своей собственной деятельности*, все же не получается ... определения стоимости рабочим временем ... стоимость товаров отнюдь не зависит от ощущений рабочего...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 113).

тах отчуждение интересовало К. Маркса прежде всего с точки зрения его влияния на личность человека, на возможности его развития. Отказ от такого рассмотрения отчуждения труда воспринимается многими, особенно буржуазными марксоведами, как разрыв между гуманизмом молодого К. Маркса и негуманной экономической системой зрелого К. Маркса. В своих зрелых работах он негуманистичен постольку, поскольку рассматривает внутреннюю логику капиталистического производства, поскольку негуманно (вернее, антигуманно) само это производство. Но К. Маркс гуманистичен в выводах об исторической необходимости, объективной обусловленности революционной смены этой антигуманной системы гуманистической, где непосредственной целью производства должно стать всестороннее развитие личности.

Кроме отчуждения рабочего от условий, продукта и процесса труда К. Маркс подробно останавливается на отчуждении обобществленного труда, технологическом отчуждении, отчуждении науки. Он связывает развитие капиталистического отчуждения с тремя ступенями развития самого капиталистического способа производства. Простая кооперация, комбинация (кооперация, основанная на разделении труда, или мануфактура) и фабрика определяют существование специфически капиталистических форм отчуждения: отчуждение от непосредственного производителя производительной силы обобществленного труда, превращение ее в функцию капитала и отчуждение от работника общественной формы этого обобществленного труда, которая противостоит рабочему как бытие капитала[1].

Так, отчуждение работника от простой кооперации как основы любой формы капиталистического обобществления труда проявляется в том, что кооперация не является «делом» самих рабочих, так как осуществляется она не добровольно, а извне — принудительной силой капитала. Кроме того, рабочему чужда возникающая из обобществления труда новая производительная сила[2].

С развитием кооперации от рабочего отчуждается труд по управлению: «Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным»[3].

Следующая ступень отчуждения труда связана с комбинированным трудом: «Совокупный труд как целостность *не* является *делом* отдельного рабочего... комбинированный труд... не представляет собой комбинации ни в смысле свобод-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 312.
[2] Там же. С. 285—294; Т. 23. С. 345.
[3] Там же. Т. 23. С. 342.

ного установления отношений друг к другу совместно работающих индивидов, ни в смысле их господства над их особенными или отдельными функциями и над орудием труда»[1]. Новая форма обобществления труда отнимает у рабочего все больше и больше его общественных трудовых функций. Кроме того, здесь возникает новая форма отчуждения труда, связанная с разделением труда внутри мануфактуры. Напомним, что К. Маркс в качестве общей основы отчуждения труда и раньше выделял разделение труда, но тогда им еще не были четко определены его различные типы.

В рукописях 1861—1863 гг. К. Маркс впервые дает подробный анализ разделения труда, различает два его типа. Какой же тип разделения труда лежит в основе отчуждения? В этом плане существенна определенность индивида, придаваемая ему тем или иным типом разделения труда: общественному разделению труда соответствует «особенный индивид», разделению труда внутри производственной единицы (мануфактуры, фабрики) — «частичный индивид»[2]. «Особенный индивид», сформировавшийся еще до капитализма, с возникновением общественного разделения труда уже лишен всесторонности развития и является субъектом отчужденного труда. «Особенность» индивида резко возрастает при капитализме. Хотя превращение дифференциации хозяйственной деятельности в общественное разделение труда началось еще задолго до капитализма, «прогрессирующее разделение труда *в обществе в целом* становится возможным только при капиталистическом способе производства»[3]. Для «частичного индивида» — односторонне выдрессированной рабочей силы, который формируется при капитализме, отчуждение труда достигает апогея. К. Маркс пишет: «Некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии дается впервые лишь мануфактурным периодом»[4].

Можно условно выделить две основные линии, по которым мануфактурное разделение труда усиливает отчуждение по сравнению с общественным разделением труда. Во-первых, резко возрастает негативное влияние разделения труда на лич-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 460.
[2] Подробнее см.: Агг А. Указ. соч. С. 38.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 12.
[4] Там же. Т. 23. С. 376.

ность работника. «Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований»[1]. Во-вторых, «мануфактурное разделение труда предполагает безусловную власть капиталиста над людьми», тогда как «общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей»[2], т. е. мануфактура как капиталистическая форма производства усиливает отчуждение между людьми (социальное, классовое).

С применением машин возникает новая форма — отчуждение от системы машин, сопровождающееся технологическим подчинением работника, когда он превращается в придаток машины. Отчуждение от системы машин К. Маркс рассматривает как форму отчуждения от условий труда. «С развитием системы машин условия труда все более выступают как силы, господствующие над трудом также и технологически; и в то же время они заменяют труд, угнетают его, делают его излишним в его самостоятельных формах»[3]. Он отмечает, что отчуждение от условий труда только с применением машин становится собственно отчуждением и распространяется не только на совместно используемые условия труда (здания, сооружения и т. д.), как при формальном подчинении труда капиталу, но и на орудия труда. Орудие труда теперь уже не мыслится как собственный орган работника. С применением машин отчуждение работника от условий труда развивается, согласно К. Марксу, в антагонистическое противоречие.

С применением машин также возрастает отчуждение от процесса труда. Труд работника предельно упрощается, превращается в «совсем простой труд, характеризующийся однообразием, бессодержательностью и подчинением машине»[4]. Общее влияние революции в средствах труда на рабочего К. Маркс показал в главе XIII «Машины и крупная промышленность» первого тома «Капитала». Упрощение труда на фабрике — кульминационный этап в развитии отчуждения от процесса труда — обусловливает возможность и необходимость перемены труда, но в негативном плане. Текучесть капитала (безразличие к сфере применения) «предполагает такую же текучесть или *изменчивость* в труде»[5] (безразличие работника к содержанию своего труда). Но работник меняет сферу приложения своих способностей не в зависимости от потребностей собственного развития. Для него важны два

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 373.
[2] Там же. С. 368—369.
[3] Там же. Т. 48. С. 36; Т. 46. Ч. II. С. 205.
[4] Там же. Т. 47. С. 511.
[5] Там же. Т. 49. С. 68.

обстоятельства. Первое — «перемена вида труда интересует его только потому, что каждый особый вид труда требует иного развития рабочей силы»[1]. Второе — он «*принципиально* предрасположен и готов ко всякой перемене своей рабочей силы и своей трудовой деятельности... если она сулит более высокий заработок»[2].

Дальнейшее развитие производительных сил, автоматизация производства делает возможным то, что человек перестает быть субъектом процесса труда (в смысле непосредственного воздействия на предмет труда). Даже односторонний индивид выталкивается из сферы собственно материального труда и становится «рядом» с производственным процессом, выполняя роль его контролера и регулировщика[3].

Как самостоятельную форму К. Маркс рассматривает отчуждение науки. «Наука выступает как *чуждая, враждебная* по отношению к труду и *господствующая* над ним *сила*»[4]. Общим условием отчуждения науки он считает разделение материального и духовного производства, непосредственной причиной — общественную форму труда и соответствующее ей применение науки[5]. Отчуждение науки формируется в полной мере лишь с развитием крупной промышленности, хотя этот процесс начался еще в кооперации.

На предыдущих ступенях истории наука вследствие ограниченного объема знаний и опыта не была отделена от непосредственного труда. Затем «происходит *отделение науки* как *науки, примененной* к производству, от *непосредственного труда*»[6]. Отделение науки от процесса труда, отчуждение работника от научных знаний и их применения характеризует становление науки как непосредственной производительной силы и образует противоречие этого становления. Превращение науки в непосредственную производительную силу означает превращение ее в одно из условий труда.

Поэтому отчуждение от науки, как и отчуждение от машины, К. Маркс сводит к отчуждению от условий труда. Причем отчуждение непосредственного производителя от науки есть необходимая форма ее развития при капитализме. Впрочем, это — частный случай более общего положения: в условиях капитализма отчуждение труда является условием прогресса, формой развития как самого труда (его содержания, характера), так и субъекта труда.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 69.
[2] Там же. С. 89.
[3] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 213.
[4] Там же. Т. 47. С. 555.
[5] Там же. Т. 48. С. 39.
[6] Там же. Т. 47. С. 554.

Процесс отчуждения труда, пишет К. Маркс, «является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания богатства как такового, т. е. создания неограниченных... производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму совершенно так же, как человек должен первоначально в религиозной форме противопоставлять себе свои духовные силы как независимые силы»[1]. Общественное развитие принимает превращенную форму отсутствия развития отдельного вида труда, индивида. Реализация цели системы достигается отрицанием этой цели для каждого элемента системы. В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс дает определение отчуждения, признаваемое классическим: «Более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву»[2].

В результате отчуждения труда личность работника сводится к рабочей силе[3], вернее к особенной рабочей силе. Такое сведение определяется не только способом соединения работника со средствами производства, характеризующегося отделением его от условий труда, но и формой богатства, резюмирующей цель способа производства. В общественной форме богатства при капитализме отсутствует субъектный момент, необходимость развития человека. Вещная форма богатства определяет «господство вещи над личностью, ибо создание потребительных стоимостей во все увеличивающемся объеме, улучшающемся качестве, растущем разнообразии — создание огромного вещного богатства — выступает как такая цель, в достижении которой рабочая сила является лишь средством и которая достигается лишь путем ее собственного превращения в нечто одностороннее и обесчеловеченное»[4].

Сведение личности к персонификации рабочей силы обусловливает, в частности, способы экономии постоянного капитала, а именно экономию на условиях труда[5]. И поскольку труд является лишь средством не только для рабочего (средством получения предметов потребления), но и для капиталиста (средством накопления капитала), то, следовательно, и капита-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 47.

[2] Там же. Т. 26. Ч. II. С. 123.

[3] «Рабочий противостоит вещественному действительному богатству всего лишь как рабочая сила» (Там же. Т. 47. С. 38). «Он является не личностью, которая работает, а активной персонифицированной рабочей силой — рабочим» (Там же. С. 54).

[4] Там же. Т. 48. С. 39—40.

[5] Там же. Т. 23. С. 140.

лист, несмотря на то, что он представляет собой собственника труда, отчужден от труда[1]. Труд не признается в качестве богатства ни тем, ни другим. Вещественность богатства определяет тот факт, что в качестве его всеобщей формы в товарном производстве выступают деньги, а конкретно для каждого из агентов капиталистического производства определенный вид дохода (заработная плата, прибыль, земельная рента).

К. Маркс сравнивает по отчуждающему характеру вещественную форму богатства в условиях товарного производства и натуральную (предметную) форму богатства предшествующих этапов истории[2]. «Каждая форма натурального богатства, пока оно не заменено меновой стоимостью, предполагает существенное отношение индивида к предмету, так что индивид с одной из своих сторон сам овеществляет себя в предмете и его обладание предметом выступает вместе с тем как определенное развитие его индивидуальности; например, богатство в виде овец выступает как развитие индивида в качестве пастуха, богатство в виде зерна — как развитие его в качестве земледельца и т. д. *Деньги же...* отнюдь не предполагают какое-нибудь индивидуальное отношение к своему владельцу; владение ими не есть развитие какой-нибудь из существенных сторон индивидуальности владельца; наоборот, это есть обладание чем-то лишенным индивидуальности...»[3].

Натуральная форма богатства, таким образом, обеспечивала конкретное применение его в определенном виде деятельности, а стало быть, и определенное развитие человека в этой деятельности. В товарном производстве богатство не несет развивающей человека функции. Это — самодовлеющее богатство, богатство «само по себе». Кроме того, в капиталистическом производстве происходит отчуждение непосредственного работника от общественного богатства. Всеобщий закон капи-

---

[1] В зрелых работах К. Маркса отчуждение «первичных» и «вторичных» фигур, как и отчуждение в целом, рассматривается преимущественно с точки зрения отношений собственности, механизма получения прибавочной стоимости. «На стороне капиталиста право собственности диалектически превращается в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоения чужого труда без эквивалента, а на стороне рабочей силы — в обязанность относиться к собственному труду или к своему собственному продукту как к *чужой собственности*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 446). Тогда как в 40-е годы различие положений «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения К. Маркс рассматривал прежде всего как субъектное отношение (возможности развития личности, восприятие отчуждения).

[2] Коммунистическая же форма богатства (богатство потребностей и человеческих отношений, свободное время и т. д.) по сути представляет собой развитие личности работника.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 166.

талистического накопления оборачивается для работника возрастающим обнищанием[1].

Для рабочего реальной формой богатства служит его доход — заработная плата (деньги). Деньги как форма богатства приобретают своеобразную «производительную функцию» — стимула трудового энтузиазма. «Деньги как цель становятся здесь средством всеобщего трудолюбия... Так как целью труда является не какой-нибудь особый продукт, находящийся в особом отношении к особым потребностям индивида, а деньги, богатство в его всеобщей форме, то... трудолюбие индивида не знает никаких границ; оно равнодушно к своей особенности и принимает любую форму, приводящую к цели»[2].

Таким образом, проблему трудовой мотивации при капитализме обеспечивает экономическое принуждение к труду как необходимый атрибут отчужденного труда, инструментом этого принуждения являются деньги, а функция принуждения принадлежит капиталу. Из этого положения К. Маркс делает вывод о том, что «капитал... выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем пришпоривании»[3]. Ясно, что в «пришпоривании» может нуждаться только активная часть производительных сил — человек. Если развитием производительных сил, творческим содержанием труда не сформирована потребность работника в труде как движущий мотив и условие прогресса производства, необходимо принуждение к труду[4].

Выступая против утверждений о том, что отчуждение труда является абсолютной необходимостью для производства[5],

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 116; Т. 23. С. 626—724.

[2] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 169.

[3] Там же. С. 393.

[4] Опыт социалистического развития показывает, что необязательно субъектом принуждения должен выступать капитал. Тем более при наличии известной массовой потребности в труде принуждение при социализме не является единственным методом привлечения к труду. Но ясно также, что при данном уровне развития производительных сил, не сформировавшем потребность в труде как исключительный стимул трудовой активности и предполагающем, следовательно, наличие внешних, принудительных стимулов, капитализм еще не исчерпал своих возможностей, так как одна из его основных функций (принудительное привлечение к труду) остается исторически необходимой.

[5] Так, по мнению К. Маркса, труд не был отчужден в первобытном обществе, так как работник относился к объективным условиям своего труда как к своей собственности, как к «неорганической природе своей субъективности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 473), существовало «природное единство труда с его вещными предпосылками» (Там же. С. 461). Историческими формами отчужденного труда являются рабский, барщинный, наемный труд (Там же. Т. 46. Ч. II. С. 110). Капиталистическое отчуждение труда является лишь крайней формой отчуждения (Там же. Т. 46. Ч. I. С. 508).

К. Маркс, напротив, в качестве предела капиталистического производства называет отчуждение труда[1], ограниченные капиталистическими производственными отношениями возможности для развития личности. «Пределом для *капитала* служит то обстоятельство, что... развитие протекает антагонистично и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид *отчуждает* себя самого; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям *своего собственного,* а как к условиям *чужого богатства* и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистическая форма преходяща и создает реальные условия для своего собственного уничтожения»[2]. Следовательно, отчуждение труда, являясь условием прогресса на определенных этапах истории, затем превращается в его тормоз. Сущностное противоречие отчуждения труда: развитие общества за счет отдельного индивида должно разрешиться, согласно К. Марксу, в такой форме общества, самоцелью которого станет развитие человека. «Развитие способностей рода «*человек*», хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида»[3].

Итак, коммунизм — это строй общества, преодолевающий отчуждение труда. В этом плане возникает по меньшей мере два вопроса. Какую роль, согласно К. Марксу, играет в становлении будущего общества преодоление отчуждения? Является ли оно, как и ранее, критериальным признаком будущего общества?

Отчуждение труда как историческая предпосылка. В этом смысле оно предшествует коммунизму и подготавливает его закономерное возникновение:

со стороны производительных сил. Из комплексного анализа отчуждения труда следует, что оно явилось единственно возможной исторической формой развития труда в экономических системах, основанных на разделении труда. Капитал как отношение, фиксирующее крайнюю форму отчуждения труда, служит последней общественной формой развития производительных сил в рамках отчуждения труда;

со стороны цели будущего общества — формирование гармонично развитой личности. Развитие человека, его трудовых способностей включается в анализ отчуждения труда с точки

---

[1] Такое положение оказалось пророческим, наглядным свидетельством чему служит переживаемый на Западе кризис трудовой мотивации.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 34—35.

[3] Там же. Т. 26. Ч. II. С. 123.

зрения развития производительных сил. В данном же случае человек рассматривается шире. Речь идет о развитии личности, которая не сводится к рабочей силе и принципиально отрицает такое сведение. Этому аспекту позитивного значения, исторической прогрессивности процессов отчуждения труда К. Маркс уделяет особое внимание. «Универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю, являются продуктом не природы, а истории. Та степень и та универсальность развития потенций.., при которых становится возможной *эта* индивидуальность, имеют своей предпосылкой... производство на основе меновых стоимостей, которые вместе со всеобщим отчуждением (Entfremdung) индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей»[1].

Снятие отчуждения труда как основа и условие становления нового общества, обязательный момент нового строя. Основные черты грядущего свободного труда К. Маркс выводит как противоположность черт отчужденного труда. Уничтожение отчуждения труда мыслится им одновременно с уничтожением его причин (различной степени конкретности): разделения труда, товарного производства, двойственного характера труда. В этом плане надо учесть, что в рукописях и «Капитале» К. Маркс в основном рассматривает будущее общество как целостность, т. е. не выделяет его фазы. Труд в будущем обществе он называет свободным трудом, свободной самодеятельностью, определяет его как всеобщий, непосредственно общественный труд[2]. Но уничтожение отчуждения уже не является главным критерием, как в работах 40-х годов. Критерии будущего общества вследствие большей положительной обоснованности коммунизма также приобретают положительную определенность. Не просто снятие отчуждения, уничтожение частной собственности, преодоление стихийности, а характеристики труда, собственности и т. д., которые придут на смену. Отрицательная, антитезисная характеристика конкретизируется на основе практического опыта социалистических движений и теоретического осмысления сущности капиталистического общества. Поэтому снятие отчуждения остается критериальным признаком, но К. Маркс меньше, чем ранее, уделяет внимания констатации этого факта, меньше акцентирует на нем свое внимание и в большей степени занимается обоснованием основных черт грядущего общества.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 105.

[2] Там же. Ч. II. С. 110; Ч. I. С. 115 и др.

* * *

Итак, подведем итоги. Мы не случайно начали анализ с рассмотрения философской традиции. Обращение к марксову анализу отчуждения ставит вопрос: оправдала ли себя предпринятая им конкретизация общефилософского понятия «отчуждение» применительно к экономической жизни общества? Безусловно являясь категорией философской системы, смогло ли «отчуждение» органически войти в систему категорий политической экономии? При поверхностном приближении напрашивается отрицательный ответ: эволюция взглядов К. Маркса на отчуждение показывает, что он отказался от понятия, как только приступил к исследованию сущности капитализма. В действительности, как мы пытались показать, К. Маркс не отказался от категории отчуждения. В «Экономическо-философских рукописях...» универсальное понятие отчуждения включало целый круг отношений, в центре которого стоял отдельный индивид. Напомним эту цепочку отношений: 1) отделение труда (его условий, результата, цели, содержания и т. д.) от отдельного работника; 2) подчинение работника отделившемуся труду; 3) деформирующее влияние такого подчинения на развитие личности работника; 4) отчужденное отношение работника к труду; 5) распредмечивание субъективного отношения работника к труду на деятельность, ее результаты. В своем исследовании К. Маркс шел от поверхностных, эмпирических фактов, а именно от отчужденного отношения работника к труду. Поэтому отчуждение первоначально рассматривалось им преимущественно с этой точки зрения. Но когда К. Маркс попытался отчуждением объяснить возникновение частной собственности, он был вынужден переключить внимание на анализ объективного содержания субъектного отношения отчуждения, так как отчужденное отношение работника к труду само по себе никак не могло служить причиной частной собственности. Более реальной причиной выступало отделение труда (условий, результата) от работника и последующее превращение его в чужую собственность. Поэтому в зрелых работах К. Маркс в основном рассматривает эту проблему, причем включая ее содержание в понятие отчуждения.

На наш взгляд, отделение труда от работника выступает лишь объективным условием отчуждения труда как субъектного отношения. Кроме того, в зрелых работах К. Маркс большое внимание уделял анализу подчинения работника труду, точнее, объективным условиям труда, принявшим форму капитала. Подчинение труда капиталу ставило такие рамки деятельности работника в процессе производства, которые

практически не давали выхода субъективной отчужденности работника, нейтрализовали ее.

Следовательно, в рамках «политической экономии капитала» К. Маркс рассматривал лишь объективное условие отчуждения и первое звено цепочки отчуждения, так как только они существенны в понимании наиболее глубокой основы капиталистического способа производства, закона прибавочной стоимости. Насколько подробно и каким образом К. Маркс хотел рассмотреть остальные звенья в рамках «политической экономии труда», специального учения о наемном труде, неизвестно. Субъектное отношение отчуждения труда он рассматривал в основном в подготовительных рукописях к «Капиталу», где исследовались проблемы не только «политической экономии капитала», но и «политической экономии труда». Меньше всего К. Маркс использовал понятие отчуждения в самом «Капитале», сознательно исключая, на наш взгляд, отчуждение из систематизированной работы по «политической экономии капитала».

Что касается субъектного отношения отчуждения, то в подготовительных рукописях к «Капиталу» наименее разработанной оказалась проблема распредмечивания субъективного отношения работника к труду на деятельность, так как в эпоху современного К. Марксу капитализма не было условий для практической реализации отчужденного отношения работника к труду, оно не «работало». Это было обусловлено ограниченностью «поля свободы» отдельного индивида, относительной независимостью развития общественного производства от его деятельности.

Переходя к вопросу об отчуждении при социализме, следует отметить, что отношения собственности определяют деятельность прежде всего через субъективную форму отношения человека к труду. Поэтому во весь рост встает проблема трудовой мотивации. Следовательно, необходимо восстановить всю цепочку отношения отчуждения. В этом плане нельзя не учитывать анализа отчуждения в ранних работах К. Маркса. Исходя из него, следует конкретно-исторически рассмотреть весь механизм воспроизводства отчуждения. Работы К. Маркса не только дают большой материал для анализа отчуждения труда при капитализме, но и содержат основные положения теории отчуждения труда в докапиталистических формациях и, наконец, убедительно обосновывают цель нашего движения по пути преодоления отчуждения труда.

III

ГЕНЕЗИС ОТЧУЖДЕНИЯ ТРУДА: ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ

В мировой общественной мысли издавна соперничают три основных линии объяснения исторического процесса, логики развития человека в истории.

Первая рассматривает человека как существо, изначально и безысходно несвободное: меняются лишь исторические формы этой несвободы, но вырваться из нее совсем человек не может. Эта пессимистическая традиция, берущая начало в религиозных учениях о предопределении, принимает в XX в. научную, даже «марксистскую» форму в работах Т. Адорно, Г. Маркузе, раннего Д. Лукача. «...Уже в сущности человека заложено «отчуждение», — отмечал Г. Маркузе[1]. «Сущность отчуждения есть альтернатива, которой неизбежно противостоит другая — альтернатива господства», — дополняет Т. Адорно[2].

Вторая исходит из изначальной не-свободы человека как отправного пункта длительного процесса его освобождения. В наиболее законченной форме она содержится в учении А. Сен-Симона и его последователей. «При господстве грубого фатализма, каким его мыслила древность, человек, существо пассивное по отношению к событиям, был влеком против своей воли, ничего не предвидя, ничего не понимая, толкаемый слепой, не поддающейся учету силой, к участи, возбуждавшей в его душе только чувство страха и отвращения; он просил без надежды, он сеял неуверенной рукой и не смея ожидать чего-либо от своих усилий»[3]. Процесс освобождения человечества сен-симонисты представляли в виде двух взаимо-

---

[1] Цит. по: Социальная философия Франкфуртской школы (критические очерки). М.: Мысль, 1975. С. 106.

[2] Цит. по: Социальная философия Франкфуртской школы. С. 108.

[3] Изложение учения Сен-Симона. М.—Л.: Наука, 1957. С. 159.

связанных сторон: развития личности, включая рост научного знания, освобождающего человека от власти неведомых ему прежде законов, и последовательного смягчения форм социальной организации, постепенного освобождения человека-производителя в обществе.

Третья может быть названа линией «Золотого века». Это восходящее к народному утопическому сознанию представление о существовавшем изначально царстве свободы и счастья, которое было разрушено поступательным развитием цивилизации. Наиболее известным из представителей этого течения был, пожалуй, Ж. Ж. Руссо. Вот его слова: «Пока люди довольствовались сельскими хижинами, пока они шили себе одежды из звериных шкур... украшали себя перьями или раковинами... улучшали свои луки и стрелы, выдалбливали острыми камнями немудрящие рыбачьи лодки, — словом, пока они выполняли лишь те работы, которые были под силу одному, разрабатывали лишь такие искусства, которые не требовали сотрудничества многих людей, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми. Но с той минуты, как человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд и обширные леса превратились в веселые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом и на которых вскоре взошли и расцвели вместе с посевами рабство и нищета»[1].

Правда, Руссо считал, что «Золотой век» ушел безвозвратно: пора беззаботного детства и счастливой молодости человечества миновала, и все, что оно может сделать — это отсрочить наступление своей старости[2]. Большим оптимистом был другой великий француз, Ш. Фурье, полагавший исторической закономерностью возвращение к свободному состоянию, но на новом, качественно отличном уровне[3].

1. Община: общество до отчуждения

Сегодня в нашем распоряжении достаточно фактов, собранных археологией, этнографией, палеоэкологией и палеопсихологией, чтобы составить реальную картину положения человека в первых исторических формах производства.

---

[1] Цит. по: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М.: Наука, 1977. С. 189—190.

[2] Там же. С. 189.

[3] Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М.: ОГИЗ, 1938.

Первичная формация, по К. Марксу, основана на природном единстве труда с его внешними предпосылками. Основными характеристиками производительных сил обществ первичной формации являются: господство натурального, непосредственно привязанного к природе производства и «ручной» технологический способ производства (способ труда)[1]. Они определяют технологическое и социальное содержание труда производителей.

Специфика натурального производства определяется тем, что оно составляет первый шаг выделения человечества из природы. Первоначально круг произвольно используемых человечеством природных сил ограничивается по преимуществу биологической формой движения материи, в которую человек вовлечен уже сообразно своей животной природе. Выделившись из природы, человек сохраняет и чисто природное, биологическое к ней отношение, будучи звеном круговорота веществ, составляющего воспроизводственный механизм биосферы.

Видами производственного использования биологической формы движения материи являются собирательство, охота и рыболовство, а на более поздней стадии — также земледелие и животноводство. На протяжении всей первичной формации эти формы производства в определенном сочетании друг с другом образуют материальный базис ее существования.

Во всех формах натурального производства в основе лежит естественный процесс воспроизведения природой самое себя, кругооборот веществ, совершающийся прежде всего на биологическом уровне[2]. Как отмечают советские исследователи, «пока производство было привязано к природному базису и подчинено природным циклам, действующие в биосфере механизмы саморегуляции восстанавливали нарушенные звенья биогенного круговорота» без вмешательства человека[3]. Этот независимый от производителя, «внешний» для него процесс естественного воспроизводства пищевых ресурсов, разумеется, всегда должен дополняться его трудовой деятельностью. Но ее роль ограниченна. Даже в земледелии, где доля трудовых усилий наиболее весома, человек выступает «скорее лишь

[1] Волков Г. Н. Указ. соч. С. 43.

[2] «Растительные и животные вещества воспроизводят себя сами...». Условие производства в сельском хозяйстве «возмещается... посредством *собственного* (растительного или животного) *воспроизводства*, как это имеет место во всей области земледелия и скотоводства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 236, 238).

[3] Ким М. П., Данилова Л. В. Введение. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа / Отв. ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1981. С. 8.

как помощник природного процесса, который им не контролируется»[1].

Время труда составляет поэтому в каждом конкретном процессе лишь часть времени производства. Сам этот факт, не очевидный в охотничье-собирательской экономике, где производитель сталкивается с предметом природы лишь в момент его присвоения, становится наглядным в земледелии, когда весь процесс естественного производства протекает на глазах производителя, обрекая его на вынужденный перерыв в работе: перемену занятия или даже отсутствие занятия[2].

Прерывность труда в любом из видов натурального производства обусловливала комплексный характер хозяйства, сочетающий несколько (или даже все возможные) видов натурального и промышленного производства. В первичной ячейке натурального производства — семье — сосредоточивались функции добычи природных продуктов, их обработки, изготовления орудий, жилища, одежды. Законом натурального производства является поэтому перемена видов деятельности, обогащающая содержание труда работника. Натуральный производитель не успевает «зациклиться» на одной трудовой операции. Это обусловливает разносторонность его личности и рабочей силы (разумеется, в масштабе достигнутого обществом-общиной богатства общественных отношений).

Господство над производителем натуральных, естественных условий его труда и жизни, внешний для человека характер протекания основного процесса его производства выражаются как в природной определенности, так и в неопределенности, случайности процесса и результата такого производства.

Привязанность производства к природному базису накладывает серьезные ограничения на развитие экономики. В отличие от индустриальной стадии производства, когда его условия имеют преимущественно искусственный характер, воспроизводятся обществом и поэтому принципиально не ограничены каким-либо определенным уровнем, в докапиталисти-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 553.

[2] Л. Г. Морган так описывал жизненный цикл охотничьего племени ходеносауни (ирокезов): «В середине зимы эти разбросанные на большом пространстве партии возвращались назад в свои селения для участия в ежегодных торжествах, после чего они предавались празднествам или развлечениям зимней жизни. С весной наступала пора рыбной ловли, тогда на некоторое время им было чем заниматься. Летом снова наступала пора отдыха, который оживлялся лишь советами, религиозными праздниками или военными приключениями.

В этом чередовании занятий протекала жизнь ирокезов в течение года. Смена времен года так же определяла характер их трудов, как и в краях, украшенных земледелием...» (Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М.: Наука, 1983. С. 183).

ческих, и прежде всего в первобытнообщинной, формациях развитие данному отношению к природе.

Производительность труда в земледелии, пишет К. Маркс, покоится на базисе, данном природой, в то время как в промышленности — на искусственном базисе. Первый носит фиксированный, второй — мимолетный характер[1].

В таком состоянии «отдельный индивид или же индивид, естественно или исторически расширившийся до пределов семьи и рода (позднее — общины), непосредственно воспроизводит себя из природы, и его призводительная деятельность и его участие в производстве привязаны к определенной форме труда и продукта»[2]. Масштаб и ассортимент получаемого продукта определяется внешними для производителя естественными факторами.

Поэтому расширение производства в сельском хозяйстве первобытного и раннеклассового общества происходило лишь по мере роста численности самих производителей, дробления общин и завоевания новых хозяйственных территорий, т. е. было в основном экстенсивным. Применительно к отдельной общине оставалось простое воспроизводство.

Господство над производителем природных условий его производства выражается не только в определенности результата, но и в неопределенности, случайности самого процесса производительного присвоения сил природы. Субъект не контролирует здесь процесс производства целиком, как в промышленности: внешний характер естественных процессов, к которым «привязано» натуральное производство, обусловливает высокую роль случайности. Естественные условия производства по отношению к производителю носят как бы «текучий» характер, постоянно меняясь и (несмотря на наличие определенной цикличности) никогда полностью не повторяясь. Это лишает процесс труда в натуральном производстве монотонности, которая, казалось бы, неизбежно следует из природной запрограммированности его результата. В содержании труда охотника и даже собирателя появляются элементы творчества, их рабочая сила развивается в процессе трудовой деятельности: приобретается опыт, тренируется быстрота реакции и физическая сила. Своеобразное единоборство с природой не только составляет средство к жизни первобытного человека, но возвышается до ее смысла[3].

Подчиненность человека природе может в зависимости от

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 92.

[2] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 100.

[3] «Охота была страстью краснокожего человека. Она приносила ему радость и пропитание, и ради этого он нередко совершал длительные и утомительные экспедиции...» (Морган Л. Г. Указ. соч. С. 183).

обстоятельств выступать в различных формах. Случай устойчивой адаптации, когда природное и социальное находятся в равновесии с незапамятных времен, — это пигмеи мбути, которые не только не боятся леса, в котором живут, они ощущают себя неотъемлемой его частью. В отличие от них племена примитивных земледельцев бира и леле «живут в постоянном страхе перед лесом, этим враждебным миром, сводящим на нет все их попытки выжить. Они рубят деревья, расчищая землю под поля, но лес тут же начинает опять расти... В своей тяжелой жизни они винят лес — в их представлении это обитель пигмеев и злых духов, а те и другие опасны и их надо умиротворять»[1]. В последнем случае мы имеем дело с неустойчивой адаптацией, неадекватной великому закону монотонного повторения, вечного круговорота — основному закону первобытного общества.

Можно предположить, что случай устойчивой адаптации, когда человек рассматривает общество и природу как единое целое и его усилия направлены на поддержание этого равенства, соответствует нормальному состоянию воспроизводства, общины натуральных производителей, а неустойчивая адаптация является чаще всего результатом вынужденной смены природного окружения. Такого рода «отчуждение от природы», восприятие естественных условий своего производства как изначально враждебных, непредсказуемых, оставляющих человека бессильным перед своей мощью — явление настолько частое, насколько часто община оказывается в качественно новой экологической ситуации. В условиях традиционного типа регулирования общественного производства необходимость его модификации — нечто качественно отличное от модификации хозяйственной деятельности товарного или планомерного типа. Обычай может существовать только в своем неизменном виде. Поэтому отказаться от привычного типа хозяйствования для первобытного человека означает отказаться практически от всей накопленной культуры (накопленной именно в форме обычаев).

Следовательно, для натуральных производителей существует два типа субъективного отношения к природе: «встроенность» в нее как результат многовековой эмпирической адаптации и чувство односторонней зависимости, господства природных сил над собой. Последнее является основой появления иррациональных форм экономического сознания и экономической деятельности — магии и фетишизма. В конечном счете в этом заключен корень происхождения религии.

Если естественные условия производства господствуют над

---

[1] Тернбул К. М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981. С. 110—112.

натуральным производителем, то та минимальная «искусственная среда», которую он успел сформировать, напротив, еще находится полностью в его власти. Поскольку в производственном процессе «базисом самой операции остается человеческое тело»[1], орудия труда за очень немногими исключениями имеют индивидуальный характер. Все они основаны на одном принципе: в качестве двигателя используется мускульная сила самого человека (на позднейшей стадии натурального производства в сочетании с мускульной силой животного).

Этим определяется непосредственное единство работника со своим орудием, господствующее на протяжении всего исторического развития натурального производства и выходящее далеко за его пределы — вплоть до промышленного переворота. Орудие здесь должно подчиняться человеку, быть неорганическим продолжением его тела. Если на фабрике рабочий выступает простым придатком к машине, то при ручном технологическом способе производства орудие является придатком к рабочей силе производителя.

Естественно, что орудие труда в таких условиях должно было соответствовать особенностям применяющего его субъекта. От силы охотника зависела тяжесть копья, от роста собирательницы — длина копалки. Тенденция к индивидуализации орудий труда обусловливалась еще и тем, что «используя ...одно и то же орудие, человек мог все больше и больше приспосабливать его к своим потребностям и совершенствовать»[2]. Орудие труда оказывалось объективно связанным со своим владельцем. Это порождало и субъективную, идеологическую индивидуализацию орудий, их отождествление с носителем[3].

Из приведенных выше характеристик натурального производителя как субъекта производительных сил следует вывод об отсутствии материальной основы отчуждения его труда как деятельности. В первобытных и крестьянских общинах труд, как правило, рассматривается как нормальное проявление жизнедеятельности человека, реализация личности мыслится только в труде[4].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 335.

[2] Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 66.

[3] Это выражается, в частности, в «персонализации» любимых орудий, наделении их именами собственными и т. п. М. М. Ковалевский отмечал «обычай сжигать на могиле покойного принадлежавшие ему одежду и оружие» (Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. I. М.: ОГИЗ, 1939. С. 30).

[4] В африканской общине, отмечает И. В. Следзевский, «отсутствует представление о труде вообще или о труде как об основном богатстве общества,

Весь процесс общественного развития представляет собой развитие человека-работника, прогрессирующее обогащение его труда элементами творчества.

Однако неправильно представлять этот процесс как монотонное движение от полностью репродуктивного, животного труда к труду специфически человеческому, творческому. Такое представление будет правильным только по отношению к обществу в целом, но не к отдельному человеку. Действительно, результат деятельности первобытного охотника не обладал новизной для общества: напротив, оно было построено на принципе неизменности этого результата. Но для самого охотника полная неожиданностей и трудностей охота представляла поле развития его физических и интеллектуальных сил: напряженная борьба с природой делала его труд творческим.

На первых стадиях развития общества решающую роль в производстве играют природные, естественные условия. Они и определяют характер распредмечивания. Замечено, что разнообразие природной среды и ее постоянное изменение приводят к тому, что живущие в этих условиях племена развиваются быстрее, чем те, природное окружение которых однообразно и неподвижно.

По мере возрастания в средствах производства доли искусственной среды, природная непредсказуемость, текучесть условий производства снижается, и труд непосредственных производителей (принимая во внимание отсутствие выделившейся в особую сферу деятельности науки) становится все более монотонным, не развивающим их, а сводящимся для них к простой затрате сил. Труд подсечно-огневого земледельца более монотонен, чем труд охотника, а труд ирригационного земледельца — более монотонен, чем труд подсечно-огневого.

К. Маркс отмечал, что «труд крестьянина имеет умственный характер в большей степени, чем труд рабочего мануфактуры, подчиненного разделению труда»[1]. Качественное отличие крестьянского труда как высшей формы труда в натуральном производстве от труда промышленного состоит в самостоятельном определении порядка и продолжительности производственных операций, возможности частой перемены труда и целесообразности каждого действия для самого тру-

---

всеобщем источнике благ и ценностей. В традиционном представлении труд — это определенное и полезное для коллектива занятие, конкретная работа, дело, нормальное проявление жизнедеятельности человека в соответствии с его природными, естественными особенностями и ролью в коллективе» (Община в Африке: проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 101).

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 253.

женика: в узких, продиктованных природой рамках он настоящий хозяин процесса своего труда.

Как отмечают современные исследователи, крестьянин «сам контролирует свой трудовой процесс, ставит перед собой задачи и принимает решения, определяет свой рабочий ритм»[1]. Деревенские жители «нередко возвращались к крестьянскому труду, поработав где-нибудь в городе, например, на мелкой фабрике, потому что их раздражала монотонность, однообразие такой работы, требующей постоянной сосредоточенности в течение всего рабочего дня. Труд крестьянина качественно определен, каждый его рабочий день подчинен решению строго определенной задачи, например высадке риса. Удовлетворение приносит решение задачи (а не просто окончание рабочего дня), причем задачи эти, трудовые операции крестьянина ограничены по времени — например, временем страды»[2].

Когда мы говорим об отсутствии материальной базы отчуждения труда как деятельности на этапе натурального производства, мы исходим из конкретно-исторической определенности субъекта производства. Совокупность конкретных видов труда и трудовых операций в натуральном производстве реализует лишь те способности и потребности человека, которые могут сформироваться на такой бедной социальной основе. Нелепо было бы предполагать, что наш современник, поставленный в первобытные условия жизни, будет развиваться как личность и не почувствует ограниченности своего способа деятельности.

Но это не означает, что любое прогрессивное развитие производства автоматически означает и развитие субъекта труда.

Достигнутый на заре человеческой истории высокий уровень содержательности труда для основной массы работников долгое время остается непревзойденным, а воспоминания о нем служат почвой для легенд о «Золотом веке».

Социально-экономическая сущность общины и характер труда общинников. Натуральное производство в силу естественной случайности своего результата, слабой корреляции его с затратами труда производителей порождает необходимость социальной компенсации этой природной случайности. Между однородными натуральными производителями возникает отношение взаимной помощи — обмена однородной деятельностью с целью взаимного страхования. Община натуральных

---

[1] Вопросы типологии крестьянских обществ Азии. М.: ИНИОН АН СССР, 1980. С. 87.

[2] Там же.

производителей как раз и образуется системой отношений взаимной помощи[1].

Отношение взаимной помощи натуральных производителей, будучи необходимым условием их воспроизводства, обусловливает существование единой цели их производства, общинного экономического интереса. Природная случайность непосредственного производства может быть погашена только в рамках той сравнительно большой общности, которую представляет собой община. Поэтому каждый общинник объективно заинтересован в воспроизводстве всех членов общины в той же мере, в какой в своем собственном: «Экономической целью является... *воспроизводство индивида* в тех определенных отношениях его к общине, в которых он образует ее базис»[2].

Реальное единство личного и общинного интересов на протяжении тысячелетий развития общинного строя проявляется в различных формах: от присущего первобытному мышлению отождествления себя с общиной[3] до относительно рациональной оценки выгод и недостатков своего положения крестьянином позднего средневековья. Общим, однако, является то, что (за исключением разлагающейся, подорванной товарным отношением общины) общинники работают «на общество» так же, как и непосредственно на себя. Взаимность (хотя и принципиальная безвозмездность) родовой или соседской помощи, персональный характер всех производственных отношений в рамках общины приводит к тому, что общинник, отдавая другим излишки охотничьей добычи или участвуя в коллективной постройке новой избы соседу-погорельцу, не испытывает чувства, что его продукт и труд «уходят на сторону».

Экономическая однородность труда общинников представляет предпосылку возникновения отношения взаимной помощи. В процессе функционирования этого отношения она воплощается в социально-экономическом равенстве членов общины: равенстве их по отношению к общинной собственности. В общине, писал К. Маркс, «индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и как члены того или иного коллектива... которые в то же время трудятся»[4].

---

[1] Подробнее см.: Кузьминов Я. И. Натуральное хозяйство и социально-экономическая сущность первобытной общины // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1983. № 4. С. 30—39.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 472—473.

[3] Нерасчлененность общественного (группового) и индивидуального сознания в той или иной степени сохраняется до последних этапов развития первобытной формации (Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени / Отв. ред. Ю. К. Плетников. М.: Наука, 1983. С. 341).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 462.

Характеристика человека как собственника определенной формы богатства означает, что он распоряжается этим богатством в своих интересах. Реальный собственник при этом не обязательно лично распоряжается своим богатством: он может передать функцию конкретного управления другому лицу при условии, что он располагает возможностью эффективно контролировать действия последнего, обеспечивать их соответствие своим интересам.

На примере первобытнообщинного строя хорошо видна несводимость отношения собственности к отношению конкретного, личного управления, осуществления своей воли. Дело в том, что в условиях натурального производства механизм регулирования основных производственных пропорций, равно как и механизм распределения, в подавляющей части основан на точном следовании обычаю, слепом повторении унаследованных от предков правил. На долю сознательного управления, проявления воли агента производства остается очень немного. Но поскольку закрепленные обычаем формы распоряжения богатством общины отвечают общему интересу ее членов — обеспечивают воспроизводство общины, — собственность общинников вполне реализуется.

Поэтому пока степень свободы, предоставляемой человеку его материальными производительными силами, мала, проблема распоряжения общественным богатством и контроля над таким распоряжением разрешается довольно легко.

Содержание труда первобытных общинников и возможность участия в управлении. Природная определенность натурального производства предполагает всеобщность труда в основном (пищевом) производстве, что объективно ставит всех производителей в равные условия по отношению к свободному времени: им располагает каждый уже в силу естественной прерывности природного производительного цикла. Тем самым создается возможность участия каждого члена общины в решении имеющих для него значение вопросов жизни общины.

Встает, однако, вопрос: насколько в условиях господства традиционного регулирования был дееспособен отдельный человек? Насколько вообще можно говорить о нем как о реальном собственнике? Например, Б. А. Рыбаков высказал мнение, что «позади феодализма был не золотой век равенства, а первобытность с ее принудительным общим трудом, с полным бесправием всех членов рода...»[1] Такая точка зрения

[1] Рыбаков Б. А. О двух культурах древнего феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970. С. 25. Аналогичную точку зрения, согласно которой «в глубинах первобытнообщинного строя человек был еще более порабощен, чем при рабовладельческом строе», выдвинул Г. Ф. Салтыков (Традиция,

фактически противопоставляет собственность общины в целом отсутствию таковой у отдельного общинника, утверждает представление о воле общины как о чем-то внешнем для каждого ее члена, навязанном ему.

Соотношение в общине способов производства материальных благ и самого человека уникально и не встречается более в истории. На всем протяжении развития общинного строя можно говорить о совпадении способов производства-потребления I и II рода. В условиях общинного строя первичной ячейкой и того, и другого является семья. Человек формировался в той же социальной среде, в которую он входил как производитель. Это сводило к нулю потенциальную возможность «расстыковки» способностей и потребностей общинника и реального содержания его труда и потребления: последнее совпадало с его запросами и полностью реализовало потенциал его личности и рабочей силы. Все, к чему стремился общинник, пока его потребности не выходили за рамки сформировавшихся здесь же, в общине, он мог достигнуть своим трудом, своими усилиями. Потребность в самоутверждении, престиже стимулировала трудовые усилия общинника, он отчетливо сознавал, что ее удовлетворение зависит от него самого. Первобытное общество, да и община классовых обществ (пока она не подорвана извне) не знает проблемы трудовой мотивации.

Как показывают исследования этнографов, удовлетворенность трудом и своим местом в производстве у членов общины находится на высоком уровне. Современные данные подтверждают наблюдение классика этнографической науки Л. Г. Моргана: «...ирокезы проводили дни, испытывая полноту счастья, которое могли дать эти интересы, и удовлетворение, проистекавшее из незнания более высоких целей»[1].

Первобытнообщинному способу производства присуще парадоксальное на первый взгляд свойство: община в целом не развивается, ее экономическим законом является простое воспроизводство[2], а каждый отдельный человек, член этой общины развивается, обогащаются его личность и рабочая сила.

механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая / Отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, 1972. С. 6.). Также см.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. С. 217—218.

[1] Морган Л. Г. Указ. соч. С. 183.

[2] Объективное историческое развитие первобытнообщинного способа производства стимулируется внешними по отношению к социально-экономической структуре самой общины причинами: как природными (изменение естественных условий хозяйствования), так и социальными («уплотнение» хозяйственной территории и модификация социальных структур в результате роста народонаселения).

Дело в том, что перед первобытным общинником в силу отсутствия общественного разделения труда открыто все богатство реально существующих общественных отношений — он непосредственный участник всех видов социальной деятельности — в каких-то из них он может выглядеть лучше, в каких-то хуже других, в каких-то вообще остается безучастным, но нет таких, к которым он оставался бы на протяжении своей социальной жизни не допущен[1].

Мы привыкли к специализированным видам деятельности, воспитаны экономическим строем общества, который воспел А. Смит, и нам трудно представить себе общество, в котором нет не только разделения на управляющих и «послушный им народ», но и, скажем, на исполнителей и зрителей танца.

Богатство общественных отношений первобытной общины, ничтожное по сравнению с любой цивилизацией, было все же достаточным для того, чтобы отдельный человек не чувствовал себя ограниченным со стороны общества, чтобы он постепенно вбирал в себя все это богатство, переходя из одной возрастной группы в другую, развиваясь в ней и достигая совершенства признания своих способностей. В мире общины имелись и свои «человеческие вершины», достигнуть и превзойти которые означало остаться в свою очередь в памяти последующих поколений. Это исторические и легендарные герои эпоса и мифов. Человек общины недаром выходит победителем из конфликтов с новым, невероятным, неизведанным — сама окружающая общину среда доставляла временами немало неожиданностей, нарушающих заведенный от века ход жизни. И по мере того, как все большее влияние друг на друга начинали оказывать человеческие общности, природные катаклизмы стали замещаться набегами враждебных племен и контактами с иноземцами, вероятность столкновения с новым, а значит и возможность выделиться, становилась все более реальной. Эпоха «военной демократии» — высшая стадия развития первобытнообщинных отношений дает зафиксированные многими очевидцами образцы свободного человека.

Содержание деятельности первобытных людей свидетельствует о значительной доле в ней творческой, развивающей человека деятельности: это показывает и высокое развитие первобытного искусства, мифологии, поражающих даже совре-

---

[1] «Родовой строй в сравнении с рабовладельческим и феодальным был низшей ступенью развития. Но в то же время при нем было больше возможностей для формирования личности, чем в условиях классовых обществ для представителей угнетенных классов», — справедливо пишет В. А. Анучин (Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. С. 85).

менного человека своим совершенством[1]. Сущность человека, по определению К. Маркса, образована системой его общественных отношений. То, что без сомнения покажется ограниченным для нашего современника, представляло собой максимально доступную степень свободы для родоплеменного человека. Дикарь, отмечал К. Маркс, чувствует себя в своей пещере, как рыба в воде[2].

Первобытный коммунизм неправильно рассматривать как вынужденный, навязанный человеку внешними обстоятельствами. Он вполне отвечал содержанию труда первобытного человека и его отношению к этому труду как к самоценности, а не только как к средству: «В повседневной жизни африканцы проявляют значительную изобретательность, а судя по тому, что душевные заболевания весьма редки, члены традиционных обществ больше удовлетворены жизнью, чем многие другие», — пишет К. Тернбул[3].

Ограниченная многочисленными обычаями и табу свобода воли первобытных людей, насколько можно судить по данным многочисленных этнографо-психологических обследований, представляется им самим ничуть не меньшей, нежели для современного человека — свобода его в рамках закрепленных в законах и морали общественных норм[4].

Механизм реализации общинной собственности как отношения социально-экономического равенства ее членов в подавляющем большинстве случаев предусматривает более или менее явное выделение функций управления и носителя этой функции — вожака, старейшину, вождя. Но выделение функции непосредственного управления само по себе не может подорвать социально-экономического равенства общинников.

Выделение общинного руководителя не означает, что остальные тем самым передают ему свои социальные права. Он постоянно находится под их действенным контролем. Возможность такого контроля создается ограниченными масштабами социального организма общины и в силу этого — наглядности, ясности любого вида хозяйственной деятельности. В общине, отмечают этнографы, социальное знание однород-

---

[1] «...В некоторых отношениях, особенно в моральном и художественном, эта система отнюдь не бедна. Более того, именно тяжелый жизненный опыт, казалось, придавал этому обществу какую-то внутреннюю энергию и творческие силы, находившие выражение в прекрасном искусстве... Похоже, что, сознавая пределы возможного или, точнее, дозволенного, народ искал выход для своих творческих сил в рамках контролируемой свободы, создавая красивые танцы и экспериментируя в области скульптуры» (Дэвидсон Б. Африканцы. М.: Наука, 1975. С. 50).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 137.

[3] Тернбул К. М. Указ. соч. С. 21.

[4] Scale and social organization. Oslo, 1978. P. 58.

но: все знают все о всех. Основа экономической жизни общины — образующая ее сеть взаимных обязательств и прав — постоянно находится в центре внимания каждого общинника и, как правило, оформлена в качестве обычая. Поскольку важнейшие социально-экономические решения очень жестко закреплены обычаем, вождь может только искать конкретные «технико-экономические» пути их достижения и обеспечения[1].

«Сила традиционной системы в том и состоит, что, пока продолжают действовать нормы обычного права, порядок в общине поддерживается и контролируется не только и не столько официальными представлениями власти, сколько общиной в целом — сородичами... соседями, старшими товарищами по мужскому дому», — замечает С. А. Маретина[2]. К. Маркс, конспектируя книгу Л. Моргана, отметил, что на родовом строе основано личное управление[3], при котором выражающая существо формы собственности функция социального управления принадлежит каждому и осуществляется лично им.

Разумеется, в силу ограниченности кругозора производителей общественный контроль в общине может осуществляться лишь в рамках господства традиционно-эмпирического регулятора общественного производства. Как только по мере расширения масштабов общины традиционное регулирование начинает в возрастающей степени замещаться управлением сверху, возможность непосредственного контроля общинников над их социально-экономическими отношениями начинает ослабевать, реальный контроль замещается фикцией контроля, реальная собственность — сохранением пустой формы такой собственности.

С переходом к большесемейной земледельческой общине происходят крупные изменения и в содержании труда общинников. По мере того, как происходит развитие агрикультуры, земледелие начинает служить все более стабильным источником пищевого продукта, в связи с чем в некоторых регионах постепенно отпадает необходимость в его дополнении другими отраслями — охотой, рыболовством, и, наконец, на стадии

---

[1] Как отмечает М. Лиф, в рамках традиционного типа регулирования существуют две системы: сферы религии и общественных отношений предоставляют очень малую возможность выбора поведения, сфера же непосредственного производства — большую по сравнению с первой (Leaf M. J. Peasant motivation, ecology and economy in Punjab // Contributions to Asian studies. Vol. 3. Leiden, 1973. P. 40—50).

[2] Маретина С. А. Особенности социальной организации мотыжных земледельцев Северо-Восточной Индии // Ранние земледельцы. М.: Наука, 1979. С. 15.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 290.

ирригационного земледелия оно превращается в единственную конкретную форму основного производства[1]. Это в свою очередь приводит к отмиранию комплексного характера труда общинников, к определенному сужению сферы перемены труда. Недаром конец «Золотого века» в мифологии многих народов так или иначе связан с возникновением земледелия[2].

При этом в тех местностях, где природные условия представляют возможность снимать несколько урожаев в год, т. е. обеспечивают непрерывность земледельческого цикла, у рядового общинника не хватает времени нередко даже на изготовление наиболее сложных орудий своего труда, не говоря уже об активном участии в социальной жизни общины. Это стимулирует разделение общественного (общинного) труда, выделение полупрофессиональных и профессиональных ремесленников и старейшин-жрецов, профессии которых начинают с течением времени приобретать наследственный характер. Утрата комплексности труда, таким образом, подрывает его экономическую однородность, ведет к становлению классового неравенства. Вместе с тем уже в рамках общины возникают материальные условия для отчуждения трудовой деятельности ее членов: система наследования профессий начинает ставить препятствия реализации личности производителей.

Таким был путь становления антагонистического общества в колыбели цивилизации — Мессопотамии и Передней Азии, а отчасти также в Древнем Египте. Классообразование в других регионах происходило позднее и во многих случаях под влиянием уже возникших очагов классового общества. Поэтому община в этих регионах в большей степени, чем на Ближнем Востоке, сохранила свой первозданно коммунистический характер, хотя и оказалась включена в качестве подчиненного, эксплуатируемого элемента в антагонистические способы производства.

2. От раба до мастера: работник в отрыве от общины

Внутренняя структура общинного способа производства не создает необходимости саморазвития. В роли движущих сил прогресса в начальный период человеческой истории выступают исключительно внешние по отношению к общине причины. Но если вначале это исключительно естественные

---

[1] Это вызывается еще и тем, что прогрессирующее преобразование человеком природы в областях ирригационного земледелия во многих случаях просто уничтожает саму возможность таких видов хозяйства.

[2] Дэвидсон Б. Указ. соч. С. 24.

причины (включая сюда и нарушение равновесия с окружающей средой вследствие роста населения), то с возникновением социального разделения труда и выделением носителей власти в класс эксплуататоров возникает постоянный источник принуждения общинников к прибавочному труду, к росту производимого продукта, носящий уже не спорадический характер, а более или менее постоянно действующий в сторону развития производства.

Однако паразитическая эксплуатация, имеющая своей основой сохранение общины в качестве способа производства, ограничена и в количественном, и прежде всего в качественном отношении возможностями общины. В той мере, в которой потребности господствующего класса выходят за пределы «грубых потребностей» рядового общинника не только в количественном[1], но и в качественном отношении, для их удовлетворения эксплуататору становится необходимо вторгаться в организацию непосредственного процесса производства, который до этого совершается как бы сама собой и действует с постоянством естественного фактора.

Пока производство непосредственно соединено с потреблением, номенклатура продукта, выжимаемого с помощью принуждения из хозяйства непосредственного производителя, ограничивается традиционными потребностями воспроизводства последнего. Какова бы ни была степень юридической зависимости непосредственного производителя, пока он воспроизводит себя самостоятельно в рамках общины, он остается реальным экономическим собственником своих средств производства. Узурпация функции социального управления господствующим классом в таких условиях носит формальный характер. Для реального отрыва функции социального управления трудом от непосредственного производителя необходимо разорвать общинную связь между такими производителями как натурально-хозяйственную основу непосредственной сращенности производства и потребления.

Исторически первой формой такого разрыва выступает рабовладельческий способ производства. В зависимости от конкретных исторических условий он может принимать различные формы — от классического античного рабства до более слабых форм зависимости, предусматривающих частичную

---

[1] Если потребности и возможности их удовлетворения у эксплуататора и эксплуатируемого различаются лишь количественно, как, например, у народов Севера в начале XX в., то в строгом смысле слова нельзя вообще говорить о различии потребностей. Лишь на достаточно продвинутой стадии разложения первобытнообщинных отношений количественные изменения в потреблении протоэксплуататоров переходят в качественные, формируя отличный от традиционного стереотип потребления.

самостоятельность работника. Общим, однако, выступает то, что эксплуататор берет на себя организацию производства, т. е. присваивает функцию управления трудом работников. Собственность эксплуататора приобретает реальный характер.

Господство реальной собственности эксплуататора формирует базу антагонистической формы общественного прогресса, составляющего объективное историческое содержание вторичной формации, включающей, таким образом, и капиталистический способ производства. Не юридическая фикция собственности феодала на общинную землю, азиатского деспота на всю землю, служащие титулом на получение дохода, — эти формы по существу еще принадлежат первичной формации, а лишь реально-экономическая собственность рабовладельца и крепостника, связанная с узурпацией функции социального и технологического управления производством, позволяет господствующему классу контролировать номенклатуру и ассортимент продукта и направлять развитие производства сообразно развитию своих собственных, вырвавшихся за рамки общины потребностей.

Естественно, что развитие потребностей узкой прослойки эксплуататоров было возможно только на базе традиционного сельского хозяйства. Из-за низкой производительности труда в докапиталистической промышленности такая промышленность, отделенная от сельскохозяйственного базиса, могла рассматриваться только как роскошь[1]. Поэтому природа городской промышленности в докапиталистическую эпоху — это обеспечение непроизводительного потребления класса эксплуататоров. И в том случае, если она основана на принципе экспроприации личности непосредственного производителя, и в случае более или менее свободного ремесла непосредственный производитель-ремесленник живет за счет земледельческого населения[2]. Все классы, за счет которых и руками которых совершается прогресс в докапиталистическом мире, — ремесленники (рабы и свободные), купцы и ростовщики — существуют за счет производных форм дохода класса, господствующего над общинами сельскохозяйственных производителей[3].

Поскольку способ труда остается ручным, т. е. нерасчлененным в своем конкретном процессе, оторвать функцию технологического управления от непосредственного производителя возможно только путем экспроприации личности последнего, превращения его в раба. Вырванный из контекста социальных

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 20; Ч. II. С. 115.
[2] Там же. Ч. I. С. 138—139.
[3] Там же. Ч. II. С. 84.

связей и отношений, потерявший в буквальном смысле слова личность человек представляет в этом случае не более чем орудие производства для своего владельца, поскольку сам по себе не работает, потерял трудовую активность и не имеет цели производства, экономического интереса.

Рабовладельческий способ производства нуждается во внесении целесообразности в деятельность непосредственного производителя со стороны. «В условиях рабства работник принадлежит *отдельному особому* собственнику, — подчеркивал К. Маркс, — являясь его рабочей машиной... и поэтому он относится к особому проявлению своей силы, т. е. к своей живой трудовой деятельности, не как субъект»[1]. В классическом виде рабский труд требует участия собственника в конкретном процессе производства как руководителя и надсмотрщика, и поэтому так называемая государственная собственность на рабов является не более чем юридической фикцией: реальным экономическим собственником в каждом случае выступает лицо, непосредственно организующее процесс производства.

К. Маркс неоднократно проводил теоретические параллели между рабом и наемным рабочим, употребляя, в частности, выражение «наемное рабство». Действительно, рабовладельческий способ производства и наиболее приближающаяся к нему форма барщинного труда при феодализме предполагает непосредственное руководство эксплуататора его производством, имеющее, однако, своей ценой потерю содержательности труда непосредственного производителя.

В рабовладельческом способе производства, предполагающем свободное манипулирование оторванным от средств производства и сведенного к средству производства работником, и при барщинном отношении, предполагающем принудительное соединение работников, взятых как одно целое со своими орудиями труда, с главным средством производства — землей, функция организационно-технологического управления трудом находится в руках эксплуататора. В результате открывается возможность интенсификации производства, перевода его в новое качество. В наибольшей степени этому удовлетворяет рабовладельческий способ производства. К нему можно отнести наряду с эргастериями и мелкими мастерскими древности и такие формы, как казенные и дворовые мануфактуры.

При этом, с экономической точки зрения безразлично, имеет ли раб домашнее хозяйство, семью или находится на положении рабочего животного; важно, что весь процесс производства организуется внешним для него образом. Барщин-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 453—454.

ная система значительно более ограничена: во-первых, возможностями крестьянских средств производства, а во-вторых, необходимостью отведения значительной части рабочего времени крестьянина на потребности его традиционного воспроизводства. Однако и при барщине, как показывает опыт истории, возможен новый результат — при условии очень крупных масштабов кооперации работников: свидетельством тому египетские пирамиды, ирригационные сооружения, Великая Китайская стена и др.

Там, где эксплуататор в большей степени принимает активное участие в производстве, а в меньшей степени выступает просто как паразитический нарост на теле общины, там достигаются прогрессивные результаты. При этом класс эксплуататоров может разделяться на два сословия, одно из которых непосредственно осуществляет функцию организационно-технологического управления производством (владельцы мастерских, эргастериев и пр.), а второе, не принимая непосредственного участия в организации производства, монополизировало духовное производство и, взятое как целое, осуществляло социальное управление развитием производства путем формирования новых потребностей.

Преимущества рабовладельческого способа производства состоят для собственника раба в умножении его собственной рабочей силы, тем большей, чем большим числом рабов он располагает. Поэтому в полной мере они реализуются лишь в крупномасштабном применении рабского труда.

Рабовладельческий способ производства непосредственно вырастает из патриархального рабства в большесемейных общинах. Если на низком уровне производительных сил пленник мог либо уничтожаться, либо включаться в состав захватившей его общины, то по мере роста продукта, получаемого от одного человека, открывается возможность его эксплуатации.

При этом индивид, захваченный в плен, становился рабом через своеобразный ритуал сервилизации: подвергаясь клеймению и подчеркнуто насильственному обращению, он в ряде случаев затем получал новое имя, символизировавшее полный разрыв его со старой социальной общностью. Как отмечает Ж. Базен, место индивида в социальной иерархии рабовладельческого общества устанавливается внешним, принудительным для него образом[1]. Поэтому психологический барьер здесь, как и при всяком переходе личности из одной системы социальных отношений в другую, является существенным фактором, от которого нельзя абстрагироваться.

---

[1] L'exclavage en Afrique précoloniale. Dix-sept études prés. par C. Meilassoux. P., 1975.

Дело в том, что при анализе перехода от одной социально-экономической системы к другой, рассматриваемой не как объективно обусловленный производительными силами неизбежный процесс, а в своей исторической конкретности, определяющее и определяемое как бы меняются местами: объективным, исходно данным предстает не система социально-экономических отношений, в которую включен (и ею сформирован) субъект, а наоборот, его личность, предполагающая определенное содержание и определенный тип побуждения к труду (сформировавшаяся в другой системе производственных отношений), является исходным, объективно данным фактом для той системы производственных отношений, в которую он по своей или не по своей воле оказывается включенным. Объективный характер имеют и возникающие при этом трудности[1].

Поэтому жестокость правового положения раба (как и других эксплуатируемых элементов на основе рабовладельческого способа производства) в древних обществах обусловливается как раз необходимостью психологически сломать, подавить волю недавнего варвара-общинника[2].

В «Капитале» К. Маркс отмечает одно «из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как instrumentum vocale [одаренное речью орудие] от животного как instrumentum semivocale [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от instrumentum mutum [немого орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и con amore [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые

---

[1] Nuerera J. K. Man and Development. Dar-es-Salaam, 1974. P. 33; Kabwegyere T. B. Performance as an incentive in traditional societies / Africa spectrum. Hamburg, 1973. N 1. S. 63—68.

[2] Средневековая дворня отличалась от рабов лишь тем, что эти люди не были пространственно оторваны от своей общины в такой степени, как рабы. Экономической разницы между характером производства и воспроизводства дворни и рабов практически не было. Но степень реального и юридического отчуждения личности в том и другом случаях несравнима. Это объясняется тем, что на более ранней стадии, когда классовое общество еще только зарождается, необходимо гораздо более сильное принуждение, чтобы превратить общинника в «говорящее орудие», чем на стадии давно уже подвергающейся эксплуатации и психологически закабаленной мировой религией — христианством, исламом или буддизмом — общины средневековья.

как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»[1].

Труд раба включает противоречие между формой и содержанием. По форме, по способу использования, по способу соединения раба со средствами производства он сводится лишь к абстрактной затрате физической силы и поэтому требует постоянного надзора и организационно-технологического управления со стороны господина, как если бы последний эксплуатировал животное или мертвое орудие. Но сама сущность раба как человека противодействует такому обращению с ним, что служит постоянным источником социальной напряженности в непосредственном процессе производства.

Рабовладельческий способ производства, предполагающий непосредственное руководство и надзор со стороны эксплуататора, с точки зрения господствующего класса был несравненно менее эффективен, чем паразитическая эксплуатация общины: соотношение результатов и «затрат труда» эксплуататора в последнем случае несравненно выше. Вследствие этого рабовладельческий способ производства в своем чистом виде обнимает лишь те сферы общественного производства, которые выходят за рамки традиционного производства общин, и, как правило, не захватывает сельского хозяйства[2].

«Только рабство сделало возможным в более крупном, масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью», — отмечал Ф. Энгельс[3]. Рабовладельческий способ производства выступал как первое историческое проявление «производства второго яруса», направленного на удовлетворение специфических потребностей эксплуататора.

Но рабству в его предельной форме соответствовало такое положение работника в производстве, которое полностью дегуманизировало его труд и соответственно требовало больших затрат труда со стороны эксплуататора. К тому же из-за крайней степени отчуждения личности работника рабовладельческий способ производства предполагает суженное воспроизводство рабочей силы и поэтому представляет собой односторонне определенный, паразитический способ производства. Однако характер паразитизма рабовладельческого способа производства существенно отличается от паразитизма, присущего феодальному способу производства: если последний основан на одностороннем притоке продуктов из самовоспроизводящихся зависимых общин, то первый — на односто-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 208 (Прим.).

[2] За исключением Рима, где этот захват был обусловлен исторически уникальными обстоятельствами.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 185.

роннем притоке рабов из окружающих варварских общин первобытной периферии[1]. Как только внешние источники пополнения рабочей силы иссякают, рабовладельческий способ производства начинает воспроизводиться на суженной основе.

Все это обусловливает тот исторический факт, что так называемое классическое рабство смогло подчинить себе экономику лишь немногих стран древнего мира, а именно тех, которые сами были односторонне определены, как торговые[2]. Втянутость в широкие товарно-денежные отношения обусловливала, с одной стороны, возможность пополнения рабочей силы, а с другой — вносила в цель производства элемент погони за меновой стоимостью, что снимало всякий предел эксплуатации.

Еще А. Смит показывал, что раб для эксплуататора обходится «дороже» свободного работника, потому что последний сам предусмотрительно следит за своим «износом», тогда как забота о возмещении «износа раба» лежит на «недостаточно внимательном хозяине или нерадивом надсмотрщике»[3]. Предельное отчуждение труда в рабовладельческом способе производства принимает форму отчуждения личности работника. Это проявляется в том, что он лишен свободы выбора не только в труде, но и в потреблении.

Если наемному рабочему его заработная плата представляется ценой всего его труда, отмечал К. Маркс, и, таким образом, весь его труд представляется (хотя и извращенно) в виде труда на себя, то «с рабом дело обстоит не так. Даже та часть труда, которую он выполняет для себя... представляется ему как труд, который он выполняет для рабовладельца...»[4].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 472.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 167—168. «Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, при развитой торговле невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, т. к. *если его... заместить новым рабом... продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность при жизни.* Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: *самая действенная экономия заключается в том,* чтобы выжать из... человеческого скота *возможно бо́льшую массу труда в возможно меньший промежуток времени».* (Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 593). Мы видим, что рабовладельческий способ производства достигает своего предела так же, как и феодальный, только на основе товарного производства, т. е. с выходом за рамки своей основы — общины непосредственных производителей.

[3] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М.—Л.: Государственное соц.-эк. изд-во, 1935. С. 73—74.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 10.

Если отчужденное отношение к своей деятельности у наемных рабочих технологически обусловливалось самим присущим машинному производству способом труда, то рабовладельческий способ производства в своем предельном виде являлся предельно неадекватным ручному «субъектному» способу труда и поэтому господствующим лишь там, где слабая степень разложения патриархально-общинных отношений не давала возможности удовлетворить потребности господствующего класса другим путем, либо там, где при развитом специализированном производстве высока была степень товаризации хозяйства.

На протяжении всей докапиталистической цивилизации рабовладельческий способ производства соседствует на «втором ярусе» общественного производства с производством самостоятельных ремесленников.

Для перехода к специализированному ремесленному производству от комплексного труда, характерного для докапиталистического крестьянина, так же, как и для перехода к рабовладению, необходимо разорвать первичную связь производителя с общиной. История показывает, что далеко не везде этот процесс проходит без принуждения со стороны господствующего класса. На ранних этапах истории, при условии слабого разложения общины товарно-денежными отношениями, правящий класс заинтересован предельно овладеть личностью ремесленников, чтобы насильственно направить их производство на путь специализации. Так, например, в раннеклассовой Сонгайской империи (Африка) члены сервильно-зависимых каст рыбаков и ремесленников юридически объявлялись рабами правящей династии[1].

Как отмечал К. Маркс, первой формой производства «второго яруса» были азиатские города-ставки, население которых жило исключительно за счет войска, т. е. за счет дохода господствующего класса, получаемого от зависимых земледельческих общин[2]. Отношение господствующего класса к ремесленникам и слугам, удовлетворяющим выходящие за рамки традиционных потребности, «несмотря на то, что оно *может*, хотя и не обязательно *должно*, составлять противоположность к рабству и крепостничеству, не имеет ничего общего с наемным трудом»[3]. До складывания торговли между различными племенами и государствами и соответствующего развития в «верхнем слое» экономики древних обществ товарно-денежных отношений преобладающей формой отношения между са-

---

[1] L'exclavage...
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 214—215.
[3] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 457.

мостоятельным ремесленником и заказчиком было натуральное содержание[1].

Если продукт произведен на заказ, «то перед вами некоторая форма ручного труда, совместимая даже с азиатскими отношениями или со средневековыми и т. д.... здесь... имеет место еще некоторое патриархальное отношение, отношение господства и услужения»[2]. Заказчик здесь выступает монополистом, держащим в руках все возможности существования ремесленника. Поэтому функция социального управления трудом часто совмещена с личным отношением господства и подчинения и лишь в некоторых случаях прикрыта видимостью вещного, или возмездного, отношения.

Труд ремесленника, хотя и носит индивидуальный характер, т. е. сохраняет в руках работника функцию организационно-технологического управления, ориентирован на удовлетворение чужих потребностей. Социальное управление его трудом осуществляет потребитель. Если на неразвитой стадии товарного производства потребитель персонифицируется[3], то с его развитием предстает обезличенно, как одна из функций рынка.

Это объясняет тот факт, что при поголовной включенности непосредственных сельскохозяйственных производителей в отношения господства — подчинения производители-специалисты в докапиталистических обществах находятся под гнетом этих отношений далеко не во всех случаях. Степень их личной зависимости определяется, как правило, лишь степенью локализации сбыта их продукции: в древнеазиатских городах-ставках, в системе комплексных крепостнических маноров ремесленники лично зависимы. Однако эту личную зависимость

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 430.

[2] Там же. Ч. I. С. 291.

[3] «Господство меновой стоимости над производством выступает по отношению к отдельному лицу таким образом, что его производство: 1) не руководствуется его потребностью; 2) не удовлетворяет непосредственно его потребность» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 141).

«Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы... должны признавать друг в друге частных собственников» (Там же. Т. 23. С. 94). Непременным условием господства системы товарного производства является буржуазное право. До этого нельзя говорить о товарном отношении как о выступающем в своей адекватной форме: при обмене между феодалом и ремесленником определяющим выступает не соотношение стоимостей товаров, а сила феодала в случае единовременного акта и потребности воспроизводства ремесленника в случае длящегося отношения. Господствует принцип возмездности, а не эквивалентности. Но подобный принцип возмездности существует и в рабовладельческом хозяйстве, где хозяин, чтобы воспроизвести рабочую силу раба, должен снабжать его материальными условиями его деятельности. Товарные отношения поэтому зарождаются очень рано, а достигают своего завершенного, «ставшего» состояния очень поздно.

нельзя отождествлять с рабством, когда работник насильственно соединяется с чуждыми ему средствами производства. Личная зависимость здесь не условие способа производства, а скорее его результат. В противоположность этому развитая торговля в средневековых городах и частично в городах древнего мира порождает широкий круг альтернативных потребителей, что (хотя развитие товарного производства не выходит, как правило, за рамки показанных отношений) имеет следствием личную свободу ремесленников.

Ремесло и соответствующие его развитому состоянию формы купеческого и ростовщического капитала являются неотъемлемой принадлежностью феодальной общественно-экономической формации. Если до возникновения на «втором ярусе» общественного производства, обеспечивающем потребности господствующего класса, развитых товарно-денежных отношений общественный прогресс осуществлялся через рабовладельческий способ производства, то во второй период развития докапиталистических обществ в экономике «второго яруса» складывается относительно широкое общественное разделение труда как в локальном, городском, так и в общемировом масштабе. Роль движущей силы общественного прогресса в материальном производстве переходит к агентам товарного производства — ремесленникам, купцам и ростовщикам. Учитывая то, что как на первом, так и на втором этапе докапиталистической истории базисом «экономики роскоши» служила община непосредственных сельскохозяйственных производителей, по характеру динамических элементов в экономике можно разделить историю докапиталистических классовых обществ на две стадии — рабовладельческую и мелкотоварную городскую.

Ремесленный труд является последним и наиболее развитым из всех социально-экономических форм (способов производства), основанных на ручном способе труда. Последний предполагает ведущую роль личного фактора производства, что при прогрессивном развитии разделения труда и специализации порождает наследование профессий и кастовый строй. Последний определялся К. Марксом как предельная форма промышленного развития в древности[1].

Диалектика развития способа труда и способа производства такова, что если в комплексном сельском хозяйстве общины сращенность производителя со своими средствами производства обеспечивает возможность хозяйственного маневра и перемены труда, то при специализации на базе того же способа труда эта сращенность препятствует переливу труда из одной

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 304, 317.

отрасли в другую, закрепляя тем самым традиционное разделение труда.

«...Хотя обособление, изолирование и развитие ремесел цеховой организации послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда», — писал К. Маркс в «Капитале»[1]. Почему же разделение труда на базисе ремесленного производства не приводило к появлению частичного рабочего? Ведь оно представляло собой специализацию работников на чистом процессе.

Дело в том, что ремесленник продолжает контролировать процесс своего производства, осуществляя функцию технологического управления своим трудом и сохраняя поэтому возможность развивать как процесс производства, так и себя в нем. Ремесленник сам определяет время своего труда, помимо тех случаев, когда внешнее побуждение, будь это конкуренция или прямое насилие, заставляют его работать непрерывно. Но в последних случаях функция свободы творчества, заставлявшая средневековых мастеров гордиться и украшать свое изделие, исчезает, а сам «свободный» работник приобретает взамен функцию надсмотрщика над своим уже отчужденным, представляющим лишь средство к жизни трудом, функцию, осуществляемую лишь усилием воли, насилием над своей личностью. Это определяет заинтересованность средневековых ремесленников в цеховом законодательстве, не допускающем конкуренции между ними, и в освобождении от феодальной власти, гарантирующем от внешнего принуждения.

Цеховая регламентация производства, ограничивая количество выпускаемых товаров и не давая снижать качество изделий, способствовала повышению профессионального мастерства ремесленников. Важнейшей стороной цехового строя выступало и наследование профессии, стройная система вхождения человека в производство и его профессионального роста через этапы: ученик — подмастерье — мастер. Способ производства материальных благ здесь, как и в крестьянской общине, в максимальной степени увязан со способом производства человека-работника.

Цеховый строй до начала своего разложения счастливо сочетал человека-хозяина и человека-творца. Главную роль в этом сыграло недопущение конкуренции членов цеха, т. е. главного механизма господства вещи над человеком, продукта над его производителем. Но ценой этого являлось принципиальное ограничение и количественного, и качественного роста производства (само характерное для средневекового ремесла

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 371.

сочетание в продукции функций утилитарной и эстетической, стремление мастера максимально украсить свое изделие показывало, что творческая энергия производителей уходила в эту своеобразную «отдушину»). Цеховый строй был попыткой производителей утвердить свое господство над составляющими основу их существования товарными, вещными отношениями, подчинить их логике своего собственного, человеческого существования. Это была как бы проекция общинных отношений на принципиально новую основу товарного производства.

Итак, докапиталистические способы производства предполагают наличие двух «полюсных» типов производителей, оторванных от общины. Первый полюс — раб, абсолютно отчужденный работник, использование которого в производстве предполагало постоянное руководство и контроль за его трудовой деятельностью. Второй полюс — ремесленник, поднявший свой специализированный труд до степени искусства и достаточно полно реализующий в этом труде потенциал своей личности. Но необходимость социальной защиты своего социально-экономического положения городскими ремесленниками приводит к возрождению на новом уровне социальной организации общинного типа — цеховой системы. Это служит подтверждением того положения, что докапиталистический производитель может быть свободным работником только в рамках общинной организации. Тем самым и его экономическая свобода имеет принципиально ограниченный характер.

IV

АПОГЕЙ ОТЧУЖДЕНИЯ: КАПИТАЛИЗМ

Поскольку отчуждение труда при капитализме составило предмет исследований К. Маркса, его основные черты уже были охарактеризованы выше. Здесь имеет смысл остановиться лишь на тех сторонах этого явления, которые по тем или иным причинам не вошли в марксов анализ.

1. Товарное производство и отчуждение

Поскольку К. Маркс имел дело с товарным производством именно как с феноменом капиталистического общества, в его работах (особенно в ранних) исследование буржуазного (товарного) и капиталистического типов отчуждения последовательно не разделено. В советской научной литературе также не выделяется товарное производство как порождающее специфический, не совпадающий с капиталистическим тип отчуждения труда.

Между тем исторический опыт развития показывает, что феномен товарного производства присущ не только капитализму и что капитализм в свою очередь может на поздних стадиях частично основываться не на товарных типах общественной связи производства и потребления. Длительное время в марксистской литературе к товарному производству подходили именно с точки зрения его роли в становлении капиталистических отношений. Товар в сознании обществоведов являлся неизбежно предтечей капитала, последний «как тень» следовал за товарным производством. О негативных последствиях такого подхода для развития социалистической экономики за последние три года написано много. Для нас важно, во-первых, выделить тот тип отчуждения труда, который товарное производство порождает само по себе, независимо от того, какой способ производства оно обслуживает; во-вторых, определить

рамки развития субъекта производства в системе товарного типа отчуждения.

Это позволит избежать отождествления товарных и капиталистических форм отчуждения, способного нанести вред при исследовании как капитализма (когда мы преувеличиваем, абсолютизируем роль овеществленных отношений, отсутствие для работника возможности творческого развития в труде и «потребительских» ориентаций его экономического поведения в ущерб реальному учету явлений корпоративных, личностных отношений, характерных для монополистического капитализма), так и социализма.

Товарное производство, порожденное экономической обособленностью производителей, достигает своей общественно нормальной формы, когда они начинают работать на свободный и неизвестный рынок и между ними возникает отношение конкуренции[1]. В этих условиях над каждым отдельным производителем начинает господствовать обезличенная, овеществленная в товарах сила его собственной общественной связи с другими товаропроизводителями: «Именно двойственная природа труда, обусловливающая тот факт, что вещи лишь как потребительные стоимости, как создания конкретного труда несут на себе печать индивидуальности производителя и что эти же вещи как стоимости, созданные абстрактным трудом, не имеют никакой видимой связи с индивидуальностью изготовивших их людей, в условиях разобщения людей частной собственностью порождает явление отчуждения, состоящее в том, что мир вещей, созданный трудом, противостоит труду как чуждая, господствующая над трудом сила»[2]. В чем же проявляется господство безличной силы товарного производства над человеком?

Именно в результате того, что его продукт неизбежно отрывается от него и выступает как внешняя, чуждая сила, производитель уже в процессе производства проявляет специфическое отношение к своему труду и продукту. Труд товаропроизводителя — это труд на себя лишь в опосредованной форме, через рынок. Поскольку товаропроизводитель включен в стихийное общественное разделение труда, он может

---

[1] Мы разделяем представления о сущности товарного производства, сформулированные в работах Н. В. Хессина. (Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1964; В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968). Вместе с тем мы не можем согласиться с выводами этого автора об отсутствии товарного производства при социализме. Представляется, что Н. В. Хессин, правильно определив «адекватную» форму товарного производства, объявил при этом нетоварными все неразвитые или подавленные формы товарных отношений.

[2] Чангли И. И. Указ. соч. С. 363.

удовлетворить свои потребности, лишь продав продукт своего производства, реализовав его как стоимость. Поэтому производитель становится равнодушен к конкретной потребительной стоимости своего продукта, к содержанию своей производственной деятельности: его интерес отныне сосредоточен на максимизации стоимости, которой он располагает. Трудовая и предпринимательская деятельность здесь уравниваются, приводятся к единому стоимостному знаменателю.

Поскольку стоимость занимает место непосредственной, ближайшей цели производства, работник начинает относиться к своему труду как к средству получения стоимости. И от степени отлаженности хозяйственного механизма (в данном случае от степени «совершенства рынка») зависит, будет ли товаропроизводитель для достижения этой цели улучшать производство, увеличивать количество и повышать качество продукта или он пойдет по более легкому пути — начнет снижать качество либо завышать цену, пользуясь отсутствием конкуренции. Таким образом, цель трудовой (шире — экономической) активности личности в товарном производстве заранее задана. Различие только в путях ее достижения.

Труд товаропроизводителя изначально определен как отчужденный со стороны его продукта. Товар — это нечто, не обладающее потребительной стоимостью для своего изготовителя. Работая над тем, что (это заранее известно) уйдет в чужие руки, товаропроизводитель склонен заботиться о результате своего труда лишь настолько, насколько последний увязан с его вознаграждением[1].

Отчуждение от продукта труда накладывает свой отпечаток и на субъективное отношение товаропроизводителя к своей трудовой деятельности. Хотя материальной основы «технологического» отчуждения труда в случае простого товарного производства еще не существует, субъект тем не менее начи-

[1] На последнее необходимо указать, потому что в экономической литературе (и еще более — в экономической публицистике) в последние годы проявляется тенденция отрывать товарное производство от конкуренции, анархического рынка и других атрибутов его нормального функционирования. При этом утверждается, что подобное «укороченное на голову» товарное производство сможет решить проблему качества продукции, трудовой мотивации и т. д. Все беды нынешнего хозяйственного механизма видят в слабом развитии товарного производства. Но товарному производству присущ свой хозяйственный механизм (пускай и не такой детализированный, как в плановой экономике). Это хозяйственный механизм выражается в юридических нормах хозяйствования, которые обеспечивают свободу экономической деятельности товаропроизводителей. Регламентированное, ограниченное товарное производство может существовать — и об этом свидетельствует история. Однако такое товарное производство не поможет разрешить экономические проблемы социализма, ибо будет ничуть не более эффективным, чем хозяйственный механизм, основанный на жестком нормировании.

нает относиться к своему труду как к средству к жизни. Как отмечает О. Н. Крутова, у агента товарного производства развиваются только те способности, которые имеют шанс быть проданными[1].

Как влияет строй товарного производства на развитие субъектов производства? В литературе распространена точка зрения, согласно которой «социальные характеристики человека в условиях буржуазного способа развития оказываются внешними, они не соотнесены с личностными данными, появляясь в силу случайности, стечения обстоятельств, имущественного положения, принадлежности к той или иной социальной группе, они навязываются человеку анонимными силами: он выполняет роли, которые не связаны с его индивидуальностью»[2]. Нам представляется, что приведенная позиция основана как раз на отождествлении капиталистического и товарного типов положения субъекта в производстве. В результате происходит подмена понятий: действительно, в рамках классового общества — капитализма — распределение социальных ролей в обществе обусловливается социальным и имущественным положением, которое (такова специфика классового общества) в значительной мере является унаследованным. Но такое (недалеко ушедшее от сословного и кастового) распределение социальных ролей отождествляется... со стихийностью, анонимностью рыночного регулятора как такового!

Отнюдь не следует преувеличивать степень недоразвития личности в строе товарного производства. Стихийный механизм конкуренции обладает своими возможностями выявить и поднять наверх того субъекта, который в наибольшей мере отвечает потребности рынка в конкретном виде труда. Механизм «естественного отбора» выдвигает сильных, способных людей, отбрасывая слабых и неудачливых.

Строй товарного производства, поскольку он формирует адекватный хозяйственный механизм, обеспечивает недостижимую ранее мобилизацию индивидуальных способностей субъектов. Рядом с не-свободой в нем представлена и свобода, рядом с заранее отчужденным отношением производителя к своему труду и продукту — возможность «попытать счастья» в разных сферах деятельности, проявить те способности, которые выбиваются из узкого круга наличного бытия индивида.

Кроме того, строй товарного производства подразумевает, что личностные силы индивидов как производителей суще-

---

[1] Крутова О. Н. Человек и история. М.: Политиздат, 1982. С. 147.
[2] Там же. С. 149.

ствуют только в качестве средства для удовлетворения обезличенной (в виде совокупного платежеспособного спроса) суммы потребностей тех же индивидов, но в «социальной маске» потребителей. Однако даже с таким ограничением товарное производство обеспечивает не только прогресс экономики, но и развитие субъектов как производителей. Это развитие идет через обновление методов и приемов производства, частую перемену занятия. Освобождаясь от патриархальной привязанности к раз и навсегда установленному кругу производственной деятельности, агент товарного производства одновременно теряет присущее крестьянину и ремесленнику «сентиментальное» отношение к своему труду. Сфера реализации его личности перемещается в сферу потребления.

Итак, товаропроизводитель, реализовав свой продукт на рынке, превращается в товаропотребителя. Здесь перед человеком, сузившим цель своего труда до абстракции стоимости, наоборот, раскрывается все универсальное богатство товарного мира.

При характеристике субъекта товарного производства, как правило, рассматривают его только как производителя, абстрагируясь от его потребительской деятельности[1]. Именно это порождает господствующие в литературе представления об ограничении развития индивида как чуть ли не о специфической черте товарного производства.

Индивид в качестве товаропроизводителя отчужденно относится к своему труду как к средству, как к неприятному, но непременному условию получения желаемых потребительских благ. Но его заинтересованность в труде как средстве безгранична лишь постольку, поскольку безграничны его потребности, расширившиеся до границ осязаемого им товарного мира.

Развитие индивида как потребителя, формирование его действительных потребностей являются необходимым условием эффективного функционирования товарного производства. В случае когда индивид как потребитель еще не вышел из традиционного круга потребностей (жизненных стандартов узкой социальной общности докапиталистических формаций), он, даже став товаропроизводителем, будет тем не менее побуждаться к эффективному производству только внешними факторами (конкуренцией) и только в том случае, если эти внешние условия начнут подрывать традиционный (ограниченный) уровень его потребления. В противном случае такой «товаропроизводитель первого поколения» будет продолжать произ-

---

[1] Исключением является работа Ю. Васильчука, цитированная выше.

водство дедовскими методами, нимало не заботясь о том, что иным путем он мог бы заработать больше.

Таким образом, субъект товарного производства побуждается к труду не только внешним по отношению к нему механизмом рыночной конкуренции, но и внутренними, заложенными в структуре его личности потребностями в жизненных благах. Активность индивида как производителя в условиях товарного производства есть функция его активности как потребителя.

2. Становление частичного работника

Наемный труд как таковой встречается и в докапиталистических формациях, и в условиях простого товарного производства. В этой своей определенности он представляет собой обыкновенную разновидность труда товаропроизводителя: работник, подрядившийся красить крышу дома или помогать по хозяйству, ничем не отличается от ремесленника ни по своему социально-экономическому положению, ни по отношению к труду.

Капитализму соответствует не просто наемный труд, а труд, подчиненный капиталу, подпавший под его господство. Именно подчинение труда капиталу создает специфически капиталистические формы отчуждения труда производителей. Капитал в гораздо большей степени, чем рынок, сужает «поле свободы» работника, навязывая ему чуждую по характеру и содержанию деятельность.

Этапы подчинения труда капиталу являются также этапами становления частичного работника, труд которого представляет собой целесообразную деятельность только в составе кооперации. Частичная или полная утрата трудом целесообразности в глазах самого работника обусловливает возникновение так называемого технологического отчуждения труда. Технологическое отчуждение, появляясь при капитализме, выходит за его пределы в той мере, в которой социализм наследует, а докапиталистические уклады заимствуют материально-техническую базу капиталистической кооперации — мануфактуры — машинного производства, необходимым элементом которой выступает частичный работник.

Наряду с этим подчинение труда капиталу обусловливает возникновение и новых социальных аспектов отчуждения труда, окончательно низводя работника до положения рядового фактора производства капитальной стоимости.

Начальный этап такого подчинения — распространенное явление, когда наемный работник трудится у себя на дому,

используя чаще всего свои собственные, а в других случаях принадлежащие капиталисту средства труда. По видимости такой производитель должен относиться к труду так же, как и независимый ремесленник. Однако в отличие от ремесленника, самостоятельно определяющего масштаб своего труда в зависимости от уровня своих потребностей (чтобы больше потреблять, он будет больше работать, и наоборот), масштаб потребления наемного работника в условиях действительно капиталистического отношения сведен к минимуму, необходимому для воспроизводства его в специфическом качестве наемного работника. Подчинение капиталом работника проявляется в том, что последний принуждается к максимальной затрате труда при минимальном удовлетворении его потребностей.

Поэтому «поле свободы» у наемного работника-надомника значительно у́же, чем у независимого товаропроизводителя. Фактически наемный рабочий лишен экономического выбора: он не может самостоятельно определять ни количество, ни ассортимент своей продукции. Он пока располагает определенной свободой лишь в рамках определенного процесса своего труда, подчиняя его ритму своей жизнедеятельности. Но и последнее — до той степени, какую позволяет объем работы.

Надомный труд воспроизводится как форма капиталистической организации производства везде, где это позволяют технологические условия. В условиях «нормального» для капитализма положения на рынке труда, т. е. наличия промышленной резервной армии, надомничество оказывается высокоэффективным, с одной стороны, снимая с предпринимателя часть хлопот по управлению и обеспечивая экономию на производственных фондах, а с другой — избавляя труд работника от наиболее жестких форм внешней регламентации, воспроизводя иллюзию свободы в трудовом процессе.

Следующий этап изменения положения работника в производстве — простая капиталистическая кооперация труда. К. Маркс характеризовал кооперацию как «комбинированный общественный процесс труда», в котором отдельный рабочий, хотя и выполняет однородную с остальными работу, тем не менее уже не держит в голове всю закономерную последовательность трудовых операций комбинированного рабочего[1]. Целеполагание и координация всего производственного процесса становятся делом руководителя кооперации, уходят из пределов видимости отдельного работника. У последнего начинает формироваться отстраненное отношение к конечному результату деятельности «комбинированного рабочего»: дело каменщика класть кирпичи, а уж какой из них получится дом —

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 338, 342.

об этом должна болеть голова у архитектора. «Мое дело маленькое» — этот принцип трудового, экономического поведения складывается именно на материальной основе кооперации труда. На основе устойчивого функционирования в качестве частичного работника у субъектов возникает технологическое отчуждение труда. Оно может проявляться в нескольких формах.

Первая состоит в фетишизации человеком своих «муравьиных» функций в производственном процессе. Он находит удовлетворение в образцовом исполнении своих нехитрых обязанностей и не стремится выйти за их пределы. При этом он может быть либо безразличен по отношению к конечному результату деятельности кооперации, в которую он входит, либо даже гордиться масштабом дела, в котором он участвует, но, не будучи в силах оценить его конечный результат, стремится повлиять на его успешное достижение именно на своем рабочем месте. Другая форма субъективного проявления технологического отчуждения — возникновение отчужденности работника даже от своего непосредственного труда как деятельности, утратившей для него целесообразный характер.

Мануфактура, представляющая более высокий этап подчинения труда капиталом, как и простая кооперация, основана еще на ручном труде. Но ее принцип — подетальное или пооперационное разделение труда — еще больше, чем простая комбинация, усиливает «частичность» отдельно взятого работника. Последний становится еще менее дееспособным сам по себе, в отрыве от использующего его капитала. Но поскольку специализированный труд мануфактурных рабочих требовал высокой и часто уникальной квалификации, объективное положение работника при переходе к мануфактуре развивается неоднозначно.

С одной стороны, содержание труда специалиста, скажем, по вытягиванию проволоки или по обивке мебели обусловливает рост его технологического отчуждения по сравнению с участником простой кооперации (резко возрастает доля монотонно повторяющихся операций, сокращается возможность перемены труда в рамках производственного процесса).

С другой стороны, относительная сложность специализированных операций, необходимость высокой точности их исполнения требовали значительного по срокам обучения работников перед их вхождением в производство. Мануфактура заимствует у цехового строя систему профессионального образования, совмещенную с процессом производства: ученик — подмастерье — мастер. «В условиях полного отсутствия общеобразовательной подготовки рабочей силы ману-

фактурное производство в течение длительного времени оказывается единственной школой профессиональной подготовки совокупного рабочего», — отмечают Е. И. Рузавина и Н. Ф. Шеховцева[1].

Такая система подготовки рабочей силы, рассчитанная на весьма длительный срок ее вхождения в производственный процесс, могла окупать себя только в условиях более или менее постоянного найма. Сама дробность специализации, трудность нахождения «свободных» специалистов на рынке труда обусловливали относительное смягчение экономического механизма принуждения к труду квалифицированных мануфактурных рабочих по сравнению как с неквалифицированной рабочей силой доманфактурного капитализма, так и с фабричными рабочими позднейшего периода. XVII—XVIII вв., на которые приходится расцвет мануфактурного капитализма, не знали всеобщего, даже начального образования. Общеобразовательная подготовка — необходимая база для профессиональной подвижности, возможности относительно быстрого приобретения и смены квалификации работниками. Мануфактурный тип квалифицированного работника представлял собой очень часто совершенно неграмотного человека, эмпирически, на протяжении многих лет изучившего тонкости своего узкого ремесла. Такое положение дел сглаживало субъектное отношение отчуждения труда в условиях раннего капитализма: способ производства материальных благ и способ производства человека в значительной степени совпадали.

Тем не менее объективное отчуждение труда на базе его разделения в мануфактуре, несмотря на слабое проявление на поверхности в виде отчужденного отношения работников к своей деятельности, местами доходит до настоящего уродования человека. В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин описал такую тенденцию: «Появляются виртуозы и калеки разделения труда, первые — как редкостные единицы, возбуждающие изумление исследователей... вторые — как массовое появление «кустарей» слабогрудых, с непомерно развитыми руками, с «односторонней горбатостью»[2]. Такова цена ранней, с детства, специализации, «производственной социализации» человека, характерной для мануфактуры.

«Мануфактурное разделение труда приковывает частичного рабочего к своему орудию, подавляет развитие всех его личностных и производственных качеств, кроме тех, которые

[1] Рузавина Е. И., Шеховцева Н. Ф. Организационные структуры совокупной рабочей силы при капитализме. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 17.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 430.

необходимы для выполнения его основной технологической операции»[1].

Мануфактура представляет собой «перезревший» ручной способ труда. Субъект производства здесь еще господин своего орудия труда, но сам он — лишь частичка комбинированного производственного организма, полностью недееспособная вне рамок совокупного работника. Как отмечает Г. Н. Волков, «живой механизм» производства, органами которого являются люди со своими специализированными орудиями, есть необходимый этап для развития машинного механизма[2].

Реальное подчинение труда капиталу основано на машинном производстве. «В то время как в ремесленном производстве и даже в мануфактуре движение орудия определяется движением человека, на механической фабрике, наоборот, движение человека определяется движением машин»[3]. Перемещение функции двигателя и функции непосредственного управления орудием труда от человека к машине, обусловливая резкое повышение производительности труда, ведет к изменению типа связи человека и «искусственных средств» его труда. Из господина своего орудия он превращается в его «технологического раба». Человек из субъекта, применяясь к которому строилась организация производственного процесса, превращается, по К. Марксу, в сознательный придаток бессознательной единообразно действующей системы машин.

Технологическое отчуждение труда основной массы работников в системе машинного производства достигает максимума. Г. Н. Волков так охарактеризовал его объективную основу: «По сути дела здесь субъектом технологического процесса становится объект; субъект же превращается в простой технический придаток, в пассивный элемент, в объект. Не машина приспосабливается к человеку, его физическим и умственным возможностям, а человек притирается к машине, живет и движется в том темпе и в тех пределах, которые обусловлены жизнью машинного организма»[4].

Если прежде капитал господствовал над работником как экономическая сила, то в период промышленного переворота он начинает господствовать над ним и технологически.

Отделение исполнительского, репродуктивного труда от целеполагающего, творческого представляет на фабрике момент процесса производства. Рабочий находит производственный организм в готовом виде, как данность, и может только

---

[1] Рузавина Е. И., Шеховцева Н. Ф. Указ. соч. С. 23.

[2] Волков Г. Н. Указ. соч. С. 44.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 512.

[4] Волков Г. Н. Указ. соч. С. 48.

подстроиться к ней, выполнять ее требования. Вся производственная среда формируется помимо рабочего, ничто на фабрике не несет отпечатка его индивидуальности. Если в мануфактуре процесс труда организован на базе эмпирически выработанных самими работниками приемов, то машинное производство построено на качественно новом принципе. Разработка техники и технологии производства, контроль за их соблюдением и собственно исполнительский труд в рамках данного технико-технологического базиса — дело трех отдельных групп работников: инженеров, мастеров и собственно рабочих.

По сравнению с предшествующими формами производства происходит резкая поляризация содержания труда этих групп производителей. «Голова» совокупного работника — инженер. Его труд как бы аккумулирует в себе творческие элементы, требуя от субъекта высокого общеобразовательного уровня и постоянного профессионального роста.

Возникают две основные группы рабочего класса — квалифицированные и неквалифицированные работники. Последние представляют собой «живые шестеренки» системы машин, выполняя элементарные трудовые функции по транспортировке, обслуживанию функционирования машин и т. д. К этой группе относятся также станочники и сборщики, занятые на простейших, монотонных операциях. Критерий выделения группы неквалифицированных рабочих — принципиальная возможность замещения их машинами уже в рамках материально-технической базы крупного машинного производства. Этого не происходит в первую очередь из-за экономических факторов: большей дороговизны машины по сравнению с заработной платой неквалифицированного рабочего.

Труд неквалифицированных рабочих теряет последние содержательные элементы, превращаясь для его носителя в простую затрату энергии, тем бо́льшую, чем бессмысленнее для рабочего сам процесс труда. Резкое снижение необходимой квалификации у таких рабочих обусловливает универсальный характер их рабочей силы, возможность вхождения в производство практически без предварительного обучения. На ранних этапах промышленного капитализма это привело к массовому втягиванию в производство дешевых рабочих рук детей и женщин.

Своего развитого состояния фабричное разделение труда достигло к началу XX в., ознаменованного распространением так называемого «фордизма» и родственных ему систем. Растущая механизация и соответствующая организация труда позволяли практически бесконечно дробить процесс производства готового продукта. Этот процесс распадался на десятки

и сотни отдельных движений. «Рабочий, на чьей обязанности лежит постановка какой-нибудь части, не закрепляет ее — эта часть иногда закрепляется только после многих операций. Человек, который вгоняет болт, не завинчивает одновременно гайку; кто ставит гайку, не завинчивает ее накрепко», — так описывает принцип разделения трудовых операций основатель автомобильной империи Г. Форд[1]. В результате в несколько раз возрастала трудоспособность работника. А поскольку разделение труда сопровождалось его усиливающейся интенсификацией, устранением буквально всех лишних шагов и движений, сокращением всяческих перерывов в работе, это вызывало многократное повышение производительности труда.

Получала свое завершение и фигура частичного работника, становящаяся господствующей формой приложения труда. Происходила деквалификация значительной массы непосредственных производителей. «Мы не нуждаемся в обученных рабочих, — писал Г. Форд, — так как все «уменье» заменено машинами»[2]. Большинство производственных процессов не требовало квалифицированных и физически сильных рабочих рук. Подобные операции были доступны в принципе и трехлетнему ребенку. При этом высококвалифицированные кадры оставались решающей силой, опорой фабрики, но их число было ничтожно. По мнению Г. Форда, литейное дело, например, требовало лишь 5% основательно обученных формовщиков и литейщиков, 95% приходилось выполнять лишь одно — два движения. Кадры почти для 80% работ могли быть подготовлены в течение 8 дней[3].

Более того, становилось возможным использование труда не только женщин, детей, но и физически неполноценных людей. Слепой или калека, заменяя на рабочих местах здоровых рабочих, начинали зарабатывать себе полное вознаграждение без каких-либо предпочтений и благотворительности. Была экспериментально доказана возможность выполнения полных норм выработки при различных переломах и даже на больничных койках. (Естественно, содержание обществом физически неполноценных людей в этот период представлялось уже пустым «расточительством».) Фигура калеки, достигающего в труде далеко не умственного характера обычной нормы выработки, пожалуй, наиболее яркий и наглядный пример частичного рабочего, своего рода живой символ уродующей деятельности.

Вопрос о содержании труда в рамках фордистской системы для большинства рабочих даже и не ставился. Основ-

[1] Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. Л.: Изд-во Время, 1924. С. 121.
[2] Там же. С. 258.
[3] Там же. С. 127, 158—159.

ным, чуть ли не исключительным способом решения трудовых проблем выступило манипулирование заработной платы.

Производство, таким образом, консервировало развитие человека, сдерживало рост его потребностей. Не удивительно, что в подобных условиях преобладающая масса работников не стремилась к повышенной ответственности, к труду, требующему физического и особенно умственного напряжения. Постепенно для многих частичный труд становился «удобен». Безразличие к содержанию труда дополнялось невосприимчивостью к изменениям, духовным опустошением.

Но все это, безусловно, не причина, как пытался представить Г. Форд и его последователи, а результат труда, отчужденного в технологическом и социальном отношении, отделенного от собственности и от творческой деятельности в грубых и часто неосознаваемых формах. Отчуждение труда достигло своего апогея.

Однако неквалифицированные работники, являясь значительным и необходимым элементом совокупного рабочего машинного производства, не представляют тем не менее собой основную рабочую силу капиталистической фабрики. На это необходимо указать, так как в научной литературе нередко встречается тенденция сведения капиталистического наемного рабочего имено к этому, описанному К. Марксом и Ф. Энгельсом «маргинальному» его подтипу. Особенно это характерно для «абстрактных» философских и политико-экономических исследований.

Фабричная система воспроизводит на новой технической базе и квалифицированных рабочих-специалистов: станочников, изготовляющих уникальную или мелкосерийную продукцию, наладчиков и т. п. Труд представителей этой группы рабочего класса не только сохраняет преемственность с трудом мануфактурных специалистов, но, как правило, требует от своего носителя помимо узкой квалификации определенной профессиональной мобильности, способности действовать в условиях постоянно перестраивающегося производства. Такое требование уже невыполнимо в рамках «мануфактурно-цехового» типа социализации работника. Рабочая сила квалифицированного фабричного рабочего требует наличия общеобразовательной подготовки, грамотности рабочего: «Без этого не научишь работника читать инструкцию, делать элементарные расчеты, разбираться в чертеже»[1].

С этим связано происходящее на протяжении XIX в. в развитых буржуазных странах введение всеобщего начального

[1] Кертман Л. Е. История культуры стран Европы и Америки. 1870—1917. М.: Высшая школа, 1987. С. 117.

образования[1], а в XX в. — всеобщего среднего образования. Таким образом произошел крупнейший переворот в общественном способе производства человека. То, что он совершается при капитализме, показывает его строгую «техническую» обусловленность, необходимость для фабричного этапа капиталистического производства.

3. Противоречивые тенденции современного капитализма

Новейший период в экономическом развитии капитализма характеризуется заметным обострением проблем отчуждения труда. Об этом свидетельствует не только целый ряд явлений капиталистической экономики, но и косвенно выдвижение проблематики отчуждения на передний план в леворадикальных и близких к ним буржуазно-реформистских экономических и социологических концепциях. В данном разделе мы попытаемся наметить некоторые перспективные, на наш взгляд, направления исследования новых факторов обострения отчуждения труда в условиях современного капитализма, а также трудностей и успехов в адаптации его экономических форм к этому глубинному историческому процессу.

Поскольку отчуждение труда представляет собой определенную систему отношений между субъектами экономической деятельности и объективной экономической действительностью, причины его усиления в современных условиях правомерно искать в изменении обеих сторон этих отношений.

Со стороны объективных экономических условий в качестве тенденции, способствующей усилению отчуждения, можно выделить тенденцию к повышению уровня обобществления производства — дальнейшей монополизации и буржуазного огосударствления, все больше выходящих за пределы государственных границ. В результате население капиталистических стран все сильнее испытывает отчуждение от собственности на средства производства.

Подчеркнем, что речь идет именно обо всем населении, включая и высшие социальные слои. Так, владельцы мелких, юридически самостоятельных фирм в связи с ускорением процесса концентрации производства и капитала либо разоряются, либо попадают во все бо́льшую зависимость от крупного капитала. Средние держатели акций окончательно теряют возможность влияния на принятие решений по управлению акционерными предприятиями, хотя именно от этих решений в значительной мере зависит их благосостояние. И даже собст-

[1] Кертман Л. Е. Указ. соч. С. 118—124.

венники контрольных пакетов акций крупных корпораций испытывают отчуждение, так как функционирование и «выживание» их фирм в конечном счете зависит от стихийных, неконтролируемых сил обостряющейся монополистической конкуренции. Дополнительным фактором отчуждения собственников крупного капитала от реальных отношений собственности является неизбежно вытекающая из прогресса концентрации и усложнения производства все более полная передача функций управления наемным служащим-профессионалам.

Однако на всех этих аспектах усиления отчуждения господствующих классов мы не будем останавливаться, а сосредоточим свое внимание на отчуждении трудящихся классов как носителей исторического прогресса.

С точки зрения положения наемных работников, непосредственных участников материального и духовного производства, развитие обобществления в капиталистических формах имеет такие последствия.

Дальнейшая специализация и концентрация производства, сопровождающаяся сужением трудовых функций отдельных работников, объективно затрудняет для большинства из них осознание своего места в процессе производства конечной продукции, лишает их труд признаков социальной значимости, заставляет людей при прочих равных условиях чувствовать себя всего лишь «винтиками» огромной машины. В результате усиливается недовольство трудящихся не только материальными условиями своего существования, но и своим бесправным, подчиненным положением в системе общественного производства. Стремление трудящихся к непосредственному участию в управлении своим собственным трудом и производством в целом свидетельствует о начале переориентации классовой борьбы с борьбы против вторичных форм отчуждения в сфере распределения на борьбу против самоотчуждения в самом процессе производства.

Происходит рост осознания массой населения противоположности своих интересов господствующим интересам представителей монополистического капитала во всех сферах общественной жизни — от охраны окружающей среды до автоматизации производственных процессов. В результате усиливается отчуждение трудящихся от навязываемых им в качестве «общественных» частномонополистических целей, развиваются традиционные и возникают качественно новые направления борьбы против власти капитала, формируется широкий антимонополистический фронт.

Названные формы проявления усиливающегося отчуждения труда, связанные с прогрессом капиталистического обоб-

ществления, были бы невозможны без определенного уровня социального развития самих наемных работников. Так, хищническая политика монополистического капитала по использованию природных ресурсов не вызывала бы протеста со стороны масс трудящихся, не будь у них развитой (отчасти материальной, отчасти духовной) потребности в сохранении природных богатств для себя и будущих поколений. Тенденция к обеднению содержания труда по мере его специализации не возмущала бы рабочих, не имей они сформировавшейся потребности в самостоятельном творческом труде. Причем по мере дальнейшего прогресса (а не просто расширения) личных потребностей представителей трудящихся слоев обостряется противоречие, в которое они вступают с возможностями их удовлетворения в условиях капиталистической экономики.

Развитие, обогащение личности работника при капитализме становятся важнейшим фактором усиления отношений отчуждения со стороны участвующего в них субъекта.

Итак, главной причиной обострения отчуждения труда трудящихся классов капиталистического общества следует, на наш взгляд, считать углубление противоречия между основополагающими тенденциями экономического развития (в направлении дальнейшего капиталистического обобществления и специализации труда) и социального развития (в направлении качественного возвышения потребностей массы трудящихся). В более общем виде это противоречие представляет собой не что иное, как противоречие между производством-потреблением I рода и производством-потреблением II рода. Последнее в условиях современного капитализма обретает относительную самостоятельность и, не будучи способным оказывать достаточное стимулирующее воздействие на развитие первого, вырывается вперед, объективно усиливая явления отчуждения.

Более подробно о явлениях отчуждения труда, усиливающихся вследствие обострения противоречия между тенденциями социального и экономического развития в современном капиталистическом обществе, и пойдет речь ниже. Но прежде хочется отметить, что характерный сегодня для капиталистических стран рост значения проблем отчуждения труда объясняется, вероятно, не только действительным развитием отношений отчуждения, но и относительным расширением возможностей их практического проявления в деятельности трудящихся, следовательно, повышением роли этих отношений в экономической системе капитализма. Отчасти это связано с некоторым уменьшением жесткости капиталистического механизма экономического принуждения к труду в результате

завоевания трудящимися ряда социальных гарантий: внедрения в практику найма коллективных договоров, роста финансовых возможностей профсоюзов, развитие социального страхования и социального обеспечения. Отчасти со складывающейся в условиях научно-технической революции тенденцией к росту роли творческого труда, невозможного без достаточной внутренней мотивации. Отсюда новые трудности, с которыми сталкивается сейчас капитал в процессе развития производительных сил в связи с необходимостью принуждения отчужденных работников к качественному труду.

Далее, учитывая, что вопросам капиталистического обобществления, а также тэйлористским принципам организации труда в советской экономической литературе традиционно уделяется повышенное внимание, остановимся лишь на характеристике нового этапа в развитии фундаментального общеисторического процесса социального развития трудящихся[1].

В развитых капиталистических странах послевоенный период характеризовался сравнительно быстрым абсолютным ростом доходов населения вплоть до начала 70-х годов. Благоприятная экономическая конъюнктура 50—60-х годов, развертывание научно-технической революции, успехи рабочего движения в условиях соревнования двух систем — все это позволило вырасти новому поколению наемных рабочих с беспрецедентно высоким уровнем социальных ожиданий. Этому способствовал также быстрый рост общеобразовательной подготовки молодежи (до 10—12 лет обучения в школе или колледже) при значительном сокращении разрыва в уровнях образования квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

В результате в сознании большого числа рабочих сформировалась новая система ценностных ориентаций, важное место в которой отводится самостоятельности и независимости в процессе труда, возможности реализации своих знаний и развития своих способностей, получению удовлетворения от хорошо выполненной работы, надежде на общественное признание трудовых достижений и т. д.

70-е годы, как известно, принесли с собой углубление кризисных колебаний, гигантский рост масштабов безработицы,

---

[1] Обобщающим, результирующим показателем социального развития является, по нашему мнению, прогрессивное изменение системы массовых потребностей, в свою очередь определяющей систему ценностных ориентаций и мотивов трудовой деятельности. Причем с точки зрения дальнейшего развития общества определяющее значение имеют именно неудовлетворенные (но уже реально существующие) потребности, судить о которых по уровню и структуре удовлетворенных потребностей можно лишь косвенным и весьма отдаленным образом.

торможение роста, а иногда и абсолютное снижение уровня жизни трудящихся. Например, в США средние размеры заработков трудящихся к 1981 г. сократились по сравнению с 1972 г. более чем на 16%, достигнув самого низкого уровня за последние 20 лет[1]. В условиях возросшей материальной необеспеченности существования система ценностных приоритетов массы населения не могла не измениться в пользу факторов высокого заработка и стабильной занятости. Тем не менее социологические обследования, проведенные специалистами девяти капиталистических стран в 1971—1979 гг., свидетельствуют о том, что в большинстве из них и в этот тяжелый для рабочего класса период фактор «интересная работа» являлся более значимым, чем «хорошая зарплата» и «гарантированная работа» (исключение составили Англия и ФРГ)[2].

Последним объясняется, в частности, почему даже высокое пособие по безработице не может компенсировать современному рабочему потерю рабочего места. Отсутствие возможности участвовать в общественном производстве означает теперь невозможность удовлетворения не только ряда потребительских нужд, но и далеко не в последнюю очередь — ряда социальных и интеллектуальных потребностей, связанных непосредственно с трудом. Причем потеря безработным самой возможности трудиться отнюдь не означает прекращения отчуждения его труда, поскольку именно безработный особенно остро ощущает на себе власть капитала, препятствующую реализации его способности к труду и, следовательно, полностью исключающую удовлетворение многих потребностей высшего, а зачастую и низшего порядка.

Зато в тех случаях, когда процесс труда на капиталистическом предприятии в силу своего содержания предоставляет рабочему возможность самореализации и саморазвития, наличие у рабочего развитых потребностей такого рода и соответственно сильных внутренних стимулов к труду действует в направлении смягчения его отчуждения от труда как процесса (а опосредованно, через сознание, и от условий, и от результатов труда)[3]. Труд, творческий по содержанию, в значительной мере сам себя стимулирует, в какой-то степени компенсируя недостаточность хозяйского отношения работника к

---

[1] US News and World Report. 1981. May 18. P. 93.

[2] Кревневич В. В. Автоматизация и удовлетворенность трудом. М.: Мысль. 1987. С. 149—151.

[3] Этот факт отмечен в монографии Э. Д. Вильховченко «Новые формы капиталистической эксплуатации. Теория и практика: критический анализ» (М.: Наука, 1985. С. 13). Тем самым автор по существу оспаривает явно легковесное, но довольно распространенное утверждение, об «объективной невозможности» творческого отношения к труду рабочих, подвергающихся капиталистической эксплуатации.

производству, связанную с капиталистическим, эксплуататорским характером последнего. Однако в широких масштабах творческий труд не стал и, вероятно, не станет характерным для капиталистического производства. Такому направлению развития научно-технического прогресса в условиях капитализма препятствуют специфически капиталистические критерии социально-экономической эффективности в виде общих и частных интересов капитала, реализация которых наталкивается, правда, на известные социальные ограничения.

До сих пор понятие «социальные ограничения научно-технического прогресса» принято было применять в основном к социализму, а само наличие таких ограничений рассматривалось как особенное свойство научно-технического прогресса в условиях социализма. На наш взгляд, рассмотрение социальных задач в качестве «ограничений», налагаемых на развитие научно-технического прогресса, более правомерно именно применительно к капитализму, который в силу своей социально-экономической природы ориентирует научно-техническое развитие на достижение принципиально иных целей. В условиях социализма все эти задачи составляют органическую часть высшей цели производства, соответственно представляют собой важную (причем все более важную) часть социально-экономического эффекта, на получение которого и должен быть ориентирован весь научно-технический прогресс.

Капиталистический предприниматель, стремящийся к снижению индивидуальных издержек производства за счет роста производительности труда, небезразличен к тому, в результате каких изменений в содержании труда будет обеспечен этот рост: дальнейшей специализации труда или, наоборот, его универсализации. В первом случае снижение затрат на оплату труда становится дополнительным источником экономии издержек, во втором — рост затрат на покупку рабочей силы повышенного качества, а также обострение проблемы контроля за качеством сложного по содержанию отчужденного труда приводит к обратным результатам. Таким образом, частный интерес капитала — стремление к экономии на фонде заработной платы и аппарате контроля за качеством труда — стимулирует преимущественное воплощение результатов научно-технического прогресса в технико-организационных компонентах производительных сил, к торможению развития их человеческого компонента в пределах, поставленных взаимозависимостью компонентов. Творческое содержание наемного труда сводится поэтому к допустимому минимуму.

В этом же направлении воздействуют на развитие научно-технического прогресса и общие интересы капитала, заключающиеся прежде всего в поддержании стабильности системы классового господства. Неразвитость, несознательность эксплуатируемых масс всегда служила орудием социального угнетения. Определенную роль играет также и заинтересованность правящего класса в замедлении роста затрат на развитие си-

стемы образования, являющихся одним из «социальных ограничений» на самовозрастание капитала.

Наконец, не следует, вероятно, сбрасывать со счетов и особые интересы слоя капиталистических управляющих. Объективно возрастающая способность рабочих самостоятельно управлять своим трудом и производством вообще несет с собой потенциальную опасность подрыва социального статуса менеджмента. Правомерно поэтому предположить наличие у его представителей стремления к ограничению возможностей реализации новых способностей рабочих. Стремление это непосредственно диктуется заботой о предупреждении «кризиса власти менеджмента», а в конечном счете — заботой о сохранении контроля над производством со стороны предпринимателей.

Для иллюстрации существующей при капитализме тенденции развития научно-технического прогресса в направлении все большей деградации трудовых функций обратимся к социальным последствиям автоматизации. Проблема благоприятных или неблагоприятных социальных последствий автоматизации в условиях капитализма (включая ее воздействие на содержание труда) является дискуссионной[1]. Очевидно, что успешному завершению дискуссии препятствуют не только трудность сбора и несовершенство используемой информации, но и остро политическое значение получаемых выводов. Представляется, однако, что наиболее убедительным аргументом в этом споре должен стать не столько метод сбора и анализа статистического материала, сколько реакция на автоматизацию со стороны самих трудящихся капиталистических стран.

Между тем известно, что именно в период «микропроцессорной революции» профессиональные союзы вынуждены были перейти к активной позиции в вопросах технологической политики корпораций. Наученные горьким опытом, рабочие не поддаются навязываемой им эйфории в связи с успехами автоматизации, рассматривая ее как реальную угрозу не толь-

---

[1] Противоречивые суждения по этому вопросу высказываются и советскими исследователями. Общепризнанной в экономической литературе является поляризация квалификации рабочих вследствие капиталистической автоматизации, выделение, с одной стороны, немногочисленного слоя рабочих с высокой квалификацией широкого профиля, с другой — массы узкоспециализированных рабочих. При этом В. В. Кревневич делает акцент на росте количества малоквалифицированной, дешевой, легкозаменяемой рабочей силы, тогда как Н. Иванов считает, что в целом по мере дальнейшего внедрения микроэлектронной техники общий уровень профессиональной подготовки рабочих повышается (Кревневич В. В. Указ. соч. С. 209; Иванов Н. Социально-экономические последствия массового применения микроэлектроники//Мировая экономика и международные отношения. 1984. № 6. С. 49).

ко занятости, но и условиям и содержанию труда. Среди требований, выдвигаемых рабочими организациями, появились такие, как «эргономический контроль за условиями труда», «никакого нового оборудования без согласия профсоюзов» и т. д.; некоторые профсоюзы стали прибегать даже к созданию специальных научно-технических служб с целью своевременного предупреждения рабочих о вероятных трудностях (дроблении трудовых функций, росте темпа, снижении безопасности труда) в связи с внедрением новых технологий.

Один из кульминационных моментов в борьбе рабочих против технологической политики капитала — разработка объединенным профсоюзом сотрудников английской компании «Лукас Аэроспэйс» собственной программы развития производства, включавшей 150 новых наименований продукции и рекомендации по технологии и организации их производства (1974—1976 гг.). Предложенные в программе производственные процессы не должны были быть «опасными, загрязняющими, эксплуататорскими, отчуждающими». Они должны были «повысить удовлетворение от труда» и «позволить всем участникам оказывать реальное влияние на процесс производства»[1].

Программа была категорически отвергнута высшим руководством корпорации, но получила широкую известность во многих странах, нашла отклик у рабочих Западной Европы и США. По мнению английских ученых Д. Албари и Дж. Шварца, она «достигла крайне важного результата — доказала, что рабочий класс способен формулировать свои собственные представления о том, как следует... осуществлять выбор технологии»[2]. Добавим, что она лишний раз продемонстрировала факт существования острого противоречия между интересами труда и капитала в вопросах научно-технического прогресса.

Рабочие непосредственно заинтересованы в овладении квалификацией широкого профиля, обеспечивающей им не только возможность более высокой зарплаты и более содержательного труда, но и меньшую степень зависимости от изменений на рынке труда. Предприниматели и управляющие как с точки зрения задачи максимизации прибыли, так и с точки зрения потребности в подчинении труда капиталу заинтересованы в использовании низкоквалифицированной, дешевой и безропотной рабочей силы. Борьба между трудом и капиталом отчасти объясняет наличие отмечаемых исследователями противоречивых результатов воздействия автоматизации (и вооб-

---

[1] Carnoy M., Shearer D. Economic Democracy. N. Y., 1980. P. 223, 226, 227.
[2] Albury D., Schwartz J. Partial Progress. L., 1982. P. 170—171.

ще научно-технического прогресса) на содержание наемного труда. Но противоречивость тенденций развития содержания труда в условиях капитализма усугубляется еще и в связи с непосредственным ущербом, неизбежно наносимым интересам капитала в случае его полной победы в этой области.

Дальнейшее дробление и упрощение трудовых функций на фоне качественно нового уровня социального развития рабочего класса, при наличии у него новых ценностных ориентаций в процессе труда породило так называемый «кризис трудовой мотивации». Разработанные Ф. Тэйлором и Дж. Фордом научные принципы эксплуатации труда в 70—80-е годы XX в. оказались «слишком отчуждающими» и антипроизводительными. Растущий уровень неудовлетворенности рабочих своим трудом стал приводить к крупным экономическим потерям в связи с усилением текучести кадров (несмотря на безработицу), ростом абсентеизма, обострением забастовочной борьбы, снижением качества продукции[1]. Традиционные для капитализма экономические методы принуждения к труду оказались недостаточно действенными. Идеологическая обработка рабочего класса с упором на потребительство также потребовала обновления.

В какой-то мере стала осознаваться и невыгодность огромного недоиспользования «человеческих ресурсов» рабочих, их знаний, интеллекта, способностей к проявлению инициативы и др. Любопытно, что по результатам одного исследования содержания труда рабочих различных специальностей неожиданно высокую оценку получил труд по управлению автомобилем. Оказалось, что только 13 % обследованных рабочих мест требовали более высокой квалификации. Вывод о том, что 87 % обследованных рабочих «затрачивают больше умственных усилий и изобретательности на то, чтобы добраться до рабочего места, чем на выполнение самой работы»[2], наглядно продемонстрировал масштабы существующего разрыва между потенциальными и реальными для капитализма возможностями использования трудовых ресурсов.

В создавшихся условиях капитал предпринимает попытки перехода к принципиально иным формам эксплуатации, нацеленным на максимальное смягчение отчуждения трудящихся, на дополнение механизма экономического принуждения к труду механизмом внутреннего побуждения. Для этого по-

---

[1] Подробнее см.: Карпухин Н. Д. Капиталистическая эксплуатация сегодня. М.: Мысль, 1982. С. 45—61.

[2] Blackburn R. N., Mann M. The Working Class in the Labour Market. Cambridge Univ. Press., 1979. P. 280.

требовались не только новые методы организации труда и управления производством, но и новые технологии.

Примером радикальной технологической модернизации, спровоцированной необходимостью учета фактора «социальной изменчивости», является отказ от конвейера и замена его сборкой продукции в автономных бригадах. Такое направление технологического развития нацелено прежде всего на обогащение содержания труда работающих, расширение их самостоятельности, повышение ответственности и в конечном счете на увеличение их заинтересованности в самом процессе труда, смягчение «самоотчуждения» рабочих как важнейшего тормоза роста производительности труда. Необходимость удовлетворения социальных и личностных, а не только материальных потребностей трудящихся выступает, таким образом, новым социальным ограничением возможностей специфически капиталистического направления развития научно-технического прогресса, усиливает противоречивость современных тенденций последнего.

Правда, как раз технологическая перестройка производства в указанном направлении является одним из узких мест в процессе приспособления капитализма к новой системе трудовой мотивации рабочих. Более широкое распространение получили новые формы организации труда на старой технологической основе — ротация трудовых постов и расширение трудовых функций (простейшие формы), «обогащение труда», создание автономных самоорганизующихся групп рабочих с коллективной ответственностью за конечные результаты. Во многих капиталистических странах распространяется японский опыт организации рабочих кружков «контроля качества». Нередко рабочих пытаются привлечь к решению технических вопросов проектирования новой продукции, повышения конкурентоспособности фирмы.

Инициатива в обеспечении участия рабочих в управлении зачастую исходит от профсоюзов. Однако мотивы такого рода требований со стороны рядовых членов профсоюзов и со стороны представителей их реформистской верхушки вряд ли совпадают. Требования первых являются отражением растущего осознания трудящимися факта отчуждения их труда, результатом их нежелания мириться с бесправным положением в экономике, свидетельством формирования будущих действительных хозяев производства. Что же касается вторых, то их цель — содействовать усилиям предпринимателей в деле создания «нового социального мира». Их способ мышления достаточно откровенно выразил авторитетный эксперт профсоюзного объединения АФТ-КПП (США) Р. Шранк, заявивший: «Снижение темпов промышленного роста не позволяет

больше «ублажать» трудящихся увеличением их покупательной способности и расширением социальных льгот; профсоюзное движение делает теперь упор на «распределение обязанностей» (а в иных случаях и убытков) и на улучшение обстановки на рабочих местах»[1].

Появление новых способов социального маневрирования свидетельствует о том, что «капиталист не может больше эффективно эксплуатировать труд при помощи шантажа и насилия. Он стремится в какой-то степени добиться от рабочего отношений сотрудничества, укрепить единство интересов рабочего и корпорации»[2]. Главным способом достижения этой цели избрано поощрение возникающего у рабочих интереса к процессу труда, особенно обогащенного элементами труда по управлению, смягчение всех многочисленных форм отчуждения косвенным образом через смягчение отчуждения в его первичной форме («самоотчуждение»)[3].

Наряду с этим предпринимаются попытки непосредственного смягчения отчуждения рабочих от собственности на средства производства и продукцию их предприятия. Еще в конце XIX в. возникла практика продажи мелких акций представителям трудящихся классов, подкреплявшаяся апологетическими лозунгами «диффузии собственности» и «демократизации капитала». В современных условиях буржуазия все больше оказывается вынужденной дополнять политику социального маневрирования в общенациональном масштабе социальным маневрированием на уровне отдельных предприятий и корпораций; популярной становится практика продажи части акций собственным служащим[4]. Цель таких действий — добиться максимально возможной в условиях капитализма степени идентификации личных интересов работников с интересами фирмы путем весьма ограниченного по своим масштабам соединения собственности с трудом.

Характерно, что в обмен на такие «уступки» предприниматели пытаются добиться от рабочих реальных экономических уступок, прикрываясь призывами к совместному преодо-

---

[1] Цит. по: Ростиашвили К. Д. Трудовые отношения в 80-е годы // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 10. С. 54.

[2] Littler C. R., Salaman G. Class at Work. L., 1984. P. 56.

[3] Подробнее о теориях и практике буржуазной «гуманизации» процесса труда см.: Карпухин Н. Д. Указ. соч.; Вильховченко Э. Д. Указ. соч.; Вильховченко Э. Эволюция капиталистической рационализации труда (70—80-е годы) // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 3; Иванов Н. Проблема человеческого фактора на современном этапе НТР и противоречия капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 5.

[4] Изюмов А. И. Демократизация собственности в американских корпорациях // США: экономика, политика, идеология. 1987. № 7.

лению «общих» для обеих сторон проблем конкурентоспособности предприятий. Так, американская авиакомпания «Истерн Эйрлайнс», столкнувшись с серьезными финансовыми трудностями, пошла на продажу 25 % акций работникам компании, а также допустила профсоюзы своих служащих к участию в формировании цен и распределении капитала. Однако в обмен она потребовала согласия профсоюзов на отчисление 20 % фонда заработной платы на осуществление проекта по обновлению основного капитала[1]. Таким образом, предприниматели пытаются превратить рабочих в своих союзников, развить у них своеобразный «фирменный патриотизм».

Той же задаче служит и практика расширения спектра отношений найма — дополнения традиционных обязательств нанимателя по оплате рабочей силы рядом обязательств по социальному обеспечению работника, предоставлению ему жилья, гарантированному продвижению по службе и т. д. Такого рода патерналистские отношения между руководством компаний и служащими, наиболее распространенные в Японии, сейчас берутся на вооружение во многих странах Запада. Они (как и продажа служащим части акций) призваны создавать у трудящихся иллюзию прямой зависимости их благосостояния от успешности экономической деятельности фирмы, развивать у них «хозяйское» отношение ко всему, что происходит на предприятии. Однако и с помощью этих мер капитализм, основным законом распределения которого попрежнему является оплата труда в соответствии со стоимостью рабочей силы, т. е. вне прямой связи с результатами ее реализации, не может обеспечить единства личных материальных интересов работника с интересами производства.

Отмечая неизбежную ограниченность политики смягчения отчуждения труда при капитализме, ни в коем случае не следует отрицать и того, что новейшие буржуазные методы формирования трудовых отношений, разработанные с учетом роста важности фактора отчуждения, способны приводить к высоким результатам, зачастую не достигаемым и на социалистических предприятиях.

Массовое экономическое сознание (как в капиталистических, так и в социалистических странах) отражает лишь внешнюю форму экономических отношений. Отсюда объективная возможность парадоксального на первый взгляд явления — более высокого уровня сознательной трудовой дисциплины на некоторых капиталистических предприятиях, чем на многих социалистических. Очевидно, что сегодня мы столкнулись с реальной опасностью уступить капитализму в приспособлении

[1] США: экономика, политика, идеология. 1986. № 10. С. 52.

своих экономических форм к необходимости активизации «человеческого фактора».

Оценивая масштабы распространения перечисленных приспособительных реакций современного капитализма, отметим, что, по мнению советских исследователей, к политике «гуманизации труда», «управления с участием» и т. д. чаще всего прибегают либо компании, оказавшиеся в трудном экономическом положении, либо, наоборот, крупнейшие процветающие корпорации, наиболее устойчивые к конъюнктурным колебаниям, сумевшие на рубеже 80-х годов перейти от экспериментов в области политики смягчения отчуждения к превращению ее в постоянную практику. Наряду с этим кризис трудовой мотивации преодолевается также путем целенаправленного снижения уровня социального развития занятых, а его неблагоприятные последствия для производства путем усиления традиционного для капитализма экономического принуждения к труду.

Максимальная автоматизация всех производственных процессов позволяет отдельным капиталистическим предприятиям практически снять с повестки дня проблему формирования трудовой мотивации рабочих. К тому же вытесняемая с таких предприятий рабочая сила существенно утяжеляет пресс безработицы, заставляющий оставшихся рабочих мириться с ухудшением их положения. Усиление экономического принуждения к труду позволяет предпринимателям игнорировать значение кризиса трудовой мотивации (как осознанной формы проявления отчуждения от процесса труда), хотя и не ликвидирует его для самих рабочих.

Распространенным способом преодоления кризиса как такового является использование в развитых капиталистических странах труда иммигрантов с гораздо более низким уровнем развития потребностей и мотивов труда, ориентированных преимущественно на оплату труда и практически равнодушных к его содержанию. Аналогично действует и вывоз капитала из развитых капиталистических стран в развивающиеся, где низкоквалифицированная рабочая сила подвергается сверхэксплуатации на основе тэйлористских и фордистских методов, все менее применимых в условиях высокого уровня социального развития трудящихся. И тот и другой метод позволяют также преодолевать последствия мотивационного кризиса у рабочих основной национальности в странах Запада, поскольку наряду с автоматизацией способствуют увеличению безработицы среди них.

Политика снижения уровня социального развития занятых, неотделимая от политики усиления экономического принуждения к труду, способствует сохранению преобладания старых

форм капиталистической эксплуатации. Специалист в области проектирования рабочих мест Дж. Тэйлор отмечал в конце 70-х годов, что управляющие «по-прежнему предпочитают минимизировать краткосрочные издержки производства, вместо того, чтобы сделать акцент на долгосрочном подходе... основанном на признании экономических потерь от фрустрации работника и учете фактора его удовлетворенности и трудовой мотивации»[1].

Нет никаких сомнений в том, что подобный «опыт» борьбы с отчуждением труда в капиталистических странах абсолютно неприемлем для социализма. Во-первых, социализм не может и не должен подражать капитализму в жесткости принуждения к труду. Во-вторых, именно торможение социального развития трудящихся, закономерное для капитализма, объективно облегчает социализму задачу реализации своих преимуществ, связанных с возможностью установления динамического соответствия между социальным и экономическим прогрессом.

Экономическое принуждение, являясь основной формой принуждения к труду в условиях капитализма, никогда не исключало полностью необходимости внешнего контроля за самим процессом труда. Эффективность политики смягчения отчуждения связана, в частности, как раз с уменьшением издержек по контролю за трудом, поскольку предполагает передачу самим рабочим значительной части ответственности за его количество и качество. В условиях, когда сама технология производства требует от работающих не только точного соблюдения определенных правил, но и проявления инициативы, самостоятельного принятия решений, это единственный путь эффективной эксплуатации их труда.

Однако, во-первых, капитал, как правило, не заинтересован в таком направлении технологического развития; даже в наиболее передовых отраслях воспроизводятся виды труда, требующие минимальной самостоятельности и ответственности со стороны исполнителей. Компьютерное программирование для большинства программистов сводится к заполнению стандартных централизованно формируемых программ; труд инженеров по ремонту сложного оборудования — нередко к замене вышедшего из строя блока или детали после получения соответствующего сигнала от автоматики. Во-вторых, даже сложный, творческий труд капитал зачастую пытается контролировать методами грубого надзора. Новейшим орудием такого надзора стала микропроцессорная техника, используемая фактически для «тэйлоризации» труда рабочих в «белых во-

---

[1] Taylor J. Job Design Criteria Twenty Years Later // Davis L. E.and Taylor J. C. (eds.). Design on Jobs. 2nd edn. Santa Monica, 1979. P. 61.

ротничках». Примером может служить и предпринятая в 1980 г. в Великобритании попытка оснастить все грузовые автомобили «тахографами» («шпионами в кабинах») для сбора разнообразной информации о режимах работы водителей. Эта попытка натолкнулась на активное сопротивление водителей и была оставлена[1].

Смягчение негативных последствий отчуждения труда путем сведения к минимуму зависимости производственного процесса от отношения к труду каждого отдельного работника означает неизбежно и минимизацию вклада каждого работника в конечный результат деятельности предприятия. Что же касается новейших технических возможностей капитализма в совершенствовании надзора за трудом, то современный опыт такого надзора уже показал его низкую эффективность. Управляющие столкнулись со своеобразной «спиралью отчуждения»: «Чем строже контроль за функционированием рабочей силы сегодня, тем более строгий контроль потребуется завтра»[2]. Игнорирование формирующейся у рабочих потребности в самостоятельном и ответственном труде приводит к росту их неудовлетворенности, к усилению их отчуждения от процесса труда.

Заметим, что этот последний вывод, полученный в условиях капиталистических предприятий, тем более применим к условиям социализма, чем выше уровень социального развития тружеников. Свидетельством его актуальности являются нередкие выступления отдельных рабочих и трудовых коллективов против деятельности госприемки. В их основе — не только желание «легкой жизни». Вероятно, степень долгосрочного негативного воздействия госприемки на процесс формирования трудовой мотивации рабочих заслуживает специального исследования наряду с распространенными сейчас исследованиями ее немедленных и достаточно очевидных позитивных последствий для качества продукции.

Особую проблему для капитала составляет трудовая мотивация управленческих кадров. Управление, отделенное не только от труда, но и от собственности, неизбежно бюрократизируется, т. е. начинает подчиняться собственным интересам прослойки управляющих. Особенно страдают от бюрократизации крупнейшие производственные единицы, отягощенные разбухшим административным аппаратом. Не случайно буржуазные специалисты в области концентрации производства и капитала трактуют экономические потери от бюрократизации управления как имманентный недостаток всех крупных

---

[1] Albury D., Schwartz J. Op. cit. P. 147—150.
[2] Littler C. R. Salaman G. Op. cit. P. 36.

организационных структур, как часть «издержек масштабности» («diseconomies of scale»). Последние проявляются, в частности, в «творческой инертности гигантизма», в его недостаточной восприимчивости к новым технологиям, безразличии к смелым идеям изобретателей[1].

Своеобразным способом компенсации последствий отчуждения от управленческого труда, особенно характерного для крупных капиталистических предприятий и корпораций, стало использование монополиями преимуществ мелкого бизнеса. Соединяя, как правило, собственность и управление, а также создавая относительно бóльшие возможности для организации управления с «участием» рабочих, мелкий бизнес берет на себя роль «венчурного» (рискового) капитала, становится для крупного капитала важнейшим источником коммерчески выгодных изобретений и инноваций. По некоторым данным, в США 22 %, а в Великобритании 33 % идей, успешно реализованных крупными монополиями, были заимствованы у мелких фирм[2].

Марксистские исследователи положения мелкого бизнеса (в отличие от мелкобуржуазных теоретиков) реалистично указывают на весьма относительный в современных условиях, почти номинальный характер его независимости от крупного капитала. Заметное расширение сферы деятельности мелких фирм, причем зачастую в наиболее передовых в научно-техническом отношении отраслях, ни в коей мере не противоречит тезису об экономических преимуществах концентрированного производства. Однако это неизбежно заставляет задуматься о необходимости дополнительного изучения специфических достоинств мелких экономических единиц в плане возможностей смягчения в их рамках проблем отчуждения труда.

Проблема отчуждения массы населения капиталистических стран от научного труда в условиях научно-технической революции приобретает особое значение и заслуживает специального рассмотрения. Ярко проявившиеся в 70-е годы негативные последствия капиталистического научно-технического прогресса — рост безработицы и поляризация квалификационного уровня рабочих, ухудшение экологических условий труда и быта людей, нерациональное использование ценных природных ресурсов и т. д. — способствовали широкому осознанию его роли как еще одной могущественной силы в руках капитала. Одновременно с усилением антитехницистских наст-

---

[1] Blair J. M. Economic Concentration: Structure, Behavior and Public Policy. N. Y., 1972. P. 228—251.

[2] Рубе В. А. Сотрудничество или эксплуатация? (Мелкий бизнес глазами буржуазных экономистов). М.: Мысль, 1986. С. 135.

рений, возрождением «неолуддизма» хождение получили концепции «альтернативной», «неотчуждающей», «специфически социалистической» науки и техники. Возникли многочисленные общественные и научные организации, нацеленные на практическую реализацию подобных идей[1], начали издаваться специальные журналы[2]. Инициаторами их создания и идейными вдохновителями стали либерально-буржуазные и леворадикальные ученые, обеспокоенные антигуманными последствиями ускоряющегося научно-технического прогресса, а также связанным с этим ростом социальной напряженности.

Большая группа западных ученых занимается сейчас разработкой проблем социальной специфики капиталистического и социалистического развития науки и техники с позиций, приближающихся к марксистским. К таким исследованиям их побуждает как изменение их собственного социального положения (прогрессирующий процесс «пролетаризации» интеллигенции, потеря ею многих привилегий «среднего» класса, усиление отчуждающего контроля капитала за процессом научного труда), так и болезненное осознание враждебности результатов их труда, направляемого правящим классом, интересам подавляющей части населения. Обостренная потребность многих представителей западной интеллигенции в труде на благо всего общества толкает их к поиску возможностей высвобождения науки из-под ига капитала, подчинения ее развития интересам трудящихся, прежде всего интересам преодоления отчуждения труда. Однако, оставаясь под значительным влиянием буржуазной политической экономии, они зачастую либо останавливаются на буржуазном реформизме (поставляя предпринимателям рецепты «гуманизации труда»), либо склоняются к реакционному утопизму.

В развернувшихся поисках «неотчуждающего» направления развития науки и техники по существу проявляется особая разновидность порождаемого капитализмом кризиса трудовой мотивации, характерная для работников творческого умственного труда. Она свидетельствует, в частности, о принципиальной неспособности капитализма обеспечить полное преодоление отчуждения работников от процесса труда путем его интеллектуализации, т. е. как раз тем путем, на который в настоящее время возлагаются наибольшие надежды. Дело в том, что более сложный труд требует и более сложной системы

---

[1] Следует назвать Группу по разработке промежуточной технологии (Великобритания) и Британское общество за социальную ответственность в науке, Институт новой алхимии (США) и Национальный центр по разработке подходящей технологии со штабом в Вашингтоне.

[2] RAIN; Whole Earth Catalog; Co-Evolution Quarterly (San Francisco); Under Currents.

стимулов, среди которых неизбежно появляется потребность в сознании общественной полезности своего труда. Наличие же антагонистических противоречий между интересами капитала и подчиненного им производства, с одной стороны, и интересами широкой общественности — с другой, исключает возможность существования такого рода стимулов в широких масштабах.

Показательно, что согласно упоминавшемуся уже плану развития производства, выдвинутому рабочими компании «Лукас Аэроспэйс», примерно половина всех новых видов продукции, являясь общественно необходимой, заведомо не была выгодной в рыночном отношении. Это свойство рабочей программы, на наш взгляд, демонстрирует высокий уровень социального развития трудящихся, причем не только «белых», но и «синих воротничков», их готовность в некоторых случаях предпочесть удовлетворение потребностей высшего порядка (в данном случае — потребности в участии в решении общественно значимых проблем, зачастую игнорируемых капиталом) расширенному удовлетворению своих простейших потребностей, непосредственно связанных с уровнем материального благосостояния.

Результатом высокого уровня социальной активности широких масс трудящихся Запада стало формирование в 70-е годы массовых демократических движений. Многие из них — экологическое, антиядерное, «альтернативное» — несут на себе явственный отпечаток отчуждения населения от буржуазной науки и опираются на различные варианты концепции «некапиталистической технологии». Эти движения обозначили возникновение новых направлений классовой борьбы, вызванных к жизни прогрессирующим отчуждением трудящихся капиталистических стран, в том числе специфическим отчуждением от труда в сфере науки и управления общественным развитием.

В некоторых философских исследованиях нарастание классовой борьбы трактуется как признак преодоления отчуждения первоначально в сознании трудящихся постольку, поскольку они начинают предъявлять претензии на продукты своего труда[1]. На наш взгляд, развитие классовой борьбы в условиях капитализма свидетельствует не о преодолении отчуждения (хотя бы и частичном), а об осознании трудящимися факта своего отчуждения, вследствие чего отчуждение (как объективно обусловленное, но субъектное явление) только усиливается.

Положение о классовой борьбе как свидетельстве частичного преодоления отчуждения логически вытекает из понимания отчуждения как явления, преимущественно принадлежащего к области общественного сознания.

---

[1] Курелла А. Указ. соч. С. 197—206; Арнольд А., Янсон Т. и др. Отчуждение и гуманность. Пер. с нем. М.: С. 112.

Сбалансированное представление об этой категории как субъектно-объективной, фиксирующей одну из наиболее существенных связей между экономическими условиями, экономическим сознанием и экономической деятельностью, позволяет пересмотреть это положение. В таком случае развитие классовой борьбы следует считать результатом дальнейшего роста отчуждения как осознанной трудящимися невозможности удовлетворения их личных потребностей благодаря процессу и результатам общественного производства в его капиталистической форме.

Итак, социальное развитие трудящихся в условиях капитализма является относительно самостоятельным процессом, необходимым с точки зрения дальнейшего развития производительных сил, но противоречащим интересам классового господства буржуазии. Усиливая имманентные капитализму явления отчуждения, социальное развитие становится важнейшей причиной обострения классовой борьбы. Торможение же социального развития, характерное для капитализма вообще и в связи с необходимостью смягчения проблем отчуждения в частности, чревато торможением прогресса производительных сил, подрывом позиций капитализма в экономическом соревновании с социализмом.

Доступные капитализму методы частичного преодоления или нейтрализации негативных последствий отчуждения труда неизбежно носят паллиативный характер. Создавая (хотя и в ограниченных пределах) дополнительные возможности для реализации растущих способностей трудящихся в процессе производства, предприниматели тем самым вынужденно содействуют их дальнейшему социальному развитию, создают условия для обострения отчуждения труда (как противоречия между потребностями рабочих и их трудом) на новом, более высоком уровне.

Показательны в этом отношении указания западных исследователей на наличие или даже усиление осознанного отчуждения труда среди рабочих — членов «кружков качества», «групп высказывания» и других оргструктур, созданных во многом специально для противодействия осознанию трудящимися своего отчуждения. Объяснение этого феномена кроется в расширении для рабочих возможностей непосредственного столкновения с противоположностью интересов труда и капитала в процессе принятия управленческих решений, в облегчении для них понимания того, кто действительно получает выгоду от их участия в управлении[1].

Важное значение имеют, на наш взгляд, признаки обострения осознанного отчуждения труда среди представителей за-

---

[1] Подробнее см. Хлопин А. Д. Изменение капиталистической организации труда и личность работника // Рабочий класс и современный мир. 1987. №6. С. 37—39.

падной научно-технической интеллигенции. Они свидетельствуют не только о бессилии политики «интеллектуализации труда», проводимой в условиях капитализма, снять с повестки дня проблему негативных последствий экономического отчуждения. По сути дела кризис трудовой мотивации научных работников обозначил важнейший предел, в конечном счете ограничивающий возможности развития капитализма. Это — принципиальная неспособность капиталистического экономического развития обеспечить удовлетворение закономерно возникающих у трудящихся высших потребностей — в труде на благо всего общества, в общественном признании своих трудовых достижений.

Не будучи способным остановить процесс социального развития трудящихся и предотвратить обострение осознанного отчуждения труда, капитализм прибегает к нейтрализации его негативных проявлений путем усиления экономического давления на трудящихся, прежде всего через рост угрозы безработицы. Однако и этот путь в конечном счете ведет к усилению классовой борьбы как активной формы проявления осознанного отчуждения.

Если с точки зрения капиталистической экономики проявления осознанного отчуждения в пассивной форме кризиса трудовой мотивации или в активной форме классовой борьбы имеют негативное значение, то с точки зрения исторического прогресса общества они, напротив, играют явно позитивную роль. Они стимулируют «подтягивание» капиталистического экономического развития к опережающему его социальному развитию. Они заставляют предпринимателей идти на уступки трудящимся, допуская частичное удовлетворение их возвышающихся потребностей, в том числе путем ограниченного развития новых организационных и технических компонентов производительных сил. Однако такие уступки в условиях капитализма неизбежно приводят к новому болезненному обострению противоречия между социальным и экономическим развитием на более высоком уровне, к расширенному воспроизводству осознанного отчуждения труда.

Характерное для современного этапа беспрецедентное ускорение процесса социального развития трудящихся (в глобальном масштабе, хотя и при наличии существенных особенностей в рамках различных социально-экономических систем) выдвигает этот процесс в разряд ведущих движущих сил развития как капитализма, так и социализма[1]. Опыт ка-

---

[1] Такое утверждение ни в коей мере не противоречит ни признанию ведущей роли производительных сил в развитии способа производства, ни признанию роли классовой борьбы как главного двигателя прогресса

питализма все отчетливее демонстрирует потенциальные преимущества социалистического общественного строя, при котором социальное развитие является непосредственной целью и стимулом развития экономического, а противоречие между ними не доходит до острого разрыва.

4. Отчуждение труда глазами левых радикалов

Объективной заслугой леворадикальных философов, социологов и экономистов является привлечение внимания широкой западной общественности к проблеме обострения отчуждения труда в течение последних двух-трех десятилетий. В теоретическом плане и особенно в плане анализа эволюции взглядов К. Маркса проблема отчуждения труда и ранее разрабатывалась буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками[1].

Однако именно с началом формирования леворадикального течения, т. е. примерно со второй половины 60-х годов, отчуждение труда выдвинулось в качестве одной из центральных тем целого ряда немарксистских обществоведческих теорий.

Указывая на некоторые из таких теорий, выдвинутые в 70—80-е годы, мы попытаемся по возможности разделить утопические и реакционные взгляды, с одной стороны, и практически действенные, интересные с точки зрения развития политэкономического содержания марксистской теории отчуждения — с другой. Речь может идти не только о дальнейшем обогащении научной теории отчуждения труда на основании обобщения явлений современного капитализма, но и о постановке качественно новых теоретических проблем отчуждения труда в условиях реального социализма. Такой подход к анализу леворадикальных концепций оправдан в той мере, в какой отчуждение при социализме либо является унаследованным от капитализма, либо усиливается процессами, общими для всех индустриально развитых стран.

антагонистических формаций. Дело в том, что само социальное развитие трудящихся классов в качестве относительно самостоятельного исторического процесса определяющим образом влияет как на развитие производительных сил, прежде всего их доминирующего личного компонента, так и на развитие классовой борьбы, изменение ее масштабов и непосредственных целей.

[1] Подробнее см.: Лейбин В. М. Философия социального критицизма в США. М.: Наука, 1967; Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977; Социальная философия Франкфуртской школы (критические очерки). М.: Мысль, Прага: Свобода, 1975 и др.

Непосредственным импульсом к широкому распространению проблематики отчуждения труда в западной литературе послужил, вероятно, заметный рост значения «человеческого фактора» в механизме функционирования капитализма 70—80-х годов.

Одновременно характерное для новейшего периода развития капитализма обострение кризисных явлений во всех сферах общественной жизни способствовало постановке задач кардинального преобразования буржуазного строя, закономерно усиливая интерес немарксистских исследователей к философскому и экономическому наследию К. Маркса.

Наиболее приемлемыми для представителей «новых средних слоев», формирующих социальную базу левого радикализма, оказались труды периода раннего марксизма. Характеризующиеся постепенным переходом от философии к политической экономии и от революционного демократизма к коммунизму, эти работы импонируют леворадикальным, мелкобуржуазным по сути теоретикам относительной (по сравнению с этапом зрелого марксизма) поверхностностью категориального отражения капиталистической действительности, большей «субъективизацией» экономических отношений. Именно на этом этапе в центре экономических исследований К. Маркса стояло субъектное отношение отчуждения труда.

Практически игнорируя зрелое экономическое учение К. Маркса, дающее ключ к пониманию капиталистического отчуждения труда, леворадикальные теоретики, отталкиваясь от некоторых положений К. Маркса развивают собственную, во многом модернизированную, теорию отчуждения. Прежде всего они исключают из предложенной К. Марксом внутренне увязанной системы аспектов отчуждения труда ее важнейшее звено — отчуждение рабочего от «не-рабочего» (капиталиста).

Другие аспекты — отчуждение рабочего от процесса труда, от продукта труда, от природы, а также рабочего от рабочего — они пытаются анализировать в отрыве от классовых противоречий. Неудивительно, что у них возникает представление о полном совпадении рассматриваемых проблем в капиталистическом и в социалистическом обществах. Причины отчуждения труда и соответственно пути его преодоления левые радикалы ищут в:

1) конструкции существующей техники и технологии;

2) «чрезмерно» высоком уровне обобществления производства;

3) сложившихся формах общественного сознания. Чаще всего все эти факторы рассматриваются во взаимной связи, реже акцент делается на одном из них.

Идейные истоки современных леворадикальных концепций отчуждения труда следует, видимо, искать в трудах лидеров Франкфуртской школы. Именно они заложили традицию анализа этого явления как порождения не столько капиталистических производственных отношений, сколько капиталистических производительных сил, а если точнее — техники и технологии.

Так, Г. Маркузе еще в 1941 г. выступал против системы Тэйлора как «модернизированной автократии», в которой «законы физической науки и технологической рациональности неразделимо слиты с капиталистическим мотивом прибыли»[1].

Позднее, уже в рамках созданной им в 60-е годы концепции «одномерного человека», он писал: «Не только применение технологии, но и сама технология представляет собой господство... Специфические цели и интересы не навязываются технологии «задним числом» и извне; они входят в саму конструкцию технического аппарата»[2]. Другой крупный теоретик Франкфуртской школы Э. Фромм подробнее развил тему отчуждающей по своей природе технологии в книге «Революция надежды». В этой книге он попытался наметить путь «к возрождению гуманизма и надежды, к обществу, которое поставит технику на службу благополучию человека»[3]. Для определения параметров такого общества он предложил «ввести человеческий фактор» в анализ социально-экономической системы[4].

Непосредственным источником вдохновения для многих авторов современных концепций отчуждения труда явилась книга английского экономиста Е. Ф. Шумахера под названием «Малое прекрасно. Экономическая наука, признающая значение людей». В ней автор обвинил все господствующие течения «экономикс» в том, что они «не принимают в расчет бедняков» и призвал к созданию «новой системы мышления, основанной на внимании к человеку, а не товарам прежде всего»[5]. «Человеческой природе», по мнению Шумахера, противоречит все чрезмерно большое и сложное, превышающее определенный «человеческий масштаб». Она «восстает против нечеловеческих технологических, организационных и

---

[1] Marcuse H. Some Social Implications of Modern Technology // The Essential Frankfurt School Reader. Oxford, 1978.

[2] Marcuse H. Negations. L., 1968. P. 223 f.

[3] Fromm F. The Revolution of Hope. Towards a Humanized Technology. Toronto, 1968. P. VII.

[4] Ibid. P. 4.

[5] Schumacher E. F. Small is Beautiful. A Study of Economics as if People mattered. L., 1973. P. 68.

политических условий, воспринимаемых ею как сковывающие и удушающие»[1]. Выход он видел в создании «нового образа жизни, отвечающего потребностям человеческого организма»[2].

Поскольку люди «могут оставаться самими собой только в мелких, понятных им коллективах», необходимо, по логике Шумахера, стремиться к сокращению масштабов последних[3]. Вообще «все материальное, включая организации, должно иметь определенный человеческий масштаб, иначе оно становится антигуманным»[4]. Однако, как пишет Шумахер, «мы всегда должны иметь в виду два одновременных требования — порядок и свободу». Порядок необходим в качестве условия высокой эффективности, свобода — в качестве условия интуитивных действий и обновления[5]. Поэтому, заключает он, «основной задачей является достижение мелкомасштабности в рамках крупных организаций»[6].

Таким образом, весьма радикальный на первый взгляд заголовок книги «Малое прекрасно» в конце концов свелся к гораздо более практичному, вполне приемлемому для буржуазного реформизма положению: «Малое прекрасно... внутри большого»[7].

Экономические реформы, предложенные Шумахером в целях «гуманизации» общества, оказались достаточно осторожными. Применительно к мелким предприятиям — сохранение частной собственности как «естественной, плодотворной и справедливой»; применительно к предприятиям среднего размера — замена «функционально излишней» частной собственности кооперативной собственностью занятых на них работников при обязательном условии добровольного согласия на это их прежних владельцев; применительно к крупным предприятиям — пятидесятипроцентное участие местных властей в акционерном капитале плюс контроль за управлением ими со стороны демократически избранных местных комитетов[8]. Однако не этим предложениям Шумахер обязан большим количеством своих последователей. Широкую известность и дальнейшее развитие получили выдвинутые им (во многом вслед за лидерами Франкфуртской школы) идеи «человеческого

---

[1] Schumacher E. F. Op. cit. P. 137.
[2] Ibid. P. 142.
[3] Ibid. P. 68.
[4] Future is Managable. Schumacher's Observations on Non-Violent Economics and Technology With a Human Face // Compiled and Edited by M. M. Hoda. New Dehli, 1978. P. 36.
[5] Schumacher E. F. Op. cit P. 277.
[6] Ibid. P. 226.
[7] Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 76.
[8] Schumacher E. F. Op. cit. P. 248—249.

масштаба», «неотчуждающей» технологии и «качественного экономического роста».

Развивая идею «человеческого масштаба», многие последователи Шумахера объявили вообще все крупные политические и экономические единицы — города, корпорации, государственные министерства и т. д. «выходящими за пределы человеческого разума». Идеально свободная экономическая организация должна, по их мнению, «быть достаточно мала и хорошо скоординирована, чтобы каждый рабочий мог понять роль своего собственного труда и его точное соотношение с тем, что делают его коллеги»[1]. Допустимые размеры политических организаций определяются исходя из возможностей «партиципаторной» демократии («демократии участия»), так как правильный выбор приоритетов возможен только при условии личного участия в процессе принятия решений всех заинтересованных лиц.

С учетом вышесказанного наилучшей, наименее отчуждающей формой общественной организации считаются «местные комьюнити», определяемые, правда, неоднозначно. По словам видного американского ученого и общественного деятеля А. Ловинса, это должна быть «соседская община» от 100^1 до 100^3 человек, «в которой все люди знакомы друг с другом хотя бы мельком и считают друг друга соседями»[2]. Американский экономист Р. Барнет допускает расширение рамок сообщества вплоть до целого города или даже консорциума населенных пунктов. По его мнению, «комьюнити» должны быть «достаточно большими, чтобы выжить экономически, и достаточно малыми, чтобы допускать возможность каких-то форм политики лицом к лицу»[3]. Англичанин Е. Гудман наиболее «гуманными» считает коллективы из 150—450 человек [разделенные на группы в 22—50 человек и далее — 7—9 человек]. За образец им взята структура армейских подразделений, обеспечивающих максимальную эффективность действий в ситуациях, требующих быстрой реакции и импровизации[4].

Утопизм своих проектов сплошной «децентрализации» общества в экономическом отношении, по-видимому, понимают и сами авторы, поскольку они признают необходимость сохранения крупных экономических единиц для производства

---

[1] Non-Conforming Radicals of Europe. The Future of Industrial Society. L., 1983. P. 45.

[2] Lovins A. The Soft Energy Paths. Towards a Durable Peace. N. Y., 1977. P. 100.

[3] Barnet R. The Lean Years: Politics in the Age of Scarecity. N. Y., 1980. P. 311.

[4] Non-Conforming Radicals of Europe. P. 58.

наиболее сложной, но нужной продукции, например самолетов. Единственным утешением им в таких случаях служат надежды на организацию «демократического контроля» за крупным капиталом.

Оригинальное, хотя и явно утопическое в условиях капитализма решение проблемы предложил Е. Гудман, выступив с проектом создания «двухслойной экономики». В «первом слое» экономики в отчуждающих условиях производства на крупных предприятиях должны будут изготовляться товары первой необходимости для удовлетворения массовых потребностей. Но каждый рабочий сможет проводить там, в условиях монотонного нетворческого труда не более $^1/_3$—$^1/_4$ своего рабочего времени. Затем он сможет «свободно» переместиться во «второй слой» экономики, где сознательно созданы «неотчуждающие» условия труда — мелкие производственные коллективы и «трудоемкая» технология. Производимая там продукция сможет удовлетворять индивидуальные, наиболее разнообразные потребности[1].

Идея «гуманизированной технологии», выдвинутая еще теоретиками Франкфуртской школы, была первоначально подхвачена Шумахером. Рассматривая антигуманный характер всякого индустриального общества (капиталистического или социалистического) как непосредственный результат функционирования господствующей в нем технологии, он выдвинул концепцию «технологии с человеческим лицом»[2], которая по самому своему замыслу должна служить панацеей от всех форм насилия над человеком и природой. Она «способствует децентрализации управления, совместима с законами экологии, осторожна в деле использования редких ресурсов и предназначена служить человеку вместо того, чтобы делать его слугой машины». Кроме того, такие технологии должны быть примерно в 10 раз дешевле большинства реально существующих, чтобы быть «доступными для всех, а не только для тех, кто уже богат и могуществен» и примерно в 6 раз более трудоемкими, чтобы обеспечить возможность полной занятости и даже обогащения содержания труда[3]. На создание таких технологий на базе новейших достижений науки Шумахер и призвал направить усилия ученых и широкой общественности.

Его призыв не остался без ответа, хотя различные научные и общественные организации несколько по-разному харак-

---

[1] Non-Conforming Radicals of Europe. P. 58—59.

[2] Она называется также «технологией среднего уровня», технологией «самообслуживания», «промежуточной», «мягкой», «народной», «демократической», «подходящей», «адаптируемой», «низкой».

[3] Schumacher E. F. Op. cit P. 141—144.

теризуют искомую «альтернативную технологию». Американский исследователь Д. Диксон насчитал по меньшей мере 35 применяемых к ней определений[1]. При этом различия, касающиеся, правда, в основном акцентов, объясняются, по-видимому, ориентацией на структуры потребностей, характерные для различных социальных слоев.

Если Шумахер, учитывая интересы беднейших слоев населения капиталистических и особенно развивающихся стран, акцентировал внимание на обеспечении занятости и удовлетворении «простейших» человеческих потребностей, то его последователи зачастую ставят на первое место удовлетворение высшей потребности человека в творческом труде, наиболее развитой у представителей «новых средних» слоев. Неизменно важное место в перечне характеристик «альтернативной технологии» занимают ее экологичность, конструкционная простота, эффективность при использовании для нужд мелкого производства.

Обобщая все известные определения, Д. Диксон заключил, что технология «была бы неотчуждающей, если бы оставалась под непосредственным контролем индивида и соединяла бы его (вместо того, чтобы разъединять) с товарищами по сообществу и природной средой»[2]. «В идеале такая технология должна была бы обеспечивать условия для проявления коллективной инициативы и коммунального контроля, а также для развития всех способностей и творчества индивидов»[3].

В советской экономической литературе сторонников «альтернативной технологии» принято обвинять в технологическом детерминизме[4]. Однако такое обвинение справедливо лишь тогда, когда речь идет об их проектах реформирования индустриального общества. Поскольку же они занимаются критикой современного капитализма, они неизменно стоят на позициях «перевернутого» технологического детерминизма[5], точнее «социального детерминизма».

Современные левые радикалы выступают под лозунгом «дефетишизации» научно-технического прогресса, против представления о его «автономности». По мнению Д. Диксона, «технологические изменения должны рассматриваться как

---

[1] Dickson D. The Politics of Alternative Technology. N. Y., 1975. P. 103—104.

[2] Ibid. P. 105.

[3] Ibid. P. 95, 105.

[4] Суперфин Л. НТР и леворадикальная идеология. (К анализу принципа технологического детерминизма) // Экономические науки. 1987. № 9. С. 95—102.

[5] Критика буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских теорий развитого социализма. (Идеологическая борьба в современном мире) / Отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. М.: Наука, 1984. С. 344.

политический процесс, обеспечивающий реализацию интересов господствующего в обществе класса»[1]. Отсюда — ошибочный в целом вывод о принципиальной неспособности капитализма создавать материально-техническую базу социалистического общества, поскольку конструируемые в условиях классовых антагонизмов средства производства являются по самой своей сути эксплуататорскими и отчуждающими.

При этом в некоторых случаях предпринимаются попытки превратить К. Маркса в своего союзника, сославшись на его указание об использовании машинной техники в качестве наиболее мощного оружия в арсенале капиталистов, лучшего средства подавления бунтов против капитала[2]. В других случаях К. Маркса упрекают в «техницизме», в игнорировании классового характера технического прогресса, в приписывании последнему «транцендентальной цели» усиления господства человека над природой[3].

Определяющей чертой методологии левого радикализма 70—80-х годов является отрицание открытого К. Марксом противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Их сочинения пестрят такими категорическими заявлениями, как: «Производственные отношения содержатся внутри производительных сил»[4], «и то и другое образует политическое единство и должно быть атаковано одновременно»[5] и т. д. Метафизическое отождествление техники с производительными силами и производительных сил с производственными отношениями закрывает им возможность научного объяснения движущих сил прогрессивного развития общества, вынуждает прибегать к своеобразному волюнтаризму — ложному представлению о неограниченной свободе выбора населением желаемого пути научно-технического развития. Такое отождествление, далее, не позволяет им увидеть принципиального различия между капиталистическими и социалистическими производственными отношениями, толкает их на позиции вульгарной по своей сути концепции «единого индустриального общества». При этом социалистические страны обвиняются в копировании моделей индустриального развития Запада, а традиционное деление политических сил на левые и правые объявляется наклеиванием «абсурдных ярлыков»[6].

---

[1] Dickson D. Op. cit. P. 95.

[2] Ibid. P. 81.

[3] Outlines of a Critique of Technology / Ed. by Slater. L., 1980. P. 11—12.

[4] Panziery R. Surplus Value and Planning // The Labour Process and Class Strategies. L., 1976. P. 12.

[5] Dickson D. Op. cit. P. 100.

[6] Non-Conforming Radicals of Europe. P. 24.

В условиях когда под влиянием леворадикальных воззрений находится значительная часть социально активных слоев трудящихся — экологические, альтернативные и другие массовые демократические движения, особо важное значение приобретают леворадикальные трактовки собственности.

В большинстве случаев сторонникам концепции «неотчуждающей технологии» свойственно характерное для буржуазного институционального течения сведение отношений собственности к отношениям по поводу управления («контроля»). Задача борьбы с отчуждением труда не решается, по их мнению, самой по себе заменой частной собственности на общественную. При этом «изменению могут подвергнуться лишь отношения распределения результатов производства. Но то, что, возможно, составляет главную проблему для большинства людей в современном обществе — бессилие перед лицом постоянных переворотов в образе их жизни, потребительских нуждах, условиях труда и быта, — все это, вероятно, останется неизменным. В этом отношении представляется малозначительной разница между так называемыми коммунистическими и капиталистическими индустриальными странами»[1]. «Антагонизм между рабочим и собственником капитала сегодня», по их мнению, «вытеснен антагонизмом между большинством и элитой специалистов-управленцев»[2]. Отсюда следует вывод: подлинная задача заключается «в открытии таких свойств некоторых орудий труда, которые делают невозможным для кого-либо присваивать их себе. Концепция собственности неприменима к орудиям труда, которые нельзя контролировать...»[3]

Утопическое стремление левых радикалов к безотлагательному преодолению всех форм отчуждения неизбежно толкает их на путь идеализации прошлого, придает их проектам реакционную окраску.

Так, исходя из достигнутого на сегодняшний день уровня социального развития большинства трудящихся, они вынуждены сделать вывод о принципиальной несовместимости самоуправления и сложной передовой технологии, поскольку последняя диктует господство «чрезмерно» крупного производства, требует выделения особого слоя высококвалифицированных специалистов и не позволяет каждому рядовому труженику «равноправно» участвовать в принятии управленческих решений[4].

---

[1] Revolution in the Affluent Society // Dummann E. — ed. L.: Heretic books, 1984. P. 72.

[2] Ibid. P. 138.

[3] Diskson D. Op. cit. P. 203.

[4] Ibid.; Revolution in the Affluent Society. P. 139.

Отсюда призыв к кардинальному упрощению технологических процессов и организационных форм, дабы сделать их понятными каждому. Не смущает «альтернативистов» даже перспектива существенного понижения производительности труда, поскольку предполагается, что его оборотной стороной станет достижение полной занятости и обогащение содержания труда (вследствие отмены его пооперационного разделения). Даже проблемы сохранения окружающей среды предлагается решить тем же способом — более простые, менее производительные орудия труда будут соответственно и менее разрушительными по отношению к природе. Хозяйственная деятельность средневекового ремесленника непосредственно принимается за образец «неотчужденного труда», а примитивные ремесленные орудия труда — за прообраз техники будущего.

Ярким признаком утопизма леворадикальных проектов преодоления отчуждения является заложенная в них надежда на возможность постепенной, «бескровной» переориентации развития капиталистической экономики с задачи максимизации прибыли на задачу удовлетворения потребностей людей. Именно кардинальное изменение системы общественных ценностей, искоренение «духа капитализма» и утверждение новых идеалов «неиндустриального типа» рассматриваются как исходные пункты движения общества в направлении его «гуманизации». Остро осознавая существующий при капитализме «конфликт между экономическими и человеческими ценностями»[1], левые радикалы по сути не видят его материальных корней. Они ищут выход прежде всего в реформировании общественного сознания, наивно предлагая срочно заменить «чувство отчуждения» на «чувство хозяина»[2], или «переформулировать понятие «благосостояние» через степень свободы отдельного члена общества определять условия своей жизни и планировать свое собственное будущее»[3].

В новой системе общественных ценностей на первое место выдвигаются чаще всего солидарность, товарищество, равное для всех право на свободу, развитие личности, влияние в обществе и др. Помеху ее утверждению левые радикалы видят в первую очередь в господстве идеалов потребительства, поскольку конкуренция в погоне за материальными благами разъединяет людей, делает главным мотивом их деятельности эгоизм. Обращая свой гнев против потребительства как такового, они не могут предложить ничего иного, кроме пропаганды

---

[1] Revolution in the Affluent Society. P. 23.
[2] Barnet R. Op. cit. P. 205.
[3] Ibid. P. 140.

«преимуществ» простого образа жизни. Показательны в этом отношении рассуждения известного норвежского ученого-путешественника Т. Хейердала, одного из активных членов международной организации «Будущее в наших руках». «Именно внутри самого себя, — утверждает он, — следует искать богатства. А их легче найти, находясь в крошечной лачуге, чем в большом зале огромного дворца... Мне часто приходилось бывать и там и там, и я очень хорошо познал своим сердцем, где я счастливее»[1].

Противопоставление роста материального богатства общества интересам преодоления отчуждения труда характерно для левых радикалов. Оно вытекает из определения потребительства как неизбежного следствия «количественного» экономического роста. Понять такую логику нетрудно: «Люди на Западе разочарованы тем, что условия в огромной мере возросшего производства — так называемого изобилия — не увеличили возможностей самореализации среднего гражданина: экономические организации... чужды целям соответствия... устремлениям личности»[2]. Отсюда вывод: необходим переход к «качественному экономическому росту», нацеленному на удовлетворение духовных потребностей людей при неизменном уровне удовлетворения материальных потребностей. Сознательное самоограничение в сфере материального потребления рассматривается как важнейшее условие успешной борьбы с отчуждением труда.

* * *

Теперь, когда читатель имеет общее представление о леворадикальных концепциях причин и способов борьбы с отчуждением труда, попытаемся более отчетливо различить научные и ненаучные, по нашему мнению, элементы этих концепций.

Основным недостатком позиции левых радикалов по вопросам отчуждения является, на наш взгляд, игнорирование существенных различий между отчуждением труда в условиях капитализма и в условиях социализма.

Следуя концепции «единого индустриального общества», они ставят знак равенства между капиталистическими и социалистическими отношениями собственности, подменяя их более узкими отношениями по поводу управления производством. Отсюда — подмена классовой борьбы между трудом и капиталом борьбой рядовых рабочих против специалистов-управляющих. Поверхностность и практический вред такого рода

---

[1] Revolution in the Affluent Society. P. 8.
[2] Non-Conforming Radicals of Europe. P. 32—33

взглядов, навязываемых многим участникам массовых демократических движений, очевидны. Однако приходится признать, что даже эта, наиболее уязвимая, часть леворадикальных концепций содержит в себе рациональное зерно.

Отношения по поводу управления являются важной составной частью системы отношений собственности. Их бюрократизация способна поставить под вопрос социалистический характер всей системы. И наоборот, демократизация управления производством и экономикой в целом, преодоление социальной пассивности в рядах «управляемых» является важнейшим направлением оздоровления и дальнейшего развития социалистического общества. На этом пути неизбежны противоречия между управляющими и управляемыми, причем острота этих противоречий может, как свидетельствует практика перестройки, превращать их в антагонизмы.

Обосновывая тезис о принципиальном сходстве частной капиталистической и государственной социалистической собственности, левые радикалы ссылаются прежде всего на весьма схожий характер осознания рядовым тружеником своего места в общественном производстве — его «подчиненность» административному руководству и технологическим процессам, чуждость или даже враждебность «интересов производства» его личным интересам и потребностям. Из наличия у социалистических работников сознаваемого отчуждения они непосредственно делают вывод о «капиталистической» природе социалистической собственности.

Легче всего указать на поверхностность такого подхода к определению характера собственности, в то время как пытаться опровергнуть сам факт распространенности отчужденного сознания в условиях социалистического производства вряд ли имеет смысл. Однако в свете того определяющего значения, которое приобрело сегодня формирование «чувства хозяина» у каждого члена социалистического общества[1], леворадикальный подход к характеристике собственности перестает казаться всего лишь поверхностным.

Вспоминается различение молодым К. Марксом «истинного» коммунизма, обеспечивающего «положительное упразднение частной собственности», и коммунизма «незавершенного», все еще находящегося под ее влиянием. По словам К. Маркса, такой коммунизм «уже мыслит себя... как уничтожение человеческого самоотчуждения», но «не постиг еще *человеческой* природы потребности»[2]. Раскрывая содержание «человече-

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 39—40.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116.

ской» потребности, как «неэгоистической», общественной по содержанию личной потребности, К. Маркс связал окончательное упразднение частной собственности (и соответственно отчуждения труда) с чувственным присвоением человеком своего труда «не только в смысле *владения, обладания*», но и прежде всего в смысле полного отождествления им своих личных интересов с интересами общества. «Когда... предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»[1].

Понятно, что с позиций такого комплексного (а не просто расширительного) понимания процесса изживания частной собственности вплоть до кардинального изменения характера личных потребностей, наполнения их общественным содержанием социализм в принципе нельзя рассматривать как строй, способный окончательно решить задачу «положительного упразднения» частнособственнических отношений.

Признание закономерно присущих социализму противоречий между интересами личности и общества равнозначно признанию тождества между социализмом и «незавершенным» коммунизмом, который все еще «находится в плену у частной собственности и заражен ею»[2]. Дело, конечно, не в «капиталистическом» характере социалистической собственности (как утверждают левые радикалы). Но и представление, согласно которому отношения собственности, формировавшиеся тысячелетиями, могут до полной неузнаваемости измениться в течение нескольких десятилетий переходного периода, кажется нам сомнительным.

Факт сохранения при социализме наследуемого от капитализма объективного отчуждения труда, на наш взгляд, свидетельствует о том, что частнокапиталистическая собственность и социалистическая общественная собственность, будучи качественно различными, тем не менее не отделены друг от друга Китайской стеной. Вполне вероятно, что мы и сегодня являемся свидетелями длительного и многомерного процесса перерастания первой во вторую. Причем такой подход, возможно, окажется более реалистичным, чем поиск элементов системы отношений социалистической собственности по принципу «от обратного» отношениям частной собственности.

На такие размышления наводят сегодня излишне прямолинейные, но по-своему реалистичные обвинения левых радикалов в адрес социалистической собственности.

В поисках причин усиления отчуждения труда в современ-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119—120, 121.
[2] Там же. Т. 42. С. 116.

ных «индустриальных» обществах левые радикалы обращают свой гнев прежде всего против господствующего направления технологического развития, против прогресса «отчуждающей технологии». При этом техника и технология чаще всего отождествляются с производительными силами, а последние — с производственными отношениями. Если первое отождествление является, на наш взгляд, грубой методологической ошибкой, то второе, будучи в целом также ошибочным, обладает и определенными достоинствами. Необходимость доказательства этого тождества заставила леворадикальных теоретиков сосредоточиться на исследовании двустороннего качественного (а не только количественного) взаимодействия техники и производственных отношений. На фоне сложившейся в советской политэкономии недооценки возможностей обратного воздействия производственных отношений на темпы и особенно характер развития производительных сил[1] такого рода исследования могут, очевидно, оказаться теоретически и практически полезными, несмотря на допущенный в них «перегиб».

Отождествление техники и производственных отношений привело левых радикалов к двум принципиально ложным выводам: об отсутствии качественных различий между экономическим строем капитализма и реального социализма и об абсолютной неспособности капитализма создавать материально-техническую базу неантагонистического общества. Однако обусловленное этим же отождествлением свободное перемещение леворадикальных теоретиков с позиций технологического детерминизма на позиции «социального детерминизма» позволило им поставить и начать разработку проблемы, обладающей сегодня исключительной актуальностью. Это проблема социальной специфики производительных сил, в том числе техники и технологии.

В то время как в советской экономической литературе господствовало консервативное по сути убеждение в социальной нейтральности «прогрессивной» техники, левые радикалы на Западе доказывали невозможность возникновения социалистических производственных отношений на унаследованной от капитализма или аналогичной капиталистической материально-технической базе. На наш взгляд, обе стороны в этом споре оказались правы лишь отчасти.

В основе первой позиции лежала и лежит до сих пор ошибочная фиксация в теории коммунистического способа производства одной из особенностей современного этапа его разви-

---

[1] Этот факт констатируется в докладе Института экономики АН СССР «Диалектика производительных сил и производственных отношений при социализме» (Вопросы экономики. 1987. № 9. С. 59).

тия — сохранения в принципиально неизменном виде созданных и создаваемых капитализмом вещественных элементов производительных сил. Техника, действительно, является социально-нейтральной лишь в том смысле, что новый способ производства всегда возникает и некоторое время существует на унаследованном от старого способа производства техническом базисе.

Однако техника выступает социально-определенной в том смыле, что окончательная победа нового способа производства над старым в ходе экономического соревнования между ними возможна лишь на этапе формирования качественно нового, недоступного предшествующему способу производства технического базиса. На последнюю сторону по существу и указывают современные левые радикалы, если абстрагироваться от свойственного им забегания вперед, от их утопического стремления к одновременному преобразованию производительных сил и производственных отношений или даже прежде всего производительных сил.

Современная практика хозяйствования как в социалистических, так и в капиталистических странах свидетельствует об обострении противоречия между растущим уровнем образования, социальной активности и соответственно требованиями трудящихся к степени содержательности своего труда, с одной стороны, и сохраняющимися в сфере производства «порабощающим» разделением труда, конвейерными технологиями, минимальными возможностями для проявления самостоятельности и инициативы — с другой. Это противоречие выражается, в частности, в таких общих для экономически развитых капиталистических и социалистических стран формах проявления отчуждения труда, как высокая текучесть кадров на промышленных предприятиях, рост абсентеизма, снижение качества продукции вследствие недобросовестности работников и т. д. В социалистических странах при отсутствии угрозы безработицы все труднее становится стимулировать низкоквалифицированный, монотонный, наиболее отчуждающий труд путем его повышенной оплаты, все действеннее становятся методы «стимулирования труда трудом».

Очевидно, что разрешение этого противоречия между относительно развитым личным и относительно отсталым технико-организационным компонентами производительных сил упирается в преобразование существующего технического базиса, основы которого закладывались в эпоху господства капитализма в интересах реального подчинения труда капиталу. Совершенствование структуры совокупного социалистического работника по пути преодоления свойственной капитализму тенденции к деградации преобладающей массы индивидуальных

рабочих сил уже сейчас требует целенаправленного выбора соответствующих приоритетов научно-технического развития.

Необходимость сознательного «выбора технологий» с учетом всего комплекса социально-экономических последствий их внедрения первоначально получила отражение в леворадикальных концепциях «гуманизированной», «альтернативной» и т. п. технологии. В этом заключается крупная теоретическая заслуга их авторов независимо от выдвигаемых ими практических предложений.

В настоящее время можно утверждать, что идея «технологического выбора» вышла за рамки леворадикального течения и получила уже довольно широкое международное признание[1].

В советской экономической литературе проблема «социальной ориентации» научно-технического прогресса получила развернутое отражение в монографиях А. К. Покрытана и А. И. Анчишкина[2]. Она обсуждалась также в ходе дискуссии об экономических проблемах ускорения научно-технического прогресса, открытой в 1986 г. журналом «Экономические науки»[3].

В целом можно, по-видимому, сделать вывод о росте внимания советской экономической науки к проблемам социальной специфики производительных сил, включая технику и технологию. Действенным стимулом к такому перелому послужил принятый XXVII съездом КПСС курс на качественное преобразование производительных сил, на органичное соединение высшей эффективности на базе научно-технического прогресса с осуществлением гуманистических целей советского общества[4]. Конструктивная дискуссия с леворадикальными теоретиками по этим актуальным вопросам должна, на наш взгляд, сыграть важную роль в развитии научных представлений о путях прогресса социализма в направлении дальнейшего преодоления отчуждения труда.

В условиях сосуществования двух противоположных социально-экономических систем логично предположить наличие двух принципиально различных направлений научно-

---

[1] Обзор. Техническое и социальное развитие//Вопросы философии. 1987. № 5. С. 150—153.

[2] Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М.: Экономика, 1985. Гл. 3; Анчишкин А. И. Наука, техника, экономика. М.: Экономика, 1986. С. 251—266 и др.

[3] Ракитская Г. Социально-экономическая природа научно-технического прогресса//Экономические науки. 1986. № 12. С. 40; Осипов Ю. Новый технический переворот и судьба капитализма//Экономические науки. 1987. № 9. С. 90.

[4] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 143.

технического прогресса: ориентированного на получение максимальной прибыли любыми, в том числе антигуманными, средствами; ориентированного на обеспечение оптимальных условий для свободного, всестороннего развития личности каждого члена общества, в том числе и прежде всего в самом процессе производства.

Социализм выдвигает в качестве высшей цели научно-технического прогресса не вещное или стоимостное богатство, а самого человека. Однако до тех пор, пока главным условием развития человека остается обеспечение ему необходимого уровня материального благосостояния, специфика социалистического направления развития производства не может быть выявлена в полной мере. В технической и организационной сферах социалистическое производство, действительно, имеет много общего с капиталистическим, а нередко и «отстает по фазе» от современного капитализма. Но ситуация принципиально изменяется, когда на одно из первых мест в системе разнообразных потребностей человека выдвигаются потребности в творческом труде, в возможности самореализации и саморазвития личности. В результате действие основного экономического закона социализма все отчетливее должно проявляться непосредственно в сфере производства, воплощаясь, в частности, в специфически социалистических технических (и организационных) решениях, ориентированных на преодоление отчуждения работника от содержания его труда.

Решение широко обсуждаемой сейчас проблемы активизации «человеческого фактора», тесно связанной с проблемой смягчения отчуждения труда, требует правильного выбора не только социальной и экономической, но и научно-технической стратегии[1]. Именно от последней в огромной мере зависит возможность эффективного использования всего богатства созданного социализмом образовательного, интеллектуального и нравственного потенциала людей, полного раскрытия преимуществ относительно неотчуждающего социально-экономического характера социалистического труда, проявляющегося в формировании нового типа сознательной дисциплины и инициативы.

На наш взгляд, не исключено, что задача создания принципиально новых, «неотчуждающих», недоступных капитализму (по социально-экономическим, а не научно-техническим причинам) средств производства уже в настоящее время имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

---

[1] Этот вопрос уже ставился в статье Зинченко В., Коваленко Г., Мунипова В. (Возможности человека и новая техника//Коммунист. 1986. № 9).

Подчеркнем, что в отличие от левых радикалов мы не сомневаемся в закономерности построения социалистического общества на унаследованной от капитализма или аналогичной технической базе. Западные сторонники концепции «альтернативной технологии» стремятся подменить социальную революцию разработкой и внедрением специфически социалистических, «неотчуждающих» орудий труда. Мы же выступаем за революционное преобразование всех без исключения компонентов производительных сил в условиях и на базе социалистических производственных отношений, достигших определенного уровня зрелости.

Представление о безысходности противоречия между гуманистическими целями и экономической рациональностью (между «экономической» и «социальной» эффективностью) опровергается сегодня самой жизнью, поскольку все более очевидной становится чисто экономическая выгодность многих социальных мероприятий. Существование указанного представления имело историческое оправдание в период относительно низкой значимости социальных потребностей людей по сравнению с материальными. Позднее оно поддерживалось либо недостаточной комплексностью и последовательностью затрат на социальные нужды, либо чрезмерно узким временны́м горизонтом оценки их экономических последствий. В современных условиях даже капиталистические предприниматели вынуждены считаться с изменением структуры потребностей и соответственно ценностных ориентаций эксплуатируемых работников. Именно в интересах повышения производительности труда многие капиталистические фирмы несут дополнительные расходы на создание условий для обогащения содержания труда, повышения «качества трудовой жизни». И именно в этой области социализм обладает объективной возможностью не только раскрыть свой гуманистический потенциал, но и использовать его как орудие конкурентной борьбы с капитализмом.

В то же время критическое отношение к немарксистским вариантам концепции «неотчуждающей технологии» отнюдь не равнозначно их полному отрицанию. Тем более, что многие из заложенных в них теоретических идей, будучи явно утопическими в условиях капитализма, могут перестать быть таковыми в условиях социалистического общества.

Так, «неотчуждающая технология» сама по себе, очевидно, бессильна изменить социально-экономическую цель капиталистического производства, определяющую основное направление его научно-технического прогресса. Это вынуждены признать и сами леворадикальные теоретики постольку, поскольку они зачастую указывают на изменение общественных

ценностей как предварительное условие ее широкого распространения. Неудивительно, что в реальных капиталистических условиях пропагандируемая ими технология оказывается либо недостаточно эффективной, либо приспособленной к интересам капитала, т. е. лишенной предполагавшейся преобразующей силы. Однако вынужденное приспособление капитализма к новому качеству личного фактора производительных сил, ограниченное, но реальное развитие в его недрах новых тенденций научно-технического прогресса в конечном счете должно привести к углублению общего кризиса капитализма и может, таким образом, иметь реальные революционные последствия.

В условиях социализма задача широкого распространения «неотчуждающих технологий» является гораздо более реальной, по крайней мере в стратегическом отношении, прежде всего в силу отсутствия класса собственников капитала, в силу соответствия ее замысла объективной необходимости подчинения социалистического производства цели всестороннего развития личности трудящегося[1].

Как же выглядит идеал «неотчуждающей технологии», защищаемый левыми радикалами? Это тем более интересно, что начиная с 70-х годов такой идеал перестал уже быть только теоретической конструкцией, получил ограниченное, но вполне материальное воплощение благодаря деятельности ряда научных и общественных организаций. Очевидно, можно понять стремление их членов к созданию и распространению технологий, которые «оставались бы под непосредственным контролем индивида и соединяли бы его... с товарищами по сообществу и природной средой»[2]. Однако какие именно свойства «неотчуждающей технологии» должны этому способствовать?

Едва ли не главной характеристикой искомой технологии

[1] Однако было бы легкомыслием утверждать, что при социализме развитие и внедрение такого рода технологий может быть обеспечено стихийным развитием событий и происходить «автоматически», т. е. не сталкиваясь ни с каким сопротивлением.

Представляется, что и в социалистическом обществе сохраняется имеющее место при капитализме сопротивление со стороны слоя управляющих, в различной мере рискующих подрывом своего социального статуса вследствие развития самодеятельности трудовых коллективов и отдельных трудящихся. На практике и в теории это сопротивление проявляется, в частности, в дискредитации возможностей самоуправления в сфере производства, в признании безусловной приоритетности экономических целей (связанных с удовлетворением материальных потребностей) по отношению к социальным и т. д. Необходимость борьбы за гуманизацию технологии и организации производства даже в условиях социализма делает особенно очевидным утопизм надежд леворадикальных теоретиков на «свободный выбор» направлений технологического развития населением капиталистических стран.

[2] Dickson D. Op. cit. P. 105.

левые радикалы считают ее мелкомасштабность как средство «децентрализации» экономики, т. е. обращения вспять усугубляющих отчуждение индивидов процессов концентрации производства. «Человеческий масштаб» производственных единиц должен, по их замыслу, в конце концов обеспечить «человеческий масштаб» всех общественных ячеек.

Заметим, что левые радикалы, вероятно, правы, когда утверждают, что с отчуждением труда во многих отношениях легче бороться в рамках мелких человеческих сообществ. Демократизация управления в таких условиях объективно возможна при более низком уровне социального развития членов коллектива. Недостаток общности их объективных интересов может в какой-то степени компенсироваться прочностью личностных связей. Резкое сокращение масштабов разделения труда до рамок местного самообеспечивающегося сообщества ведет к немедленному обогащению содержания труда, создает возможность и даже необходимость различных форм смены деятельности. Беда в том, что покупаемое ценой снижения уровня общественного разделения и соответственно уменьшения производительности труда такое немедленное смягчение отчуждения внутри мелких коллективов в конечном счете тормозит прогресс всего общества в этом направлении.

Более конструктивными представляются попытки найти экономические и организационно-технические формы для включения «малого внутрь большого» без разрушения существующей системы общественных связей. Анализ таких попыток мог бы, на наш взгляд, оказаться полезным при разработке проблем оптимальных размеров предприятий и организаций, совершенствовании теории и практики организации труда с учетом необходимости смягчения неизбежной при данном уровне развития общества отчужденности его членов.

При этом следует уточнить, что пропагандируемая левыми радикалами «мелкомасштабность», как и «простота» технологических процессов и организационных форм, — понятия относительные. Они определяются по критерию их доступности разумению каждого рядового труженика, следовательно, зависят от уровня социального развития трудящихся. Социальный прогресс правомерно рассматривать в качестве важнейшего направления борьбы с отчуждением труда, способного к тому же делать совершенно излишними уменьшение и упрощение общественных организмов. Именно характерная для леворадикальных теоретиков нетерпеливость — поиск путей немедленного и полного преодоления отчуждения труда — толкает их на путь реставрации экономических и технических условий прошлого.

Наиболее отчетливо реакционность их проектов проявляет-

ся даже не в их ориентации на ремесленные орудия труда как прообраз неотчуждающей техники — в конце концов речь может идти о диалектическом возвращении к прошлому на новом качественном уровне, а в их готовности пожертвовать ради преодоления отчуждения труда уже достигнутым уровнем его производительности.

Во-первых, представляется теоретически неверным, что снижение производительности труда — необходимое условие обогащения его содержания и обеспечения полной занятости. Во-вторых, именно эта характеристика леворадикальных образцов «неотчуждающей технологии» делает их широкое внедрение практически невозможным не только в условиях жесткой капиталистической конкуренции, но и в условиях реального социализма. Очевидно, что мечта о широком распространении «неотчуждающих технологий» сможет превратиться в действительность лишь при условии обеспечения последними относительно более высокой производительности общественного труда. Причем реализация этого условия представляется нам вполне достижимой в связи с ростом значения «человеческого фактора» на производстве.

В то же время в качестве научной заслуги левых радикалов хочется отметить постановку и разработку ими проблемы подчинения направлений технологического прогресса изменяющейся структуре личных потребностей человека, не только материальных, но и духовных. Социализм превращает такое управление научно-техническим прогрессом из гуманистической утопии в объективную необходимость.

Ценное рациональное зерно содержится, на наш взгляд, и в проекте «двухслойной экономики» Е. Гудмана. Мысль о необходимости не столько денежной, сколько социальной компенсации работников за повышенную отчужденность выполняемого ими вида общественно необходимого труда, вероятно, заслуживает внимания.

Известно, какой вред развитию социалистической экономики наносится нарушением принципа оплаты по труду. Завышенная оплата низкоквалифицированного труда наносит ущерб общественному престижу творческих профессий, подрывает у работников стимулы к повышению квалификации, в конечном счете тормозит научно-технический прогресс. Однако уравнительные тенденции в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда обусловлены не только субъективными ошибками, не только пережитками мелкобуржуазной уравнительности в общественном сознании. В отсутствие существующего в капиталистических странах жесткого механизма экономического принуждения к труду социализм неизбежно сталкивается с относительно большей трудностью побуждения работников к выполнению наименее привлекательных, наиболее отчуждающих видов труда. Пойдя по пути их усиленного материального стимулирования, мы уже создали во многих сферах тревожную ситуацию, когда неквалифицированный труд оплачивается даже не так же, а выше, чем квалифицированный. Где же выход?

Один из выходов, очевидно, заключается в ликвидации сегодняшних наиболее отчуждающих видов труда путем их механизации или автоматизации. Однако и завтра будет существовать деление на более и менее отчуждающие виды труда, в большинстве случаев прямо противоположное делению на квалифицированные и неквалифицированные виды. Другой выход связан с разработкой и внедрением альтернативных методов стимулирования отчуждающего труда. Можно попытаться поставить труд, неизбежно являющийся относительно отчуждающим по содержанию, в относительно неотчуждающие социально-экономические условия[1]. Можно пойти по пути предоставления наиболее отчужденным работникам преимущественных возможностей для занятий творческим трудом по смежным специальностям, причем не во внерабочее, а в течение части рабочего времени. Возможны, вероятно, и другие варианты.

О необходимости социальной (а. не только материальной) компенсации за отчуждающий труд в социалистическом обществе свидетельствует недавно созданный в Пермской области кооператив-коммуна, построенный по образцу коммун Оуэна или современных левых радикалов[2]. Главная цель его членов заключается в ускоренной реализации коммунистических идеалов — свободного творческого труда и подлинного коллективизма на базе уже достигнутого уровня развития производительных сил. Поставленные ими задачи — полное самоуправление, частая смена деятельности, коллективное потребление и др. — вполне реальны в пределах коммуны, состоящей из 30—40 семей, но, к сожалению, нераспространимы пока на общество в целом. Значит ли это, что подобные коммуны сейчас вообще преждевременны и бесполезны? Вряд ли. В той мере, в какой их деятельность сможет компенсировать реальные недостатки социалистического производства, основанного на других формах собственности, они представляют собой явление прогрессивное не только в воспитательном, но и в экономическом отношении[3].

Вероятнее всего членами таких коммун пожелают стать в первую очередь люди с относительно прогрессивной структурой потребностей и ценностных ориентаций, в обычных условиях страдающие от неудовлетворения своих духовных, а не материальных запросов. С точки зрения таких людей даже некоторое снижение материального уровня жизни, связанное с сознательным жертвованием частью производительности труда, будет с избытком компенсироваться повышением «качества» жизни по другим параметрам. Не исключено, однако, что такого рода жертвы не понадобятся благодаря компенсирующему приросту производительности труда, обусловленному именно снижением степени его отчужденности. С общественной же точки зрения существование определенного количества таких коммун будет способствовать более дифференцированному и потому более полному удовлетворению потребностей трудящихся (в пределах и за пределами коммун), в конечном счете будет работать на реализацию основного экономического закона социализма.

Наконец, обратимся к леворадикальной идее замены «количественного» экономического роста «качественным».

Трудно не заметить ее созвучия выдвинутой XXVII съез-

---

[1] Примером может служить организация семейного подряда в наиболее трудоемких отраслях животноводства и земледелия.

[2] Подробнее см.: Радов А. Коммуна //Комсомольская правда. 1987. 24 мая.

[3] К такому выводу по существу и пришли различные участники дискуссии в областной партийной газете «Звезда» — директор близлежащего совхоза, первый секретарь райкома, начальник областного управления местной промышленности и др. (Комсомольская правда. 1987. 24 мая).

дом КПСС задаче обеспечения нового качества экономического роста. Причем созвучие это — не только терминологическое. Достижение нового качества экономического роста, как известно, предполагает осуществление двух взаимосвязанных, взаимообусловленных изменений: переход к преимущественному, а иногда и исключительному использованию интенсивных факторов и усиление социальной ориентации экономики. Но именно к этому по существу и призывают уже с начала 70-х годов леворадикальные сторонники модели «качественного роста», если абстрагироваться от также характерной для них приверженности «нулевому количественному росту».

Категорическое отрицание полезности дальнейшего «количественного» роста экономики непосредственно связано с поиском левыми радикалами путей преодоления отчуждения труда. Однако на сей раз выбранное ими направление поиска является, на наш взгляд, ошибочным. Ошибка заключается в трактовке потребительства как следствия роста материального потребления (количественного экономического роста) и причины отчуждения труда. На самом деле потребительство является как раз следствием отчуждения труда, корни которого по природе своей объективны. Невозможность реализации и развития личности работника в процессе труда ведет не только к отчужденности от труда как деятельности, но и к торможению подлинного возвышения личных потребностей, к недоразвитию духовных потребностей и гипертрофии материальных. Поэтому «борьба» против потребительства, не затрагивающая объективных корней отчуждения труда, заведомо обречена на провал. И тем более заведомо бесплодными являются попытки борьбы с отчуждением труда методами, направленными против одного из его последствий.

Именно непонимание действительного двустороннего характера связи между отчуждением труда и прогрессом личных потребностей породило ложное представление о «естественности» бесконечного разбухания материальных потребностей и соответственно недостижимости «свободы от необходимости» в отсутствие сознательного самоограничения[1]. Между тем сами по себе аскетические призывы к искусственному сокращению материального потребления не только не способствуют, но и противоречат интересам преодоления отчуждения труда, так как, с одной стороны, вносят свой вклад в торможение удовлетворения потребностей и развития личности человека, с другой — питают идеалистические иллюзии о возможности коренного преобразования общества через «перевоспитание» отдельных его членов.

---

[1] Non-Conforming Radicals of Europe. P. 43—44.

Другое дело — призывы левых радикалов к усилению социальной ориентации экономического роста (на базе соответствующей ориентации научно-технического прогресса), к замене критерия прибыльности на критерий общественной полезности. При всей своей утопичности в условиях капиталистического общества этот призыв верно отражает назревший конфликт «между экономическими и человеческими потребностями»[1], приобретающий сегодня глобальные масштабы. Свидетельством наличия этого конфликта и в социалистической экономике стала развернувшаяся в нашей стране борьба против технократических тенденций.

Итак, выдвинутые леворадикальными исследователями концепции отчуждения труда явно не поддаются однозначной оценке. Наряду с утопическими и даже реакционными идеями они содержат постановки и разработки целого ряда теоретических и практических проблем, актуальных не только для капитализма, но и для социализма. Искренняя приверженность гуманистическим идеалам обусловливает повышенную чуткость этого отряда западных теоретиков по отношению к наиболее острым проблемам современности, несмотря на неустойчивость их классовых позиций и вытекающие отсюда уступки буржуазной идеологии. Во всяком случае представляется несомненной полезность конструктивной дискуссии с леворадикальными авторами по такому недостаточно разработанному в марксистской литературе вопросу, как причины обострения отчуждения труда в современных условиях и выработка путей его преодоления.

[1] Revolution in the Affluent Society. P. 23.

13—144

V

СОЦИАЛИЗМ И ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ ТРУДА

1. Унаследованные и специфические формы отчуждения труда при социализме

Установление общественной собственности, ликвидация капиталистической эксплуатации вносят принципиальные изменения в положение работника в экономической системе. Он выступает одновременно в качестве производителя и собственника общественных средств производства. Специфическое положение человека в производстве наряду с достигнутыми социализмом успехами в создании мощного производственного и научно-технического потенциала, относительно устойчивым повышением уровня жизни населения послужили объективной основой видимости преодоления при социализме всех форм отчуждения, причиной того, что проблемы отчужденного отношения к процессу труда и к средствам производства долго не находили четкого отражения в общественном сознании.

В первые годы Советской власти эта видимость была подкреплена небывалым подъемом трудового энтузиазма рабочих, освобожденных от эксплуатации капиталом и вовлекаемых в управление производством и общественными делами на различных уровнях; крестьянства, получившего землю по декрету о ее социализации; новой народной интеллигенции, получившей широкий доступ к образованию и умственному труду.

Однако создавшаяся благоприятная социально-психологическая атмосфера не была подкреплена соответствующими преобразованиями в сфере производства. Предприятия и работники все более превращались в объект управления со стороны вышестоящих органов, регламентировавших не только внешний, но и внутренний распорядок работы. Господствую-

щим в отношениях общества и предприятия стал «стереотип развёрстки»[1]. В производстве утверждался технократический подход, отрывавший экономическое от социального, ставивший потребности развития техники выше потребностей развития человека. Происходит фактическое разрушение не только унаследованных социализмом от предшествующих способов производства, но и вновь возникающих форм трудовой мотивации, действенных рычагов материального стимулирования труда и социально-экономической активности работников и трудовых коллективов. Труд все более приобретал характер повинности, становился принудительным. В результате, как отмечает В. Дашичев, «снова возникли отчуждение непосредственных производителей от средств производства и их незаинтересованность в труде»[2].

Крайним примером такого отчуждения послужило осуществление преобразований в деревне, извративших по существу основные ленинские принципы обобществления в сельском хозяйстве. Политика «раскулачивания» вылилась в экспроприацию не только собственно кулацких элементов, но также значительной части зажиточного трудового крестьянства и части середняков. Экспроприация была проведена на раннем этапе классовой дифференциации, когда решающим фактором расслоения во множестве случаев были личные качества крестьянина как труженика, его экономическая культура. Таким образом, в процессе «раскулачивания» вместе с уничтожением действительных классовых врагов Советской власти была изъята наиболее трудоспособная, энергичная, инициативная часть трудового крестьянства.

Оставшиеся крестьяне часто насильственным путем втягивались в крупное колхозное производство, во многом скопированное с существовавшей фабричной системы. При этом обобществление труда до определенного времени происходило без соответствующей материальной базы (первые тракторные заводы в стране, за исключением Сталинградского, были пущены лишь к середине 30-х годов, не говоря уже о производстве специализированных сельскохозяйственных орудий). Командная система управления колхозным производством, часто игнорировавшая его специфику, сопровождалась к тому же регулярным изъятием не только прибавочного, но и части необходимого продукта. Сами же работники через «беспаспортную» систему административно прикреплялись к месту своего жительства и работы.

---

[1] Лопатников Л., Либерман Я. От развёрстки — к налогу! // Литературная газета. 1987. 17 июня. С. 11.

[2] Дашичев В. Приоритет разума // Московская правда. 1987. 16 июля.

Таким образом, сформировалась историческая почва для возрождения отчужденного отношения к своему труду, обращения с общественными средствами производства как с «чужой», «казенной» собственностью, для иждивенчества коллективов и отдельных работников по отношению к государству как в вопросах совершенствования производства, так и в решении социальных проблем. После революционного скачка на пути преодоления отчуждения, совершенного при переходе к новому строю, преобразования в этой области приобрели эволюционный характер, крайне замедлились.

Первоначально осознание отчуждения сдерживалось относительно низким уровнем материальных и духовных запросов населения, его невысоким общим культурным уровнем. Но начавшийся более быстрый рост потребностей трудящихся на основе целенаправленного повышения уровня образования и культуры уже в 50—60-х годах привели к тому, что недовольство трудом и равнодушие к труду стали массовым социально-экономическим явлением, требующим теоретического осмысления и решительных практических действий.

Однако традиционный политико-экономический подход к данной проблеме был определен в целом объективной видимостью «снятия» социализмом всех форм отчуждения труда. Наиболее характерная черта этого подхода — бессубъектная трактовка производственных отношений социализма, согласно которой деятельность человека выступает как нечто, однозначно определяемое объективными, автоматически реализующимися закономерностями. Произошел отрыв политико-экономической теории от конкретных форм реализации социалистической собственности в хозяйственном механизме, ушли на задний план конкретные процессы управления и весь комплекс управленческих отношений, наблюдалось фактически безоговорочное отождествление общества и государственного аппарата как направителей социалистического производства[1].

Традиция бессубъектной трактовки производственных отношений социализма по существу исключила из предмета политической экономии проблему реального отношения работника к своему труду. Сложился в целом нормативный подход к человеку в производстве. Из поля зрения практически полностью выпали возможности альтернативного поведения субъекта, а проблемы стимулирования труда были отнесены к кругу по-

---

[1] «До недавнего времени, — отмечает О. Ожерельев, — производственные отношения нередко рассматривались не только автономно от производительных сил, но и в отрыве от действующего хозяйственного механизма, всей системы управления» (Ожерельев О. Производственные отношения и управления экономикой // Правда. 1987. 10 июля).

верхностных, производных (в основном распределительных) отношений.

Гносеологические корни такого объективизированного подхода заключены, на наш взгляд, в некритическом перенесении на социализм сложившейся методологии исследования капиталистического способа производства, которому присуща более высокая степень стихийной саморегуляции. Кроме того, упрощенное понимание планомерного развития социалистического производства порождало иллюзию всесильности направителей этой планомерности в достижении поставленных целей, достаточности «правильных» решений для успешного проведения любого рода преобразований.

В связи с этим не получила всестороннего развития и проблема экономических интересов. В 30-е годы все содержание системы интересов в теории и практике сводилось прежде всего к главному общественному интересу. Когда же в 60-е годы категория экономических интересов вновь привлекла внимание политико-экономов, она так и не отделилась существенно от проблемы объективных основ производственных отношений социализма, зеркально отражая эти отношения. Содержание экономических интересов односторонне определялось сложившимися помимо воли и сознания работников производственными отношениями. Акцентировалось единство общественных, коллективных и личных интересов, возможность неантагонистических противоречий между ними в лучшем случае упоминалась без содержательного рассмотрения этих противоречий.

Первые политико-экономические системы во многом исходили скорее из должных, согласно представлениям авторов, принципов, нежели из реалий социализма. В теоретическом осмыслении места человека в производстве допускались определенное забегание вперед, сглаживание существующих противоречий, сведение их до уровня различий и в свою очередь приуменьшение этих различий. До последнего времени политическая экономия социализма почти не исследовала негативные явления в сфере общественного производства и соответственно отношение к ним субъектов производства. Замалчиванию негативных сторон способствовал сложившийся в 30—50-е годы уровень демократизации общественной жизни, когда критическое осмысление действительности нередко связывалось с вопросами лояльности по отношению к социалистическому строю.

Но главной причиной отрицания политической экономией социализма проблем отчуждения труда и многолетнего господства в ней бессубъектной трактовки производственных отношений послужило формирование весьма устойчивого за-

блуждения, что трудовая мотивация априорно «встроена» в систему экономических отношений социализма. Если основным течениям буржуазной политической экономии присуще как предпосылка теоретического анализа представление об «экономическом человеке» (абсолютном эгоисте, способном рационально строить свое экономическое поведение), в которого якобы превращается всякий индивид, обратившийся к экономической деятельности, то политическая экономия социализма в своих основных теоретических системах, сложившихся в 50—70-е годы, исходила из наличия некоего «социалистического экономического человека», основными качествами которого были осознание единства общественного и личного интересов, а также почти безграничный трудовой энтузиазм. Поэтому нарастающие явления отчужденного отношения к труду оставались за рамками этой системы, классифицировались как «родимые пятна старого общества» либо относились к явлениям отставания общественного сознания от общественного бытия, надстройки от базисных отношений, которые также в конечном счете сводились к пережиткам капитализма[1].

Объяснимая на определенных этапах исторического развития односторонность в рассмотрении труда со временем приобрела инерционный характер. Отказ от исследования действительной роли субъекта в социалистическом производстве, возможностей его альтернативного поведения послужили, несомненно, одной из причин распространения схоластического теоретизирования, а нередко и утопических взглядов в политической экономии социализма.

Таким образом, исследование проблем отчуждения труда до последнего времени оставалось почти исключительно в рамках философской науки. Но и философия не сразу обратилась к этим вопросам. После выхода в 1932 г. «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса категория отчуждения труда долго не находила отражения в советской литературе. Проблема была поднята и начала активно разрабатываться в 60-е годы — в период общего подъема методологических исследований общественных наук.

Изучая историю теорий отчуждения, философы неизбежно затрагивали и вопросы о причинах и судьбах отчуждения при

---

[1] «При социализме еще не преодолены до конца пережитки капитализма в сознании людей. Наряду с основной массой работников, честно выполняющих свои обязанности перед обществом, проявляющих творческую инициативу в труде, имеются работники, недобросовестно относящиеся к свои обязанностям, нарушающие трудовую дисциплину» (Политическая экономия. Учебник/Под ред. К. В. Островитянова и др. Изд. 3-е. М.: Госполитиздат, 1959. С. 484).

социализме, хотя открытой дискуссии по этой острой проблеме так и не получилось.

В анализе причин отчуждения труда можно выделить, на наш взгляд, две обобщенные точки зрения. Одни авторы акцентировали внимание на причинах общеэкономического характера, среди которых выделялись относительная неразвитость производительных сил[1], разделение труда[2] (такого мнения придерживалась большая часть авторов). Особо подчеркивалась стихийность этого разделения труда[3].

Другими авторами отчуждение труда выводилось из частной собственности на средства производства[4].

Ряд авторов видел главную причину одновременно в антагонистическом по характеру общественном разделении труда и частной собственности[5]. В качестве причин выделялись также социально-экономическая природа труда[6] и двойственный характер труда[7].

Чаще всего отчуждение труда считалось адекватным именно классово-антагонистическому обществу, иногда оно напрямую связывалось с классовой структурой[8]. Порой отчуждение определялось даже как социальное явление, присущее исключительно капитализму[9].

Поводом для расхождения позиций, очевидно, послужила трактовка отчуждения труда К. Маркса в «Экономическо-философских рукописях...», где оно рассматривалось одновременно как причина и как следствие частной собственности. При определенном различии в подходах подавляющим большинством философов отвергалось наличие отчуждения труда в условиях социализма. Значительная часть авторов предпочитала, держась «от греха подальше», обходить этот вопрос. Многие же прямо заявляли об отсутствии отчуждения при социализме[10].

Некоторые авторы признавали наличие отчуждения труда в условиях социализма[11]. Но такие авторы составляли, безусловно, исключение из правил. В основном речь шла лишь о последствиях, реликтах и рецидивах отчуждения, которые к тому же часто относились к идеологической и духовной сфе-

---

[1] Ойзерман Т. И. Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. С. 45.

[2] Батищев Г. С. Указ. соч.; Огурцов А. П. Указ. соч. С. 74.

[3] Навасардян Р. Г. Указ. соч. С. 165.

[4] Ангелов Ст. Указ. соч. С. 74; Кешелава В. В. Ранние произведения К. Маркса и их современные фальсификаторы // Коммунист. 1965. № 6. С. 105. В последнее время этой точки зрения придерживается Е. А. Ануфриев (Социальный статус и активность личности. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 137, 149).

[5] Иванов В. Д. О видах и формах отчуждения // Вестник Московского университета. Сер. философская. 1972. № 1. С. 26.

[6] Штольберг Р. С. Указ. соч. С. 57.

[7] Нарский И. С. Указ. соч. С. 113.

[8] Гильман М. И. Некоторые философские вопросы марксовой теории товарного фетишизма // Философские науки. 1967. № 4. С. 59; Косолапов Р.И. Коммунизм и свобода (Проблема освобождения труда). С. 56.

[9] Курелла А. Указ. соч. 75; Арнольд Т., Янсен Т. и др. Отчуждение и гуманность. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1967. С. 101.

[10] Кешелава В. В. Указ. соч. С. 111; Штольберг Р. Указ. соч. С. 57.

[11] Так, С. М. Ковалев видел его причины в сохранении известной привязанности человека к определенному роду деятельности, в том, что часть средств потребления еще не может распределяться по потребностям, а также в остаточных явлениях отчуждения человека от человека и от всего общества (О человеке, его порабощении и освобождении. М.: Политиздат, 1970. С. 152—153).

рам[1]. Иногда допускалось наличие так называемого «технического» отчуждения труда при решительном отрицании отчуждения социально-экономического[2].

Существование в социалистической экономике последствий отчуждения труда и длительность их преодоления были официально признаны в программной статье Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР»[3]. Несмотря на то, что в ней речь шла лишь о последствиях отчуждения, на наш взгляд, эта статья послужила важным, во многом поворотным моментом в оценке данной проблемы. Но инерция отрицания отчуждения труда при социализме, невзирая на обилие красноречивых фактов окружающей действительности, продолжала удерживать решающие позиции[4].

Отражением повысившегося интереса научной общественности к проблеме отчуждения труда при социализме стала публикация письма в журнале «Философские науки» Р. Н. Блюма. Автор выдвигает предположение, что базисной причиной отчуждения труда наряду с частной собственностью и разделением труда является стихийность формирования и функционирования общественных регуляторов[5].

В настоящее время, на наш взгляд, началось формирование и нового политико-экономического взгляда на рассматриваемую проблему. Показательна в этом плане статья Э. Лобковича. Автор ищет корни отчуждения в двух плоскостях: в отношении работников к общественной собственности, объективно обусловленном механизмом ее реализации, и их отношении к своему труду, раскрытии его характера и содержания в условиях социализма[6]. Особо выделена проблема отчужде-

---

[1] Ангелов Ст. Указ. соч. С. 74; Арнольд Т., Янсен Т. и др. Указ. соч. С. 132—133.

[2] Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1979. С. 282.

[3] Коммунист. 1983. № 3. С. 12.

[4] Нарский И. С. Категория отчуждения и идеологическая борьба // Философские науки. 1986. № 6. С. 22; Ойзерман Т. И. К критике современных псевдомарксистских концепций отчуждения // Философские науки. 1986. № 4. С. 30; Ануфриев Е. А. Указ. соч. С. 141, 143 и др.

[5] Блюм Р. Н. Отчуждение и социализм (письмо в редакцию) // Философские науки. 1987. № 9. С. 113.

[6] Лобкович Э. Полное преодоление отчуждения труда — длительный многоплановый процесс // Экономические науки. 1987. № 2. С. 23—27. В качестве парной категории «отчуждения труда» Э. Лобкович рассматривает категорию «присвоение». На наш взгляд, при таком подходе теряется важнейшее для политической экономии социализма свойство данной категории — ее субъектность. Отчуждение труда в результате сводится либо к понятию «эксплуатация» (в антагонистических обществах), либо к понятию «неполное присвоение». По нашему мнению, такой категорией выступает «свобода труда».

ния труда при социализме в докладе Института экономики АН СССР на совещании директоров институтов экономики академий наук социалистических стран в июне 1987 г. В нем было отмечено, что при социализме «сохраняется известная отчужденность человека от общенародной собственности»[1]. Указывается также на то, что возможны ситуации, когда элементы этой отчужденности не уменьшаются, а возрастают[2]. Постепенно отчуждение становится если не общепризнанным, то широко распространенным термином в работах по вопросам политической экономии социализма[3].

На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС создание экономических основ для преодоления отчужденности людей от экономического процесса и его результатов сформулировано в качестве задачи демократических преобразований[4]. Очевидно, развертывание более широких исследований по данной проблеме сейчас является лишь вопросом времени.

Резюмируем основные определения предшествующего исследования, которые послужат, в свою очередь, отправной точкой для раскрытия характера, форм, путей возникновения и преодоления отчуждения труда при социализме.

В своем наиболее общем определении отчуждение труда представляет собой обособление от работника условий, процесса и результатов его собственной трудовой деятельности, воспроизведение этих условий как противостоящих работнику сил, обретающих господство над самим человеком[5]. Отчуждение труда образует особый круг субъектных отношений работника к своему труду. Эти отношения представляют специфическую форму экономического противоречия, при которой определенные стороны трудовой деятельности не только обращаются в противоположность по отношению к самому труду, но также подчиняют и угнетают это породившее их начало.

---

[1] Диалектика производительных сил и производственных отношений при социализме // Вопросы экономики. 1987. № 9. С. 62.

[2] Там же. С. 63.

[3] Об отчуждении работников от общенародной собственности, напр., см.: Абалкин Л. Опираясь на уроки прошлого // Коммунист. 1987. № 16. С. 11, 12; Горланов Г. В., Карпов В. В., Рязанов В. Т. Социалистическая предприимчивость. М.: Экономика, 1988. С. 44, 46; Слюньков Н. Перестройка и партийное руководство экономикой // Коммунист. 1988. № 1. С. 13; Торкановский Е. Социалистическое производственное самоуправление // Вопросы экономики. 1987. № 8. С. 50 и др.

[4] Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. С. 9.

[5] Когда человек вступает в производство, любые производственные условия предстают перед ним как заданная, уже сложившаяся помимо его воли система. Но действительное отчуждение возникает в самом трудовом процессе, причем не как единичный акт, а как независимое от работника воспроизводство этих условий.

Всеобщей основой, материальной предпосылкой отчуждения при социализме выступает процесс разделения труда. Проявляясь в конкретно-исторических типах содержания и характера труда, а также в формах закрепления работников за определенными его видами, разделение труда порождает в конечном счете, два основных вида отчуждения — отчуждение труда как деятельности и отчуждение труда от собственности.

Различение этих видов отчуждения обусловлено тем, что, с одной стороны, труд выступает как процесс целесообразной деятельности, как арена развития человека, сфера реализации его различных способностей; с другой стороны, труд в своем овеществленном состоянии служит материальной основой, объектом собственности, а как процесс представляет собой объект регулирования со стороны собственников средств производства, сферу реализации собственности. Переплетение указанных видов отчуждения образует сложный комплекс отношений, воздействующих на трудовую мотивацию работника. Однако эти виды имеют относительно самостоятельное значение, и их вычленение, таким образом, необходимо для плодотворного поиска путей усиления у работников стимулов к труду[1].

Отчуждение труда выступает в форме отношения к вещным условиям труда (как отчуждение от этих вещных условий) и в форме отношения к другим производителям (как отчуждение от экономических отношений). Собственные отношения людей противостоят им как нечто заданное извне, как устоявшиеся стандартизированные формы, как чуждая, неподвластная их воздействию сила.

Формами отчуждения труда как деятельности являются соответственно отчуждение работника от вещных условий развития его личности в непосредственном трудовом процессе и от организационно-экономических отношений[2].

Формами же отчуждения труда от собственности служит отчуждение работника от объекта собственности, воплощен-

---

[1] Представляется, что важнейшей причиной отрицания экономической теорией в течение столь длительного периода проблемы отчуждения труда при социализме послужило то, что его деятельностный аспект не был четко и последовательно выделен, а существование отчуждения работников от социалистической собственности в каких-либо формах вообще опровергалось.

[2] Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой организационно-экономические отношения образуют часть системы производственных отношений, непосредственно связанную с развитием производительных сил, системой общественного разделения труда и служащую посредствующим звеном во взаимодействии производительных сил и отношений собственности (Абалкин Л. И. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1981. С. 98, 100, 117).

ного в средствах производства и его результатах, а также от отношений собственности.

Относительно самостоятельной формой выступает отчуждение трудящихся от управления — деятельности особого рода, означающее одновременно их отчуждение от организационно-экономических отношений и отношений собственности. (Эта форма носит промежуточный, опосредующий характер.)

Среди моментов отчуждения от экономических отношений особо выделяется отчуждение непосредственных производителей от целей социально-экономическкго развития. Свое завершение все указанные формы находят в отчуждении человека от человека.

Различные формы отчуждения в условиях социализма носят как унаследованный, так и специфический характер. Эта проблема тесно связана с вопросом о причинах отчуждения труда.

Объективной основой отчуждения труда как деятельности является состояние условий производственной среды и содержание труда, их воздействие на здоровье работника и развитие его творческих потенций. Его конечная причина — относительная неразвитость производительных сил социалистического общества — обусловливает такое разделение труда, при котором сохраняются существенные технико- и социально-экономические различия видов труда. При обособлении различных сторон труда — творческого и репродуктивного, управленческого и исполнительского — возникает множество его видов, которые не могут предоставить реальные возможности для универсального и гармоничного развития человека. Закрепление подобных видов деятельности за отдельными работниками и становится непосредственной причиной отчуждения труда. Возникающее при социализме на основе старого разделения труда отчуждение труда как деятельности выступает в целом унаследованным видом отчуждения.

Разделение труда выступает конечной причиной возникновения отчуждения большинства трудящихся от управленческой деятельности, превращения их в простых исполнителей решений относительно узких административных групп. Проявляясь в отделении части трудящихся от средств прозводства, в их неспособности реально повлиять на результат труда коллектива и общества, отчуждение управленческой деятельности выражает тем самым «выключение» работников из складывающихся в процессе труда действительных отношений собственности.

Отчуждение трудящихся от управления и от отношений социалистической собственности, несмотря на некоторое внешнее сходство с предшествующими формациями, приобретает

в целом специфические формы, порожденные социализмом, развивающимся уже на собственной социально-экономической основе. Социализм ликвидирует глубокие корни социально-экономического отчуждения через уничтожение частнокапиталистической формы присвоения средств производства и продукта, прямой эксплуатации человека человеком. Но неполная реализация отношений социалистической собственности, нарушения конкретно-исторического соответствия производственных отношений развитию производительных сил общества становятся относительно самостоятельной причиной воспроизводства в условиях социализма отчуждения работников от условий и результатов их собственного труда.

Разделение унаследованных и специфических форм отчуждения труда носит в определенной степени относительный характер. С одной стороны, было бы ошибкой считать, что отчуждение деятельности в процессе труда при социализме полностью совпадает со своим капиталистическим аналогом. Наряду с относительным улучшением условий труда социализм вносит свои моменты в процесс разделения труда и в содержание целого ряда видов деятельности. Кроме того, формы, в которых реализуются отношения социалистической собственности, накладывают свой отпечаток на содержание всего трудового процесса в целом. Поэтому отчуждение труда как деятельности — в основном унаследованное — испытывает все большее влияние форм реализации собственности и также носит в определенной степени специфический характер.

С другой стороны, унаследованные от предшествующего способа производства производительные силы и система разделения труда, широкий круг организационно-экономических отношений, не могли не оказать влияния на специфически социалистические проявления отчуждения, обусловленные формами реализации собственности и отношениями управления. Наследуются в определенной мере моменты отчуждения, связанные с конкретными формами использования товарно-денежных отношений.

Анализируя особенности отчуждения труда в рамках различных форм социалистической собственности, можно предположить, что наиболее специфические в социальном отношении формы связаны с реализацией общенародной собственности, менее специфические — формы, возникающие в индивидуальном трудовом секторе, во многом сохраняющие черты классического товарного фетишизма. В первом случае отчуждение труда возникает на базе недостижимого для капитализма уровня обобществления производительных сил в рамках всего народного хозяйства, принципиально новой системы социалистических производственных отношений. В послед-

нем — на базе низкого уровня обобществления, существовавшего и в предшествующих формациях, и подсистемы производственных отношений, специфических вследствие их встроенности в систему социализма. Значительную роль в формировании субъектных отношений отчуждения играют также некоторые унаследованные элементы духовной и идеологической жизни.

Отчуждение труда, на наш взгляд, безусловно, не вытекает из сущности, из коренных основ коммунистического способа производства. В рамках его высшей фазы должно произойти «снятие» всех форм отчуждения труда. Но это не означает, что отчуждение выступает по отношению к социализму какой-то аномалией чисто внешнего характера.

Помимо целого ряда аномальных для социализма форм отчуждения, заключенных в крайностях развития превращенных форм реализации производственных отношений и форм социально-экономического управления (например, наиболее жесткие формы административного регулирования и бюрократизма; преобладание уравнительности в распределении и широкие масштабы нетрудовых доходов), существует ряд форм — унаследованных и специфических, которые являются закономерно социалистическими. Они неизбежно порождаются как относительно неразвитыми для принципиально нового способа производства производительными силами, так и относительно незрелыми формами социалистических производственных отношений. Они закономерно возникают в процессе управления общественным производством при недостаточно высоком уровне социально-экономической активности основной массы трудящихся, их экономического образования, что ведет к обособлению управленческого труда. Закономерные формы отчуждения труда могут различаться в зависимости от конкретно-исторических условий той или иной страны, но, тем не менее, они всегда являются побочным продуктом социально-экономического развития социализма.

Грань между закономерными и аномальными формами отчуждения труда при социализме, как правило, довольно подвижна. Обладая достаточно большим историческим опытом нашей страны и других стран социализма, мы уже вряд ли можем с полной уверенностью назвать не закономерными возникающие отклонения от коренных основ развития социализма. Само возникновение элементов уравнительного распределения и появления нетрудовых доходов, возрождение бюрократизма в управленческом аппарате, очевидно, были закономерными для присущего социализму уровня и характера развития производительных сил и производственных отношений. Аномальными эти превращенные формы становятся

тогда, когда они складываются в целостное социально-экономическое явление и начинают деформировать социально-экономическую структуру социализма.

Отчуждение труда не следует рассматривать исключительно как негативное явление. Закономерные, исторически неизбежные для социализма формы отчуждения при массовом осознании трудящимися заключенных в них противоречий становятся могучей движущей силой социально-экономического развития социализма. Если же эти противоречия отчуждения переходят в аномальную форму, создающую у масс трудящихся представление об их безысходности, то они становятся элементами торможения, обрекают общество на застой.

Неимманентность отчуждения труда коренным основам способа производства не означает также, что это отчуждение никак не связано с имманентными противоречиями социализма. Неимманентные, даже аномальные для социализма противоречия могут порождаться и обостряться в ходе движения имманентных социализму противоречий. Причина их возникновения, как отмечает В. В. Куликов, связана с несоответствием между отдельными элементами системы[1].

Так, социализму присуща специфическая форма противоречия между экономическим и социальным прогрессом, которое является одним из источников его собственного развития. Но когда несоответствие сторон принимает относительно устойчивый характер, данное противоречие может перейти в свою конфликтную форму — частичного разрыва между экономическим и социальным развитием, затрудняющую их взаимное стимулирование. Так возникает, например, технократический подход, ставящий техническое развитие выше развития человека, рождающий остаточный принцип выделения средств на удовлетворение социальных потребностей населения. А в результате возникают достаточно острые формы отчуждения.

Закономерно для социализма, скажем, и существование противоречия между интересами непосредственных производителей и интересами административно-управленческого аппарата. Возможности социалистического самоуправления при достигнутом уровне экономического и социально-культурного развития всегда объективно ограничены. Но когда несовпадение интересов принимает форму, при которой интересы управляющей группы начинают замещать интересы основной массы трудящихся, возникает бюрократизм, порождающий уродливые формы отчуждения.

---

[1] Куликов В. В. Экономические противоречия социализма: характер и формы разрешения. М.: Экономика, 1986. С. 33.

Таким образом, не вынесение корней отчуждения за рамки экономической сферы и за пределы социализма вообще, а поиск тех посредствующих звеньев, которые определяют связь между имманентными сущности социализма, не имманентными, но закономерными для определенных этапов социализма и аномальными явлениями, деформациями, — вот основной путь политико-экономического исследования рассматриваемых проблем.

Отчуждение неразрывно связано с процессом фетишизации производственных отношений. Последний — порождение таких объективных условий, при которых в представлении людей их собственные связи выступают как отношения вещей, институтов и подчиняются внешней силе этих отношений. Фетишизация сохраняется в различных формах «планового», товарного фетишизма в зависимости от характера тех вещных условий, которые господствуют над производителем. Не ушли еще в далекое прошлое исторические примеры фетишизации материально-технической базы, во многом в ущерб главной производительной силе — человеку. Возможна и фетишизация таких организационно-экономических отношений, как производственная дисциплина, вырождающаяся подчас во внешний, подавляющий человека контроль.

Вопросы эти возникли не сегодня. Многие из них уже были предметом пристального изучения, другие лишь поставлены экономической наукой. Но отчуждение труда — не просто новый термин, или, точнее, новое использование старого термина. Это общее понятие, которое завязывает в один узел целый ряд актуальных, чрезвычайно острых проблем социализма. Заключая в себе единство объективных основ и субъективной формы отношения работника к трудовому процессу, она нацеливает на изучение и изменение положения человека в современном производстве. Вновь обратиться к этому понятию нас заставляет сам характер происходящих экономических процессов.

Таким образом, широкий круг вопросов, затрагиваемых в данной главе, будет рассматриваться именно через призму объективных условий труда и отношения работников к своей трудовой деятельности. Поскольку речь идет о тех формах, в которых происходит соединение работника с общественными средствами производства, поскольку действительная самоцель любого рода деятельности — развитие человека — выступает одновременно высшей целью социалистического производства, мы выходим непосредственно на проблематику основного экономического закона социализма.

2. Осуществление основного экономического закона социализма: развитие в труде или вне его

В экономической теории многократно раскритикованы потребительские трактовки высшей цели социалистического производства, ограничивающие ее ростом материального благосостояния и тем более удовлетворением растущих материальных потребностей трудящихся (последняя вообще рассматривает развитие потребностей как нечто независимое по отношению к закономерностям социалистического производства). Тем не менее потребительские трактовки не уходят в прошлое, отражая сохраняющуюся во многом ориентацию хозяйственной практики на решение основных социально-экономических вопросов главным образом через повышение уровня потребления. Подобные трактовки не только извращают наши представления о коммунистическом способе производства в целом, но и не отвечают уже требованиям современного социализма. И сегодня особенно необходим новый подход к раскрытию основного экономического закона социализма, представляющего собой в своем наиболее общем определении совершенствование общественного производства в интересах свободного всестороннего развития всех его членов.

Постепенно становится общепризнанным, что высшая цель социалистического производства имеет сложную структуру и реализуется не только через повышение материального благосостояния, но и через увеличение и обогащение свободного времени трудящихся, а также через развитие работников в самом производственном процессе. Именно это последнее направление реализации высшей цели, осуществляющееся непосредственно в процессе производства и до последнего времени лишенное пристального внимания экономистов, составляет стержень гармоничного развития работников. Последующее рассмотрение проблемы преодоления отчуждения труда подводит к исследованию форм реализации основного экономического закона социализма в самом трудовом процессе.

На XXVII съезде КПСС было уделено большое внимание вопросам развития содержания труда, повышения заинтересованности работников в труде[1]. Это было вызвано обострением в последнее время широкого круга связанных с трудом социально-экономических проблем, приведших к возникновению ряда социальных групп работников, неудовлетворенных своим трудом.

Эти явления свидетельствуют о том, что формы реализации

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 48, 139, 151, 228, 237, 258.

высшей цели социализма — свободного и гармоничного развития работников — наталкиваются здесь на свои пределы в существующем типе разделения труда. Выражением отрицательного разрешения этого противоречия и выступает прежде всего отчуждение труда как деятельности, т. е. такая форма развития личности работника, при которой совершенствование одной-двух его способностей происходит за счет недоразвития всех прочих, а универсальное и гармоничное развитие человека выступает как внешняя, чуждая ему, надчеловеческая сила[1]. В основе отчуждения деятельности лежит возрастающая в процессе разделения труда противоположность различных его видов — умственного и физического, сложного и простого, творческого и сугубо исполнительского, обособление отдельных трудовых функций и закрепление каждого работника за узким кругом фиксированных трудовых операций, наконец, подчинение ритма этих операций вещной силе машины.

Социалистическое производство в процессе его растущего обобществления вместе с унаследованными от предшествующего способа производства производительными силами наследует, продолжает воспроизводить и отчасти даже развивает целый ряд форм разделения труда, сопряженных с частичным развитием работника, отчужденным полаганием его деятельности при отделении от человека значительной доли его умственных и физических способностей.

Тем самым сохраняется значительная масса репродуктивного труда, связанного с односторонностью развития работника, не позволяющего достаточно полно реализовать и всесторонне развивать его внутренние возможности. Противоположностью репродуктивного труда является труд творческий, дающий «каждому возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные»[2]. В отличие от репродуктивного, т. е. «воспроизводящего» одни и те же функции, труда творческая деятельность, создающая нечто новое для человека, носит динамичный характер, требует постоянного притока дополнительных знаний и навыков.

Преодоление унаследованных форм порабощающего разделения труда, утверждение нового творческого содержания труда являются сложным и противоречивым процессом. И в

---

[1] Отрицательное разрешение противоречия свободного развития работника и существующего разделения труда как раз и заключается в том, что оно происходит за счет каждого отдельного работника. Последний же вне зависимости от степени удовлетворенности трудом принимает как совершенно естественные эти противостоящие, во многом враждебные его личности условия труда.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 305.

нашем обществе еще ощутимы технократические тенденции, характеризуемые приоритетом развития техники над развитием человека, технико-экономических целей над социальными, вещного над личностным.

Возможности развития способностей работника в процессе производства определены прежде всего современными объективными характеристиками его труда: производственной средой и содержанием труда. Производственную среду характеризует комплекс условий, воздействующих на здоровье работника, — общая вредность работы, соблюдение санитарных норм (допустимой освещенности, температуры, влажности, уровня шума, вибрации и пр.) и прогрессивность этих норм, а также заданная интенсивность труда (физическая и нервная нагрузка). Содержание труда заключает комплекс условий, определяющих возможности проявления в нем творческого начала, — степень его сложности, самостоятельности, организации, возможность перемены труда[1]. Для раскрытия отношения работников к труду в различных социальных группах критериальное значение для разделения этих групп имеет сейчас не классовый признак и не профессиональная структура, а прежде всего содержание труда и система сложившихся у работников действительных и абсолютных потребностей.

Субъектное отношение отчуждения труда как деятельности претерпело при социализме значительные исторические изменения. Непосредственно после Великой Октябрьской революции были значительно улучшены условия труда рабочих: на 10—20 % уменьшилась скорость механизмов, сократились и рабочий день, и интенсивность труда. При нарастающей уравнительности в распределении и падении дисциплины это привело к десятикратному снижению производительности труда. И главным путем ее повышения в 20-е годы стала не механизация и рационализация производства, а интенсификация труда, основанная на добровольном увеличении напряженности труда и систематических сверхурочных работах[2]. Высокая интенсивность труда нередко достигалась ценой действительного героизма трудящихся масс, за счет истощения рабочей силы, повышенной заболеваемости и смертности, хотя даже и при этом она не доходила до капиталистического уровня интенсивности[3]. Причем, систематические переработки

---

[1] Что же касается понятия «характер труда», то оно выражает принципиальные социально-экономические черты труда, связанные с типом собственности, наличием или отсутствием эксплуатации, формой включения рабочей силы в производственный процесс, уровнем обобществления производства.

[2] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Госполитиздат, 1957. С. 66—68.

[3] Там же. С. 68.

были характерны не только для работников физического труда, но и для служащих.

Сначала повышенная производительность труда достигалась через организацию коммунистических субботников. Затем появились ударные бригады, сознательно ограничивающие внерабочее время, время для отдыха и уплотняющие рабочий день. Вслед за ними наступила эпоха новаторов-рекордистов, борющихся за рост выработки и качество продукта, использующих уже различные методы рационализации труда. Укреплялись коллективные бригадные формы новаторства, а позднее, уже в конце 50-х годов возникли бригады коммунистического труда.

В целом в этот период складывался технический подход к рабочей силе. Человек нередко рассматривался в качестве «простого мотора», обладающего, подобно всякой машине, определенными производительными возможностями, нуждающегося в поддержании работоспособности и имеющего своеобразный «коэффициент полезного действия», равный не более 10 % усвоенных организмом калорий. При всем понимании особой ценности рабочей силы подобное ее применение в тех конкретно-исторических условиях часто представлялось неизбежным[1].

Таким образом, объективной основой нового социалистического отношения к труду, того неповторимого трудового энтузиазма были прежде всего не технико-организационные изменения в процессе труда, а преобразование отношений собственности. Повышенный интерес к тяжелому, по существу отчужденному от личности работника труду формировался его свободным от эксплуатации характером и поддерживался ожиданием скорейших и решительных перемен. В эти годы многократно возросли самые различные формы социально-экономической активности — участие в общественной деятельности, занятия самообразованием, достигавшие до 50 % свободного времени рабочего.

В результате сложился первый исторический тип социалистического работника. Его сформировали поколения, прошедшие испытания сначала гражданской, затем Великой Отечественной войн, воспитанные трудными условиями строительства и укрепления основ социализма. Типичным субъектом производства стал работник, сознательно относящийся к своему труду, с высоким уровнем исполнительности и трудовой дисциплины. Подобное отношение к труду во многом проистекало из реального чувства хозяина общественного производства, ощущения свободы и удовлетворенности трудом относительно

---

[1] Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 527.

независимо от его содержания. Безусловно, в этот период для работника реальная свобода выбора в трудовой сфере — и технологических средств, и организационно-экономических отношений — была ограничена. Труд во многом являлся объектом чисто административного регулирования. Экономическая свобода работников, совпадавшая с установленной свыше необходимостью, в значительной мере имела идеологические корни, выступая при этом как массовое субъективное отношение к труду. Объективная же основа свободы самого труда уже в 30-е годы постепенно сужалась. В какой-то мере это компенсировалось совершенствованием материального стимулирования, которое также уступало место прямому внеэкономическому принуждению, вплоть до введения в 1940 г. уголовной ответственности за уход с работы и т. п.

В результате для этого типа работников были характерны привычка к тяжелым условиям труда и быта, скромные потребительские и культурные запросы, ограниченные в основном предметами первой необходимости. Причем обеспечение даже этих потребностей при высоких нормах выработки и низкой заработной плате требовало достаточно напряженных трудовых усилий. Нередко запросы к труду и потреблению переносились в будущее ради достижения высоких и казавшихся столь близкими исторических целей социализма. Переход в процессе социалистических преобразований от постоянных лишений к достаточно обеспеченному существованию был для работника ярким свидетельством экономического прогресса социализма, поддерживающим престиж труда на общественную пользу. Все это в значительной мере снимало субъективную форму отчуждения труда, опережая во многом преодоление объективного отчуждения деятельности работников. Кроме того, при низком образовательно-квалификационном уровне нередко даже не слишком сложный механизированный труд предоставлял работнику поле для определенного развития. Но расширение и усложнение системы производства, постепенное насыщение «первичного» уровня потребностей, происходящее на фоне активной реализации социально-культурных программ и быстрого роста образовательного уровня населения, привели к формированию нового исторического типа социалистического работника, первые поколения которого вступили в производство уже в 60-е годы. Для него характерен качественно иной уровень требований работников не только к личному потреблению, но и к самому процессу труда. Причем если старые работники испытывали неудовлетворенность главным образом условиями производственной среды, сглаженную к тому же силой привычки, то для нового субъекта производства все более значительную роль стала

играть содержательная сторона деятельности. При этом последовавшая в середине 60-х годов более реалистическая оценка перспектив развития и определенное «размывание» общественных ориентиров способствовали все большему обращению запросов из будущего к настоящему.

Что же касается материальной основы производства, то здесь изменения происходили значительно медленнее при сохранении до настоящего времени существенных трудовых различий, значительных объемов тяжелого ручного и чисто репродуктивного труда. И с этого периода начинается процесс массового осознания отчуждения труда как деятельности. Так, в рамках одного трудового процесса два различных типа производителя становятся носителями различных субъектных отношений отчуждения. При этом старые работники постепенно уходили из производства, они уже не составляли основного отряда трудящихся. Изменение же ситуации не было, на наш взгляд, своевременно и должным образом оценено. Вся система управления и стимулирования труда продолжала по инерции опираться именно на этих работников, поддерживая иллюзию «встроенности» трудовой мотивации в действующую систему производственных отношений социализма. Консервация объективных условий труда, развитие их «по собственной системе координат» в свою очередь привело к объективному росту степени отчуждения. Соответственно стала снижаться эффективность использования трудового потенциала. Неизбежной побочной ветвью растущего отчуждения труда стало заметное падение престижа трудовой деятельности. Отношения некоторой отчужденности возникли и между представителями двух указанных трудовых групп.

Какова же в настоящее время картина отчуждения труда как деятельности в нашей стране? Косвенным образом ее можно установить по результатам социологических исследований (фиксирующих, конечно, только осознанную «надводную» часть айсберга отчуждения).

В наибольшей мере неудовлетворенность своим трудом (а ее высказывают, как правило, от $^1/_5$ до $^1/_3$ опрашиваемых работников) вызывается состоянием производственной среды. Социологические исследования показывают, что санитарно-гигиеническими условиями не удовлетворены более половины рабочих и более трети инженерно-технических работников (это приблизительно вдвое превышает число неудовлетворенных содержанием своего труда[1]). Причем общая неудовлетво-

---

[1] Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда / Под ред. О. И. Шкаратана. М.: Мысль, 1985. С. 122, 164; Критерии и показатели социально-экономической эффективности новой техники / Под ред. М. А. Виленского. М.: Наука, 1982. С. 237.

ренность работой, как правило, прямо корреспондирует с характером производственной среды. С этой стороны она меньше проявляется у специалистов и наиболее высока у рабочих низкой квалификации. При особо неблагоприятных условиях труда (например, в некоторых тяжелых его видах в сельском хозяйстве) доля неудовлетворенных трудом работников, особенно среди молодежи, может превышать 80 %[1].

Характерно, что на совершенствование условий труда направлена бóльшая часть поступающих от рабочих предложений по рационализации производства. И это вполне объяснимо, ибо характер производственной среды воздействует непосредственно на здоровье человека, приводит к дополнительным физическим (мышечным и нервным) нагрузкам. Последствия нарушений нормальных условий труда наиболее ощутимы для работника, а вызываемые ими противоречия более остры и потому проще для сознания. В отдельных случаях эти нарушения относительно легко устранимы.

Объективно же условия производственной среды оказались одной из наиболее консервативных сторон производства, отстававших в своем развитии от совершенствования техники, от повышения квалификационного уровня рабочей силы, от роста ее потребностей. В целом сложилось не вполне благоприятное положение дел в области охраны труда и соблюдения санитарных норм на производстве.

Это подтверждают, в частности, материалы XVIII съезда профсоюзов СССР, в которых были отмечены медленное сокращение производственного травматизма на предприятиях ряда министерств (Минчермет, Минхимпром, Минводхоз, Госагропром), высокая аварийность в большинстве отраслей транспорта. Неудовлетворительными признаны условия труда работников государственной торговли и потребительской кооперации. По результатам проверки ВЦСПС и Госстандарта СССР, лишь 6 % серийно выпускаемых машин и механизмов полностью соответствуют требованиям стандартов безопасности труда[2], каждый третий проект, третья единица выпускаемого оборудования, каждое четвертое предприятие, вводимое в эксплуатацию, имеют серьезные недостатки в области охраны труда[3].

Затраты на охрану труда в народном хозяйстве СССР в последний период возрастали опережающими темпами[4]. Однако выделяемые на эти цели средст-

---

[1] Иванов Ю. К., Патрушев В. Д. Влияние условий труда на удовлетворенность трудом работников сельского хозяйства // Социологические исследования. 1976. № 3. С. 65.

[2] Правда. 1987. 25 февраля.

[3] Роик В. Д. Вредны ли условия труда? Знать, чтобы улучшать // Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 4. С. 164.

[4] Так, темпы роста среднегодовой величины затрат на охрану труда работников опережали темпы роста среднегодового объема используемого национального дохода в сопоставимых ценах в десятой пятилетке по сравнению с девятой на 4,4 %, в одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой — на 5,5 % (Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1985 г. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 410, 457).

ва не всегда использовались достаточно рационально. Подсчитано, что лишь $^1/_5$ средств, направляемых в целом на улучшение условий труда в промышленности, идет собственно на их формирование, а остальные — на компенсацию неблагоприятных условий, ликвидацию негативных последствий. При этом затраты на улучшение условий труда распределяются в народном хозяйстве крайне неравномерно. В расчете на одного работающего в различных отраслях промышленности они разнятся более чем в 7 раз, а межотраслевые различия затрат по ликвидации вредных условий труда — до 60 раз[1]. Сохранение в ряде отраслей вредных условий труда, нарушающих жизненные функции человеческого организма, служит причиной наиболее грубой формы проявления отчуждения труда[2].

Сохраняется и значительный разрыв в условиях труда на аналогичных производствах по регионам страны. Он связан как с объективными природно-климатическими факторами, так и с господством в течение длительного времени остаточного принципа формирования капитальных вложений на социальные мероприятия во вновь осваиваемых экономических районах.

По результатам последних лет положение в данном отношении несколько улучшается. Тем не менее состояние производственной среды еще остается узким местом, во многом сдерживающим реализацию трудовых возможностей работников.

Осложнение условий труда часто вызывается потребностями развития народного хозяйства. Одним из необходимых направлений улучшения использования производственного потенциала в настоящее время является повышение коэффициента сменности работы машин и оборудования. Это направление более эффективной эксплуатации основных производственных фондов сопряжено с увеличением занятости в вечерние и ночные смены, что, безусловно, утяжеляет условия труда работников, сказывается на условиях воспроизводства рабочей силы и затрудняет возможности развития работников во внерабочее время и, таким образом, объективно усиливает отчуждение трудовой деятельности[3]. Для компенсации ухудшающихся условий труда в данном случае недостаточно лишь установления надбавок к заработной плате. Особое внимание должно быть уделено облегчению трудовой деятельности, улучшению бытовых условий. Между тем от 30 до 50% опрошенных работников, перешедших на многосменный режим, не удовлетворены пока работой городского транспорта, торговым обслуживанием, общественным питанием[4]. Общая неудовлет-

---

[1] Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 4. С. 165.

[2] Например, у работниц в ряде отраслей, связанных с вредным химическим производством, количество рождающихся недоношенных детей более чем в 1,5 раза выше среднего уровня по стране (Правда. 1987, 13 апреля).

[3] Многосменный режим работы необходим там, где речь идет о новейшей высокопроизводительной и дорогостоящей технике. Но далеко не всегда его введение целесообразно при использовании уже устаревшего оборудования. Это не оправдано вдвойне при существующем дефиците рабочей силы и новейшей техники.

[4] Правда. 1987. 24 апреля.

воренность трудящихся налаженностью бытовых условий в производстве (обеспеченностью бытовыми помещениями, питанием и т. п.) пока еще относительно высока.

Несоответствие условий труда требуемым нормам, во-первых, порождает чисто экономические потери. Быстрая утомляемость работника ведет к снижению интенсивности его труда (при нарушении санитарно-гигиенических норм производительность труда, по различным оценкам, падает на 10—25% и более[1]). Возникают значительные потери рабочего времени из-за временной нетрудоспособности работников, которые только в промышленности в 10 раз превышают масштабы урона от прогулов, простоев, неявок с разрешения администрации[2].

Во-вторых, неблагоприятные условия труда снижают престижность данного вида труда, формируют исходную основу, первую и наиболее простую причину отчуждения трудовой деятельности, которая ведет к росту пассивности, снижению выработки и падению дисциплины, желанию сменить место работы. Неудовлетворенностью условиями труда, жизни и быта вызвано около $^2/_3$ всех увольнений с предприятий[3].

Особенно уродуют несоответствующие нормам условия труда работающую женщину. Выполнение наравне с мужчинами целого ряда тяжелых вредных трудовых операций может приводить к подрыву здоровья. Нередко ослабляется способность к продолжению рода и к воспитанию детей, деформируются семейные отношения.

В рамках характеристики производственной среды особой проблемой, связанной как с объективными основами отчуждения деятельности, так и с субъективной формой отношения работников к труду, является интенсивность труда. С одной стороны, чрезмерная интенсивность, выходящая за пределы ее нормального уровня, ведет к дополнительному напряжению, повышенной усталости и ослаблению здоровья работников. С другой стороны, недостаточный уровень интенсивности не только сопряжен с потерями от простоев, достигающих, по различным оценкам, от 5 до 30% общего фонда рабочего времени, но, безусловно, вызывает негативное отношение к труду, общее состояние неудовлетворенности данным видом деятельности.

---

[1] Иванова Р. К. Перерастание социалистического труда в коммунистический. М.: Наука, 1983. С. 147; Критерии и показатели социально-экономической эффективности новой техники. С. 168.

[2] Правда. 1987. 26 февраля.

[3] Дудкин В. Критерий оптимальности процессов движения и стабилизации кадров // Экономические науки. 1986. № 12. С. 56.

В настоящее время существуют не только индивидуальные, но значительные отраслевые различия в уровне интенсивности труда, обусловливающие неравномерность технологического отчуждения. Так, наличие высокого процента потерь рабочего времени в строительстве позволяет утверждать, что в этой сфере интенсивность труда в среднем не достигла своей общественно нормальной величины. Напротив, повышенная интенсивность характерна для труда шахтеров, металлургов, а наибольшее уплотнение рабочего времени наблюдается в текстильной промышленности. Высокая, а нередко и чрезмерная интенсивность труда в этих отраслях часто порождена стремлением к наращиванию объемов производства на старой материально-технической базе, т. е. почти полностью за счет активизации человеческого фактора, методами, характерными для исключительных во многом исторических условий 20—30-х годов. Результатом повышенной напряженности труда становятся высокий уровень профессиональной заболеваемости и относительно ранняя потеря трудоспособности. Например, у текстильщиков заболеваемость на 23% выше, чем у работников других отраслей, нередко до половины ткачих оставляет профессию, едва доработав до 40 лет (Социалистическая индустрия. 1987. 9 июля).

Таким образом, чрезмерная интенсивность может быть одним из объективных факторов растущего отчуждения труда. В то же время для большинства сфер на современном этапе остается актуальным вопрос о повышении интенсивности труда до общественно нормального уровня. При этом, однако, главным фактором интенсификации труда должно стать не усиление его напряженности за счет все большего уплотнения рабочего времени, а увеличение непрерывности труда путем его лучшей организации, уменьшения разрывов рабочего времени, ликвидации простоев, повышения ритмичности производства.

Важно отметить, что отношение работника к труду зависит не только от абсолютного и относительного уровня его интенсивности, но и от методов ее достижения, от форм организации трудового процесса, от того, создается ли эта интенсивность принудительным ритмом машины, постоянным понуканием администрации или относительно свободно регулируется самими работниками, ответственными не за соблюдение регламента как такового, а лишь за своевременное достижение конечного результата. При одном и том же уровне интенсивности возможности преодоления «технологического» отчуждения труда могут быть различными в зависимости от степени самостоятельности работника, от того, является ли он активным субъектом организационно-экономических отношений или он отчужден от этих отношений. Работник, относительно свободно распоряжающийся своим рабочим временем, может наиболее рационально и с наименьшим ущербом для себя и для производства распределить свои трудовые усилия с учетом своих чисто личных факторов. Одновременно он меньше ощущает себя объектом принуждения.

Конечно, обеспечение должной безопасности труда, соблю-

дение норм санитарно-гигиенических условий и интенсивности труда сами по себе еще не формируют творческого, развивающего работника труда. Но они создают необходимые условия, благоприятный «фон» для утверждения нового содержания труда, снимая то «предельное» отчуждение, когда работник отвращается от труда еще до начала самого процесса.

Если производственная среда влияет прежде всего на физическое состояние работника и в меньшей мере на моральную сторону процесса, то содержание труда касается преимущественно моральных стимулов трудовой активности. Содержание непосредственной трудовой деятельности особенно важно тем, что от него в наибольшей мере зависит характер развития способностей человека. Показательно, что при устойчиво высокой роли материального стимулирования все же более половины опрашиваемых работников предпочитают высокому заработку те или иные виды творческой работы. На явно непривлекательную работу соглашаются лишь 30% опрошенных[1].

При этом неудовлетворенность работников своими реальными трудовыми функциями, очевидно, более высока, нежели неудовлетворенность полученной специальностью. Отчасти это связано с таким массовым явлением, как работа не по своей непосредственной специальности (от $^1/_4$ до половины занятых[2]). Но главная причина заключается в несоответствии реального содержания труда образовательно-квалификационному уровню работников, в отсутствии у них возможностей для применения и развития своих трудовых способностей.

В развитии человека, не ограничиваемом относительно узкими потребностями материального производства, нашла свое закономерное проявление гуманная природа социализма. И это развитие сейчас оказывает все большее давление на преобразование производственного процесса.

Причем отметим, что неудовлетворенность содержанием труда у рабочих связана скорее всего с растущим уровнем общего образования и культуры одним из важных завоеваний социализма, опережающим развитие материальных условий труда, нежели со значительным превышением профессионального и квалификационного уровня над содержанием

---

[1] Аитов Н. А. Советский рабочий. М.: Политиздат, 1981. С. 50; Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. С. 20; Кормилкин А. В. Заботу о человеке — на плановую основу//Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 2. С. 88. Определенную роль здесь играют уравнительные тенденции в оплате различных видов труда. При суженных возможностях выбора трудовой сферы по величине заработка, естественно, растет значение для работника содержания предполагаемой деятельности.

[2] Аитов Н. А. Указ. соч. С. 63.

выполняемых трудовых операций. Напротив, практика показывает, что часто не хватает именно квалификации, особенно при внедрении нововведений. Результатом нередко становится массовое невыполнение сдельщиками прогрессивных норм выработки. Низкая квалификация на машиностроительных предприятиях является непосредственной причиной $^{2}/_{3}$ производственного брака и $^{1}/_{3}$ поломок оборудования[1].

Одной из причин растущего несоответствия выбранной специальности потребностям работника выступает слабое развитие в нашей стране системы профессиональной ориентации. В результате ежегодно в ПТУ поступают 15—20% профессионально непригодных юношей и девушек. Неудивительно, что после первых 2—3 лет работы, как правило, увольняются 65% окончивших эти училища[2].

В целом же молодежь, очевидно, в наибольшей степени по сравнению с другими возрастными категориями не удовлетворена условиями своего труда. И в ближайшей перспективе руководителям производства придется коренным образом изменить сложившееся отношение к содержанию труда на существующих и вновь вводимых рабочих местах, иначе проблема трудовой мотивации примет еще более острый характер.

Современный научно-технический прогресс оказывает противоречивое воздействие на развитие содержания труда. Преобладающей общеисторической тенденцией является в целом усложнение труда. Научно-технический прогресс, таким образом, требует разностороннего развития субъекта производства. Но нередко реализация его достижений ведет к использованию труда (в том числе и квалифицированного) на узкоспециализированных, простых операциях с высокой степенью их однообразия и монотонности.

Так, например, в квалифицированном труде на машинах и механизмах рабочих-станочников — самого многочисленного отряда рабочих в промышленности — примерно 50% приходится на труд монотонный, стереотипный[3]. Одним из наименее привлекательных видов труда с точки зрения его содержания считается труд на конвейере с его принудительным ритмом и постоянной повторяемостью операций. Преимущественно ручным, монотонным конвейерным трудом в промышленности к концу 70-х годов было занято около 22—25%, а в некоторых отраслях (например, в легкой и пищевой промышленности) — до 80% рабочих[4].

Противоречивое воздействие оказывает на условия и содержание труда и высшая форма современного научно-техничес-

---

[1] Правда. 1987. 31 января.

[2] Трудовой потенциал советского общества. М.: ИЭ АН СССР, 1987. С. 55.

[3] Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. С. 85.

[4] Москович В., Ананьев В. Профессионально-квалификационная структура рабочих//Вопросы экономики. 1979. № 6. С. 63; Иванова Р. К. Указ. соч. С. 119.

кого прогресса — автоматизация производственных процессов. В целом на автоматизированных участках несколько снижается общая напряженность труда (при этом если физические нагрузки уменьшаются вдвое, то приблизительно на $^2/_3$ возрастает умственное, нервное напряжение)[1]. В то же время неравномерно улучшаются различные параметры производственной среды: как правило, обеспечивается нормальный уровень освещенности, температуры, но значительно хуже обстоит дело с ликвидацией шума, вибрации.

Во многом качество преобразований в труде зависит от уровня, на котором осуществляется автоматизация производства. По наблюдениям специалистов, первоначальный низкий уровень автоматизации влечет за собой даже определенное ухудшение условий труда и упрощение его содержания, которые преодолеваются по мере перехода к более высоким типам автоматизированных процессов[2].

Сложное влияние оказывает производственная автоматизация и на профессиональный состав занятых. Здесь с ростом специализации прогрессирует расслоение категорий работников по критерию содержательности труда: растет доля высококвалифицированных операторов-наладчиков, выполняющих сложные и разнообразные трудовые функции с большим потоком информации, которые требуют значительных профессиональных знаний, но наряду с этим увеличивается и другая группа операторов с ограниченными обслуживающими, наблюдательскими и исполнительскими функциями. Причем у этой последней группы набор трудовых функций по сравнению с аналогичными неавтоматизированными участками определенно сужается. В результате в одном и том же процессе происходит одновременно преодоление и нарастание отчуждения деятельности для различных субъектов производства.

Таким образом, автоматизация производства в ее современных формах, обеспечивая определенное продвижение вперед по пути ликвидации материально-технических условий отчуждения труда, не может служить панацеей в решении этих проблем. И хотя общая неудовлетворенность содержанием своего труда при переходе к автоматизированному производству явно снижается, доля неудовлетворенных все же остается довольно высокой — от $^1/_4$ до $^1/_3$ опрашиваемых работников[3].

В большей мере неудовлетворенность содержанием своей

---

[1] Кревневич В. В. Социальные последствия автоматизации. М.: Наука, 1985. С. 129.

[2] Там же. С. 77, 125.

[3] Там же. С. 71, 74.

деятельности характерна для специалистов (инженерно-технических работников, научных работников). По данным Института социологических исследований АН СССР, среди работников этих категорий она может достигать от четверти до половины занятых.

Неудовлетворенность специалистов своим трудом во многом вызвана нецелесообразным использованием их профессиональных знаний. При оценке содержания своей работы лишь около половины инженерно-технических работников считают, что она соответствует их квалификации, а 30% уверены, что их работа вообще не требует высшего образования. Избыточным считают высшее образование 90% работающих мастеров[1].

В народном хозяйстве постепенно возрастает число дипломированных специалистов, занятых на должностях, не требующих имеющегося у них уровня подготовки (особенно резкий рост — от 2 до 10 раз по различным отраслям народного хозяйства наблюдается в 80-е годы). Их общее число сейчас составляет около 4 млн. человек. Только в Москве, например, 132 тыс. дипломированных специалистов трудятся в качестве рабочих. В промышленности же в целом каждый второй специалист работает на должности, не требующей полученной квалификации и специальности[2]. Конечно, современное производство, связанное с обслуживанием сложного и уникального оборудования, во все возрастающей мере требует привлечения рабочих-наладчиков и ремонтников с инженерным образованием, но явно пока не в таком большом количестве. Можно предположить, что массовый отказ высококвалифицированных кадров от работы по своей специальности порожден не только относительно более низкой по сравнению с рабочими оплатой труда специалистов и слабой увязкой их трудового вклада с получаемым вознаграждением, но и в значительной мере неудовлетворенностью содержанием деятельности на предложенных им рабочих местах, недостаточными возможностями для творческой самореализации[3].

Для молодых специалистов их отчуждение от научной деятельности, например, начинается еще в период обучения. Осознание того общеизвестного факта, что полученные в процессе подготовки знания в большинстве случаев не находят своего применения в производстве, естественно, снижает интерес к овладению ими. Таким образом, отстраненность от целесообразной деятельности возникает часто задолго до самого трудового процесса.

Ощутимый отток специалистов на рабочие должности в свою очередь поддерживает дефицит этих специалистов. Возрастающее количество вакантных мест заполняется в значи-

---

[1] Социологические исследования интеллигенции / Под ред. Ю. Н. Козырева и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982. С. 23, 82: Профессиональные отряды интеллигенции / Под ред. В. Ф. Сбытова. М.: ИСИ АН СССР, 1985. С. 35; Московский комсомолец. 1986. 17 декабря.

[2] Правда. 1986. 1 июня; Московская правда. 1986. 5 октября; Правда. 1987. 18 января.

[3] Об этом свидетельствует тот факт, что доля работников с высшим образованием, перешедших на рабочие места, не предполагающие подобного уровня подготовки, на порядок ниже у работников академической науки, преподавателей, деятелей культуры, чем у инженерно-технических работников.

тельной мере лицами более низкой квалификации[1]. Последние же часто не готовы к активной профессиональной деятельности на данном рабочем месте и, более того, не стремятся к осуществлению каких-либо преобразований, удовлетворяясь невысоким уровнем оплаты за возможность ненапряженной работы. Существующий дисбаланс между структурой рабочих мест тем самым дополняется взаимной подменой кадров различной квалификации, что еще более усиливает несоответствие потребностей работников содержанию их труда.

В последнее время в экономической литературе и периодической печати все чаще появляются различные данные о структуре рабочего времени специалистов. Так, например, определено, что во многих случаях лишь одна треть рабочего времени инженеров затрачивается на конструкторско-технологическую, исследовательскую и аналитическую работу, а доля этой продуктивной части рабочего времени в цикле создания образцов новой техники составляет лишь 25—30 %[2]. Две трети служебного времени инженера зачастую уходит на канцелярские хлопоты и неделовые разговоры[3]. Соответственно сравнительно невелика доля творческого, развивающего работника труда (у инженерно-технических работников, по одним данным, она составляет от 15 до 45 % рабочего времени[4], по другим — сложный умственный труд составляет у инженеров 30—35 %, в том числе творческий — 10 %[5]). И судя по всему, доля творческого труда постепенно снижается. Так, за последние три десятилетия в бюджете времени конструктора, например, она сократилась с 80 до 10—20 %[6]. А подавляющая часть рабочего времени — до 60—70 % времени управленцев, 40—50 % времени научных и инженерно-технических работников — уходит на чисто технический труд по составлению бумаг, растрачивается на выполнение разных малополезных процедур, соблюдение регламентов[7].

Объективной основой данного процесса в эпоху научно-технической революции стало массовое обобществление умственного труда. Умственная работа, бывшая еще в начале XX в. уделом одиночек, относительно свободно избиравших свои цели и еще более свободно — способы их достижения, стала прерогативой крупных коллективов, где свобода участников ограничена взаимообусловленностью их работы. Во многом это обобществление проводилось чисто индустриальными методами. И нередко формой урегулирования взаимо-

---

[1] В то время как в обрабатывающей промышленности, например, половина квалифицированных работников трудится на местах более низкой квалификации, до 60—70 % мест, требующих специального образования, заняты неспециалистами (Осипов Г. В. Полнее использовать товарно-денежные отношения и закон стоимости // Социологические исследования. 1986. № 1. С. 62—63).

[2] Правда. 1986. 20 октября.

[3] Московский комсомолец. 1986. 17 декабря.

[4] Рабочий и инженер. Социологические факторы эффективности труда. С. 203.

[5] Социологические исследования. 1986. № 1. С. 63.

[6] Правда. 1986. 12 июля.

[7] Правда. 1987. 7 марта.

связей работников умственного труда выступала жесткая регламентация деятельности внутри коллектива без учета специфики творческого труда, что деформировало в конечном счете его содержание.

Итак, по нашему мнению, для плодотворного анализа реализации основного экономического закона социализма необходимо во многом пересмотреть традиционную классификацию видов труда на ручной и механизированный, умственный и физический.

Вытеснение основной массы ручного, в первую очередь тяжелого, труда должно сыграть важную роль в развитии его содержания. Огромное значение имеет принятие программы мер по сокращению применяемого ручного труда. Однако необходимо учитывать, что нередко ручной труд более сложен и разнообразен, нежели идущий ему на смену механизированный труд, а в ходе научно-технического прогресса возникают новые виды высококвалифицированного ручного труда, такие, например, как ремонт и наладка современного автоматизированного оборудования. Неправомерно также связывать отчуждение с трудом физическим в противовес умственному. Умственный труд инженерно-технических работников и прочих специалистов, как показано выше, может быть так же, как и физический, отчужден от самого производителя.

Отчуждение умственных, духовных потенций работника происходит в процессе не только тяжелого, изнурительного физического труда, но и труда умственного, связанного с выполнением простых, однообразных, монотонных работ. Отчуждение работника от физического развития проявляется в однобокости этого развития при совершении частичных физических операций, а также в полном отстранении от всякого физического труда, неподвижности работника в трудовом процессе. Решающее же значение в анализе содержательности труда с точки зрения высшей цели социалистического производства, безусловно, принадлежит соотношению творческого и репродуктивного труда.

Отсутствие у субъектов отчужденного труда достаточных возможностей для реализации способностей в трудовом процессе поддерживает тенденцию, при которой сфера развития человека перемещается за пределы материального производства — в сферу потребления, в область свободного времени. Труд же по-прежнему носит в основном вынужденный характер средства для удовлетворения иных потребностей, нежели потребность в труде. Насколько широки границы творческого развития в этой внешней по отношению к труду сфере, возможно ли снятие или ослабление противоречий отчуждения труда за пределами рабочего времени?

Исторически вплоть до настоящего времени главенствующим показателем, по которому оценивались успехи социально-экономического развития, главным критерием реализации основного экономического закона социализма выступал рост материального благосостояния. Такой подход объективно обусловливался длительно существовавшим отставанием в удовлетворении ряда основных материальных потребностей граждан.

В настоящее время производство в нашей стране обеспечивает удовлетворение потребностей в основных продуктах питания в среднем на уровне 75—80 %, в промышленных товарах — около 90 % рациональных норм потребления. В количественном отношении в соответствии с Комплексной программой производства товаров народного потребления и развития сферы услуг мы выйдем на уровень этих рациональных норм потребления за период до 2000 г. С учетом же качества производимых продуктов степень удовлетворения потребностей, очевидно, пока значительно ниже. В целом потребительская сфера в ее современном состоянии представляет довольно ограниченные возможности для развития человека. К тому же из всей совокупности приобретаемых предметов потребления и услуг подавляющую долю сейчас составляют те, что направлены на поддержание жизни человека, воспроизводство его рабочей силы. И лишь незначительная часть предназначается для развития человека, активизации его творческой деятельности.

Так, в семейном бюджете рабочих и колхозников, несмотря на постепенное снижение, доля расходов на питание еще составляет соответственно 29,4 и 33,4 % (при ценах на многие продукты значительно ниже их себестоимости), а расходов, например, на социально-культурные и бытовые услуги достигает лишь 24,4 и примерно 15 %[1]. По данным обследований в одной из областей РСФСР, годовые удельные расходы на алкогольные напитки более чем в 9 раз превышали расходы на культурные цели[2].

Отчужденный характер трудовой деятельности и сохранившийся недостаточный (прежде всего в качественном отношении) уровень удовлетворения потребностей служат базой, воспроизводящей тенденцию потребительства — превращенной формы индивидуального потребления — замыкания человека на стремлении к все более полному удовлетворению материальных потребностей, постепенно выходящему за рамки естественных потребностей и начинающему тормозить его саморазвитие. Потребительство проявляется в стремлении обеспечить максимум личного потребления, каково бы ни было содержание совершаемого трудового процесса. Материальные блага образуют здесь своего рода фетиш, а отношение к вещи подменяет собой межличностные отношения.

Рост материального благосостояния в целях удовлетворения и развития материальных потребностей действительно является исходным, первичным моментом в реализации выс-

---

[1] Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 418—419.

[2] За трезвый образ жизни. «Круглый стол» журнала «Коммунист» в Ульяновске // Коммунист. 1987. № 11. С. 33, 35.

шей цели социалистического производства. Без достаточно высокого уровня материального благосостояния нельзя всерьез говорить о каком-либо гармоничном развитии членов общества. Но само по себе повышение этого уровня отнюдь не гарантирует автоматически реализацию высшей цели социализма.

Рост материального благосостояния по мере насыщения основной массы материальных потребностей должен привести к тому, что эти исходные потребности отодвинутся на второй план, уступив свое место потребностям более высокого порядка, в том числе высшей потребности человека — в творческом труде (относительный разрыв между возможностями производства и растущими потребностями, естественно, неустраним). Однако возможен и совершенно иной результат — через развитие потребления посредством постепенного удовлетворения сначала основных, наиболее простых, затем производных, все более и более сложных, «тонких» потребностей можно прийти от потребительства, порожденного относительной бедностью удовлетворения материальных потребностей, к потребительству другого рода — изощренному, возникающему из богатства товарного мира. Замыкание на возможности приобретения все новых материальных благ неумолимо ведет к деформации структуры потребностей, смещению целей и ценностей, удовлетворению потребностей уже не действительных, а мнимых, которые служат отнюдь не творческому совершенствованию человека, а совершенно внешним целям — накопительству, поддержанию престижа и т. п. Именно таким результатом чревато достижение быстрого роста производительности труда при сохранении условий отчуждения от трудовой деятельности.

Альтернатива эта служит выражением реального противоречия современного развития социалистического производства и свидетельствует об определенной ограниченности преобладающего в настоящее время способа реализации высшей цели социалистического общества, которое создает лишь исходную основу для ее достижения. В свою очередь рост потребления не ведет автоматически и к росту трудовой активности работников.

Проблема удовлетворения материальных потребностей так или иначе перерастает в проблему свободного времени, которое и становится, во многом вынужденно, полем развития для человека отчужденного труда, для которого рабочее время представляет собой чистый вычет из его жизни. Свободное время становится его «действительным богатством», «царством свободы», лежащим за пределами материального производства.

Но возможности развития за пределами рабочего времени объективно ограничены. Прежде всего значительная часть

внерабочего времени вовсе не является свободным. Она связана с занятием домашним хозяйством (уровень механизации труда здесь остается крайне низким), растрачивается на очереди, переезды к месту и от места работы и т. д. Например, в нашей стране затраты на самообслуживание в быту еще составляют более 100 млрд. часов в год, что равносильно труду 50 млн. человек[1].

В собственно же свободном времени изрядную долю занимают пассивные виды отдыха, направленные на простое восстановление рабочей силы человека. На осуществление же различного рода активной возвышенной деятельности, в которой и реализуется действительно высшая цель социализма, приходится, по нашим расчетам, в среднем в недельном бюджете времени рабочих и служащих у мужчин 17,2 %, у женщин — 11,4 %, в бюджете времени колхозников у мужчин — 14,9 %, у женщин — 8,6 %[2].

Показательным в этом отношении является распространение среди работающего населения такой формы активной деятельности, как занятия физической культурой. В настоящее время им уделяется только 1—2 % свободного времени. Систематически физической культурой занимаются лишь $^1/_3$ работников, а фактически отводимое на нее свободное время в 2—3 раза ниже нормативного уровня[3].

В то же время такой вид отдыха, как просмотр и прослушивание телевизионных и радиопередач, как правило, занимает от $^1/_3$ до $^1/_2$ используемого свободного времени[4]. В целом структура свободного времени, по статистическим данным, изменяется довольно медленно[5].

В условиях воспроизводящегося отчуждения труда подобное расходование свободного времени вполне объяснимо. Репродуктивный по содержанию труд, вызывающий у работника

---

[1] Правда. 1986. 5 февраля.

[2] Рассчитано по: Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников // Плановое хозяйство. 1986. № 6. С. 117.

[3] Орлов Р. Рабочее время в условиях совершенствования развитого социализма // Экономические науки. 1985. № 10. С. 41; Правда. 1987. 18 января; Коваль С. В., Мазуренко Ю. С., Пушкарь М. С. Нужна экономика физической культуры // Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 3. С. 178.

[4] Использование свободного времени // Вестник статистики. 1987. № 2. С. 62—63.

[5] Конечно, статистически довольно сложно провести границу, разделяющую активное и пассивное использование свободного времени. Просмотр и прослушивание передач, чтение книг, посещение культурных мероприятий могут быть и бездумным потребительством, и развивающим, творческим процессом. Однако статистическая информация сыграла бы здесь более активную роль, если бы в использовании свободного времени выделялось время активной внепроизводственной деятельности, помимо графы «прогулки и занятия спортом». Сейчас же такой вид активной деятельности, как, например, любительские занятия, объединяется с приемом гостей и прочими видами отдыха (Вестник статистики. 1987. № 2. С. 62—63).

чувство усталости, а нередко физического и нервного истощения, не компенсируемого к тому же и моральным удовлетворением, определяет и формы использования его свободного времени. Оно во все большей мере направляется на пассивные виды отдыха и воспроизводство затраченных в производстве простейших способностей к труду. Растет приоритет сугубо материальных потребностей над духовными, первенство пассивного отдыха над активной деятельностью. Потребительство материальное лишь дополняется здесь духовным потребительством — бездеятельным поглощением духовных ценностей, без отдачи, по существу без какого-либо самосовершенствования.

Естественное в этих условиях стремление работника к сокращению периода репродуктивного труда через «экономию» рабочего времени не увеличивает автоматически времени его развития. При отсутствии должного, достаточно высокого уровня материального обеспечения этого развития и культурных потребностей трудящихся, без должного реального наполнения свободное время нередко из времени «для более возвышенной деятельности»[1] превращается в сферу деградации личности. А невозможность развития работника в рамках рабочего времени превращается практически в отсутствие всякого развития.

Итак, рост материального благосостояния, увеличение и обогащение свободного времени работника образуют необходимые, относительно самостоятельные направления реализации высшей цели социализма. Но развитие этих направлений в целом не снимает отчуждения. Причем дело не только в относительной незрелости структуры потребления и неумении населения целесообразно использовать значительную часть свободного времени. Перенесение проблем отчуждения труда во внешнюю сферу неизбежно ведет к нарастанию потребительских тенденций, а также переоценке значения времени, свободного от всякой полезной деятельности. Подобные попытки обречены на неудачу в принципе. Сколь угодно высокий уровень материального благосостояния и расширение границ свободного времени сами по себе еще не формируют личности, а при определенных условиях даже противодействуют ее развитию[2]. Личность в ее истинном значении формируется прежде всего в своей трудовой деятельности. Поэтому по мере насыщения

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 221.

[2] Утверждение человека исключительно в материальном и духовном потреблении, безусловно, выступает иррациональной формой его развития. Не случайно многие работники, не реализуя себя в труде, отказываются и от потребительских ориентаций, пассивно работая лишь на прожиточный минимум и используя систему социальных гарантий.

базовых материальных потребностей преодоление отчуждения труда постепенно становится центральным моментом в реализации основного экономического закона социализма[1].

Ликвидация материальной основы отчуждения труда как деятельности и развитие содержания труда предопределяют усиление социальной направленности научно-технического прогресса. Это означает, что должны быть значительно повышены требования к социальному эффекту новой техники как обязательному условию признания ее общественной эффективности и усилена заинтересованность производителей в достижении этого эффекта. Поскольку сейчас предприятия поощряются главным образом за чисто экономический эффект, то затраты на улучшение социальных параметров техники часто лишь снижают их хозрасчетные показатели. Безусловно, соблюдение необходимых социальных нормативов, связанных с условиями труда и экологическим равновесием, в каждый данный момент объективно ограничивает производительные технико-экономические характеристики средств труда[2]. Поэтому в условиях социализма «социальные ограничения являются... сознательной «жертвой» общества частью своей потенциальной эффективности»[3]. И именно из требований основного экономического закона социализма вытекает необходимость сознательного ограничения сиюминутного технико-экономического эффекта, которое обеспечивает приоритет социальных целей и достижение повышенного эффекта лишь опосредованно (часто в отдаленной перспективе) — как результата качественно преобразованной трудовой деятельности.

Но проблема социальной направленности научно-технического прогресса — стратегическая по своему характеру — значительно глубже, нежели только стимулирование социального эффекта новой техники. Закономерно возникают вопросы: на что должен ориентироваться научно-технический прогресс при социализме — на скорейшее достижение мирового уровня техники, копирование капиталистической системы разделения труда в ее прогрессивных видах или же социализм должен сформировать свой качественно отличный тип разделения труда и открыть качественно новые направления научно-технического прогресса? В какой мере специфика социализма и его социально-экономические преимущества могут отразиться

---

[1] «Качественные сдвиги в социальной сфере невозможны без **глубоких преобразований в содержании труда»** (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 48).

[2] «Экономическая эффективность, — отмечает Б. Ракитский, — нередко выступает своего рода «оппонентом» социальной справедливости» (Правда. 1987. 9 января).

[3] Анчишкин А. И. Указ. соч. С. 261.

на характере материально-вещественных и организационных условий производства? Очевидно, научно-технический прогресс и развитие производительных сил в целом при реально существующих общеэкономических закономерностях не могут быть полностью «социально нейтральными». Не любой путь повышения производительности труда, не всякое соответствие «мировым стандартам» в технике и технологии ведут к последовательной реализации основного экономического закона социализма через преодоление отчуждения труда.

Задача научно-технической стратегии социализма заключена, таким образом, с одной стороны, в выборочном заимствовании новшеств. Даже воспроизводя высокоэффективную технико-технологическую структуру, созданную капитализмом, нужно руководствоваться специфическими целями социализма, стремиться обойти некоторые промежуточные ступени ее развития.

Так, скажем, ориентироваться при механизации труда уже не на методы тэйлоризма, а на последовавшие за ними методы «гуманизации» труда, не на этап узкоспециализированной конвейерной автоматизации, а на создание комплексных бригад с высокой степенью внутрипроизводственной самостоятельности, работающих на определенный конечный результат.

С другой стороны, встают задачи поиска альтернативных по отношению к капиталистическому типу разделения труда способов повышения экономической эффективности, создания недоступных для капитализма в социально-экономическом отношении «человекоразвивающих» техники и технологии, совершения нового качественного скачка в преодолении отчуждения труда как деятельности. Проблемы эти еще ждут своего решения.

Как отмечалось на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза, «на оздоровление условий и обогащение содержания труда должны быть направлены ускоренное обновление производственного аппарата, механизация, автоматизация и электронизация производства, вся работа по техническому перевооружению»[1].

Среди важных путей повышения творческого начала в содержании труда, преодоления отчуждения от организационно-экономических отношений выступают расширение самостоятельности работника в принятии хозяйственных решений, развитие целеполагания в труде в противовес чисто исполнительской деятельности, выходящие уже непосредственно на особый управленческий аспект трудовой деятельности.

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 258.

3. Отчуждение от управления и административная система

Неотъемлемыми моментами трудовой деятельности в любой сфере производства являются постановка целей и принятие решений, распределение ресурсов и определение режима работы. Развитие этих моментов в процессе разделения труда привело к выделению особого рода трудовой деятельности — управленческой. Экономическое управление через целеполагание и распределение ресурсов определяет параметры деятельности работников, во многом формирует их субъектное отношение к процессу труда, специфику взаимных отношений. Таким образом, экономическое управление есть обособившаяся часть производительного труда, направленная на сам этот труд. Выше содержание труда было рассмотрено прежде всего в связи с исполнением трудовых функций на индивидуальном рабочем месте. Дальнейшее раскрытие понятия содержания труда предполагает выход за пределы рабочего места — на уровень бригады, цеха, предприятия, наконец, всего общества, определение роли, которую играет в трудовом процессе участие в управлении производством, в формировании своих собственных производственных связей.

Степень самоотдачи работника, творческой реализации его способностей во многом определена степенью его самостоятельности в труде, возможностями постановки целей и нахождения рациональных способов их достижения.

Однако, по некоторым оценкам, при сложившейся в 70-е годы организации труда примерно у $^{2}/_{3}$ работников эти возможности были невысоки[1]. Содержание и режим труда большинства работников зависели главным образом от текущего распределения объема работ. И хотя приблизительно 60 % рабочих и служащих было охвачено различными видами общественной работы, в том числе в выборных органах партийных, комсомольских, профсоюзных организаций[2], их участие в социально-экономическом управлении часто носило формальный характер.

По данным Научного центра ВЦСПС, в разработке и обсуждении планов социально-экономического развития принимали участие 10,8 % рабочих и 22,4 % инженерно-технических работников и служащих обследованных предприятий. В принятии решений даже по таким вопросам, которые должны были бы затрагивать непосредственные интересы, как использование фондов материального поощрения и социально-культурных мероприятий, участвовало лишь 6,4 % рабочих и 5,4 % инженерно-технических работников и служащих[3]. По результатам социологических исследований, проведенных Акаде-

---

[1] Тихонов А. В. Влияние производственной самостоятельности на отношение к труду // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 44.

[2] Аитов Н. А. Указ. соч. С. 78; Социологические исследования интеллигенции. С. 70.

[3] Шкурко С. И. Права есть! Как их реализовать? // Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 2. С. 64.

мией общественных наук при ЦК КПСС, более половины руководителей вообще не смогли дать ответ на вопрос о формах участия трудящихся в управлении делами коллектива[1].

Все это свидетельствует о сохранении на современном этапе отделения значительной части трудящихся от реального участия в управлении — результата сложившейся в процессе строительства и развития социализма административной системы[2]. Основная ее черта — максимальная централизация функций распоряжения всеми видами производственных ресурсов и на этой основе принятия хозяйственных решений при соответствующем ограничении самостоятельности предприятий. Базовой формой административного приказа в экономике стал директивный план, включающий задаваемую сверху совокупность показателей, регламентирующих все основные стороны хозяйственной деятельности предприятий. Подавляющая часть ресурсов, необходимых для выполнения плана, также обеспечивалась централизованно. Самостоятельность предприятий здесь ограничивалась в основном внутрипроизводственными делами.

В этих условиях складывался определенный тип отношений между субъектами, ставящими цели и принимающими хозяйственные решения, и исполнителями этих решений, при котором деятельность большей части непосредственных производителей ограничена именно исполнительской ролью. Превращение последних исключительно в объект управления одновременно воспроизводит их как частичных работников.

Стремление представителей центра приблизить план к экономической действительности порождало естественную в данном случае конкретизацию требований к исполнителям. Росло число спускаемых свыше инструкций, вызывающих обратный поток отчетности нижестоящих звеньев. Детализированное централизованное управление нуждалось в постоянном текущем контроле за процессом исполнения решений, за ходом каждой хозяйственной операции, а в конечном счете за каждым производителем. В результате складывалась многозвенная иерархическая структура управленческих органов, следящих за выполнением планов-приказов.

Выработка решений субъектами управления при стремлении ко все большей конкретизации и необходимость ужесточе-

---

[1] Социалистическая индустрия. 1987. 7 августа.

[2] Мы используем термин Г. Х. Попова — одного из ученых, раскрывших наиболее характерные черты этой системы (Эффективное управление. 2-е изд. М.: Экономика, 1985. С. 17—25; 167—173; Его же. С точки зрения экономиста//Наука и жизнь. 1987. № 4). Административные методы управления уже стали предметом разностороннего рассмотрения в экономической литературе. Нас же интересует прежде всего положение работника в административной системе с точки зрения его трудовой мотивации.

ния контроля за деятельностью каждого звена административной системы неизбежно вели к росту управленческого аппарата, появлению новых министерств, комитетов, комиссий, отвлекавших все возрастающую массу работников из сферы непосредственного производства.

Эта тенденция была характерна в целом почти для всех основных периодов исторического развития нашей страны. Так, количество наркоматов постепенно возрастало с 11 в 1924 г. до 18 в 1936 г. В 1940 г. их общее число достигло 40, а в военное время увеличилось до 50. В послевоенный период количество министерств, например, в 1957 г. перед переходом к совнархозам равнялось 37, к 1977 г. достигло 80, а к началу 1987 г. в экономике насчитывалось уже более 100 министерств и ведомств[1]. И если в 40—50-е годы аппарат органов управления в нашей стране сократился на 32 %, то за следующее двадцатилетие, с 1961 по 1980 г., он удвоился[2].

В самом же аппарате увеличивалось число контролирующих органов, которые в свою очередь требовали контроля со стороны вышестоящих организаций. Всего в нашей стране в сфере управления использовалось более 18 млн. человек, или около 15 % всех занятых (в том числе до 3 млн. — в государственном аппарате). При этом в последние годы численность аппарата возрастала на 0,3—0,5 млн. человек в год. Только в органах межведомственного контроля числится около 280 тыс. человек. На содержание аппарата управления ежегодно расходуется 40 млрд. руб.[3]

В результате работники министерств требуют от предприятий все возрастающего объема информации, включающей уже сотни тысяч показателей. По мнению председателя Госкомстата СССР М. А. Королева, и в настоящее время положение здесь меняется медленно. Более того, при сокращении вдвое утвержденной государственной отчетности возрос объем так называемой «дикой» отчетности вплоть до ежесуточных сводок[4], вынуждающей предприятия отчитываться за множество показателей помимо установленного директивного плана. Например, в результате совместной проверки комитета народного контроля и органов ЦСУ на предприятиях Молдавии было выявлено 348 форм незаконной отчетности, содержащих в общей сложности более 1,3 млн. показателей в расчете на год[5].

Административная система явилась продуктом конкретно-исторических, в том числе и неэкономических условий развития социализма в нашей стране. Политика военного коммунизма и ускоренной индустриализации, напряжение Великой Отечественной войны, потребность быстрейшего послевоенного восстановления в условиях культурной отсталости и мелкобуржуазности значительной части населения сформировали курс на усиление централизации управления общественным производством. В исключительных исторических ситуациях административная система, безусловно, доказала свою способность к максимальной мобилизации сил и возможностей всего общества для достижения намеченных высоких рубежей (хотя и далеко не всегда при эффективном использовании ресурсов).

---

[1] Московская правда. 1987. 18 августа.
[2] Комсомольская правда. 1987. 24 октября.
[3] Правда. 1987. 2 октября; Советская Россия. 1987. 21 мая.
[4] Правда. 1987. 11 августа.
[5] Социалистическая индустрия. 1987. 7 апреля.

Что же касается реального участия массы трудящихся в управлении, то многие формы учета, контроля и более сложные формы рабочего самоуправления, возникшие в первое десятилетие Советской власти, не только не получили должного развития, но и постепенно утрачивались, заформализовывались. Еще в 30-е годы, по мнению А. Бутенко, «сложились такие формы управления производством, когда рабочих выключили из управления предприятиями и сделали только исполнителями трудовых функций, трудящиеся оказались вне механизма, распределяющего производственный продукт и доход, они были отчуждены от реальной власти, хотя власть действовала от их имени»[1]. В 30-е годы методом декретирования стали утверждаться лишь государственная и колхозная формы общественной собственности. Тенденция к регламентации форм и видов социалистической собственности усилилась в 60—70-е годы в результате принятия целого ряда юридических актов, нацеленных на рост централизации в экономике[2].

Какие условия имеет работник в трудовом процессе с точки зрения возможностей его участия в управлении в рамках административной системы? Очевидно, самостоятельность в труде работника-исполнителя как одна из черт содержательности его трудовой деятельности не может получить в этих условиях какого-либо значительного развития. Из определения понятия самостоятельности вытекает возможность принятия альтернативных хозяйственных решений. Поэтому самостоятельность не вписывается в административную систему, более того, противоречит этой системе, отвергающей не только всякую многовариантность, но и возможность обсуждения приказа. Если сверху определяются не только цели, но и конкретные средства их достижения, то любое нововведение, попытка к изменению технологии производства или организации, оплаты труда, если они не спущены в директивном порядке, выступают как отклонение от нормального процесса. Зарегламентированная система, построенная на дисциплине полуармейского образца, отторгает инициативу снизу, ставит работнику узкие рамки для изменения условий собственного труда, отчуждает его от управления этим процессом[3].

Объективно необходимые изменения в трудовом процессе, таким образом, зависят в большей мере не от непосредствен-

---

[1] Московская правда. 1987. 7 мая.

[2] Московская правда. 1987. 18 августа.

[3] Внутрипроизводственные дела предприятий также оказались фактически в исключительном ведении администрации этих предприятий. Профсоюзные же организации, которые должны были по своему предназначению противостоять технократическим действиям администрации, по существу превращались в ее формальный придаток, не оказывающий, как правило, значительного и самостоятельного воздействия на развитие социальных процессов.

ных производителей, а от решения вышестоящих органов. Для самого же работника данные решения (компетентные или некомпетентные) выступают внешней произвольной силой, распоряжающейся его трудом.

Если экономический приказ по достижению определенного результата должен быть выполнен любой ценой, то вопросы об эффективности использования ресурсов и о содержательной стороне трудовых операций неизбежно отходят на второй план. Там, где человек и его рабочая сила становятся средством, способы расходования этой рабочей силы подчиняются достижению поставленных свыше целей.

В этих условиях отчуждения от управления деятельность работника ограничена рамками приказа, технологической инструкции. Господствует инженерный подход к человеку. Отношения между управляющими и исполнителями, производственная система в целом строятся по принципу взаимодействия механизмов машинной техники, а сам человек уподобляется более и менее безупречной машине. Удовлетворен ли работник своим трудом, как он к нему относится, об этом он, как правило, даже не задумывается. Это не означает, что в административной системе не создается никаких стимулов к развитию работника. Система требует высокого уровня профессионализма, конкретного знания дела. В целом нельзя сказать, что личность в подобных условиях не развивается как рабочая сила, напротив, личность сводится к рабочей силе, хотя нередко грамотной и квалифицированной.

Один из парадоксов административной системы заключается в том, что, отделяя человека от управления, она сама строится во многом на личных отношениях. Личная ответственность здесь часто подменяет реальную экономическую ответственность, а личная (в том числе родственная) преданность становится по существу исходным принципом выдвижения кадрового состава. Такова закономерная для административной системы мнимая форма снятия отчуждения человека от управления. Не имея возможности реализовать свои интересы непосредственно через деятельность, работник обращается к внешним способам достижения личных целей.

Неверно было бы закрывать глаза на то, что большинство работников и в настоящее время считают себя удовлетворенными степенью самостоятельности в труде и не стремятся к активному участию в управлении производством.

Относительно невелик процент рабочих, активно интересующихся новыми условиями хозяйствования[1]. С предложениями и критическими замечаниями

---

[1] Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 2. С. 67.

выступают не более 20 % работающих[1]. При этом не всегда работники видят обратную связь в отношениях с администрацией предприятия, представляющей интересы более высоких уровней. Одна треть работников считает, что администрация вообще не учитывает их мнения при вынесении решений[2]. Отсутствие этой обратной связи ослабляет трудовую инициативу. В результате в настоящее время лишь 25—35 % производственников стремятся работать инициативно, творчески[3]. Особенно негативно это сказывается на использовании творческого потенциала работающей молодежи, наиболее восприимчивой к нововведениям. В сложившихся условиях лишь около $^1/_4$ молодых специалистов хотят внести в работу что-то новое, прогрессивное[4].

• При формировании подобных субъектных отношений к процессу труда не реализуется в полной мере даже ограниченный интерес работников к получению средств личного существования в силу ослабления мотивов к высокопроизводительному, организованному труду.

Что же касается отношений между самими производителями, играющими роль исполнителей решений, то эти отношения имеют преимущественно технологическую основу. Непосредственные, чисто экономические горизонтальные связи, как правило, разорваны. Они обеспечиваются лишь через вертикальную связь с управляющими субъектами.

Отчуждение значительной части производителей от управления неизбежно отражается и на характере самой управленческой деятельности, на отношениях между ее субъектами. Трансформируется содержание труда управленцев. Чрезмерная централизация в решении социально-экономических вопросов приводит к тому, что и в самой сфере управления деятельность сводится в основном к исполнительским функциям (ими здесь занято до 80 % работников). К тому же разрастающаяся отчетность отнимает все больше времени от содержательной деятельности. Естественно, в этих условиях количество управленческих работников, удовлетворенных своим трудом, подчас составляет менее 30 %[5]. Жесткая регламентация хозяйственной деятельности тормозит развитие новаторства и сдерживает, таким образом, возможности творческой самореализации способностей человека.

Административная система часто создает неблагоприятные

---

[1] Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М.: Наука, 1985. С. 149; Социологические исследования. 1986. № 3. С. 114.

[2] Илле М. Е., Сигов В. В. О развитии самоуправления в бригадах // Социологические исследования. 1984. № 3. С. 61.

[3] Белкин Евг. Рациональная занятость населения: некоторые аспекты проблемы // Политическое самообразование. 1986. № 11. С. 46.

[4] Бойко Т. М. На перекрестке мнений. Анкетный опрос «ЭКО» // Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 10. С. 131.

[5] Орлов А. Трудовой коллектив и предприятие // Экономические науки. 1985. № 10. С. 47.

условия для осуществления управленческого труда. Выполнение планов-приказов приводит к периодическим перегрузкам, растрачиванию, причем не всегда эффективному, физических и нервных сил, вызываемым жестким контролем, непрерывным подстегиванием. Добавочное напряжение создается давлением сроков исполнения (иногда произвольно установленных), грузом личной ответственности руководителя, обремененностью многочисленными деталями. Расхождение приказа с жизнью, с реальными потребностями производства, необходимость его беспрекословного выполнения, страх за сохранение места, с которого могут снять в любой момент без выяснения причин, нередко приводят к моральным надломам.

Периоды высокого напряжения регулярных переработок, сверхурочных часов чередуются с периодами относительного расслабления в начале планового срока. Один из результатов подобной неритмичности — преждевременный подрыв физического здоровья, расстройство нервной системы, работа на грани инфаркта и т. п.

Административная система, требующая в основном высокого, но в то же время узкого профессионализма, нередко ведет к замыканию субъекта управления на производственных интересах. И личность его в конечном счете также сводится лишь к иному по сравнению с исполнителями типу рабочей силы[1].

Изменяется характер управленческой деятельности и с точки зрения целесообразности ее результатов. Административная система требует особой компетентности высших руководящих кадров и детального знания обстановки, что либо просто невозможно в силу сложности и масштабности процессов, либо вызывает колоссальное напряжение сил. Это неизбежно ведет к хозяйственным просчетам. А их оперативная ликвидация затруднена огромной инерционностью аппарата.

Зачастую трудовые функции работников органов экономического центра подменяются выполнением несвойственных им функций нижестоящих звеньев. Это сковывает управленческие действия подчиненных структур ($^3/_4$ руководителей среди инженерно-технического персонала при таком порядке их деятельности не могут наладить качественную работу вверенных им подразделений) и одновременно снижает эффективность деятельности вышестоящих руководителей. Из управленческой деятельности нередко устраняются многовариантность поиска и ориентация на долгосрочные перспективы. Обусловленная подменой трудовых функций низкая целесообразность работы выступает одним из проявлений отчуждения управленческого труда.

---

[1] Попов Г. Х. С точки зрения экономиста//Наука и жизнь. 1987. № 4.

Таким образом, административный прессинг подавляет инициативу, рождает нарастающую социальную инертность и у руководителей, и у их подчиненных, ослабляет стремление к осуществлению каких-либо перемен, вызывает массовую удовлетворенность работой с минимумом ответственности. Поэтому система мелочной регламентации, ставящая своей задачей создание максимального напряжения во всех хозяйственных звеньях, порождает в конечном счете совершенно противоположный результат — пассивность и конформизм, инертность и иждивенчество непосредственных производителей.

При относительном ослаблении чисто экономической заинтересованности в выполнении управленческих решений производители стремятся уйти от их исполнения, легко находя в свое оправдание десятки объективных причин. А чисто административная борьба с последствиями отчуждения через усиление контроля и ужесточение наказаний за неисполнение своих обязанностей лишь закрепляет данное отчуждение. Причем по сравнению с работниками старой закалки, трудившимися значительное время по существу в чрезвычайных экономических условиях, особенно болезненно сказывается административное давление на новом типе работников последнего двадцатипятилетия. Проблема трудовой мотивации этих работников в результате осознания ими своего отчуждения от управления все более обостряется.

Завершенной, законченной формой отчуждения трудящихся от управления становится бюрократизм (дословно — конторовластие, власть канцелярии). Бюрократизм как форма управления социально-экономическими процессами характеризуется двумя основными чертами. Одна заключена в закреплении права постановки целей и принятия решений за узкой группой административных лиц и соответствующем превращении основной массы производителей в простых исполнителей чужих приказов, их отчуждении от управления общественным производством. Другая черта состоит в формализации управленческой деятельности, отрыве от реальных целей общества, в превращении одного из видов производительного труда в творчество бумаг, в «чиновничье убийство живого дела»[1]. Единство двух этих черт образует содержательную сторону бюрократизма.

Бюрократизм всегда связан с обособлением особого группового интереса, носителем которого и выступает бюрократия.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 344. По определению К. Маркса, «бюрократия» есть «*государственный формализм*» гражданского общества», для которого характерно то, что «государственные задачи превращаются в канцелярские задачи» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 270, 271).

Бюрократы, по определению В. И. Ленина, — это оторванные от масс, стоящие над массами привилегированные лица[1]. Сущность бюрократизма заключается в замещении общественных интересов интересами управленческого слоя, подмене целей общества целями узкокорпоративными. «Бюрократия, — писал К. Маркс, — считает самое себя конечной целью государства»[2]. При этом либо корпоративные цели декларируются как общественные, либо реальная деятельность бюрократии не соответствует провозглашенным общественным ориентирам.

По способу построения бюрократическая группа представляет собой многоступенчатую иерархию, основанную, как правило, на сочетании экономического и личного подчинения. Ей одновременно свойственны противоположные тенденции — к самозамкнутости и к расширению посредством образования новых иерархических звеньев.

Обособленные интересы бюрократии могут носить самый различный характер. Это, во-первых, стремление к личной выгоде, возможности получения высоких окладов, привилегий, льгот; во-вторых, поддержание своего социального престижа, реализация личного стремления к власти над другими людьми, карьеризм; в-третьих, достижение устойчивого положения, незаинтересованность в реальной работе, связанной с какой-либо ответственностью, прикрываемые старательным исполнением инструкций; наконец, в-четвертых, искреннее желание выражать интересы государства, ведомства или региона. В последнем случае бюрократический характер деятельности порождается некомпетентностью, неспособностью к высокопрофессиональной руководящей работе.

Экономической основой бюрократизма выступает монополизация управленческой группой функций распоряжения производственными ресурсами (финансовыми, материальными, трудовыми) и информацией, дающая фактически исключительное право на принятие или отмену хозяйственных решений. Возникновение бюрократизма сопряжено с отсутствием демократического контроля снизу за деятельностью аппарата управления и системы ответственности администрации перед нижестоящими звеньями, а также с длительной несменяемостью лиц на ключевых постах.

Конкретно-исторические условия возникновения бюрократизма в нашей стране сформировались в процессе становления необходимого для строительства социализма централизованного управления производством в условиях относительного недостатка профессиональных управленческих навыков, а также

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 115.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 271.

общей грамотности, уровня культуры населения. Положение затруднялось огромными масштабами страны, новизной и размахом решаемых задач. Бюрократизм проникал в сферу управления как через буржуазных спецов, сохранявших традиции дореволюционного чиновничьего аппарата, так и через пополнение кадров представителями «низов», несущих во многом пережитки мелкобуржуазной психологии. В. И. Ленин неоднократно указывал на бюрократизм как на главнейшего врага нового государственного аппарата. «Наше государство, — писал он, — есть государство с бюрократическим извращением»[1]. Экономические корни бюрократизма, по его мнению, составляли «раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними»[2].

Воспроизводство же современных форм бюрократизма во многом явилось продолжением черт административной системы, результатом длительного преобладания административно-командных методов управления общественным производством над методами экономическими. «В течение десятилетий в практике хозяйствования и управления консервировались устаревшие методы и, напротив, некоторые эффективные экономические формы безосновательно отвергались... Живое дело подменялось администрированием, показной деловитостью, бумаготворчеством»[3].

С точки зрения технологии возникновения бюрократизм основан на превращении монополии определенного рабочего места на распоряжение производственными ресурсами в монополию отдельного человека или группы лиц, преследующих свои собственные интересы. Возникновение бюрократизма в процессе реализации этих клановых интересов связано с выходом управленческой деятельности за пределы, диктуемые профессиональной необходимостью, реальными потребностями производства. Продолжение профессиональной деятельности далее известного пункта и обусловливает ее превращение в свою противоположность, в формальную деятельность. Бюрократизм, таким образом, есть превращенная форма профессионального управления[4].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 54.

[2] Там же. С. 230.

[3] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 9—10.

[4] О бюрократизме как превращенной форме социального управления см.: Громковский В. В., Стародубровская И. А., Толстиков С. А. Бюрократизм в экономике социализма: сущность, формы, пути преодоления. Препринт доклада: М.: ИЭ АН СССР. 1987. С. 2.

Изначально всякая регламентирующая деятельность может быть направлена на установление преград для отбора действительно нового и прогрессивного. Способ превращения этой деятельности в бюрократическую заключен в ее формализации, приводящей к тому, что, во-первых, начинают тормозиться вообще все (в том числе и прогрессивные) процессы, и, во-вторых, перенесение решения вопросов во многом в сферу личных связей, контактов часто открывает дорогу именно инициативной посредственности. В силу присущего бюрократической системе консерватизма она тяготеет главным образом к устоявшимся традиционным формам. Новое же в этих условиях оказывается все более и более уязвимым.

Например, в области научно-технического прогресса, т. е. там, где требуется наибольшая с долей риска оперативность, бюрократизм управления проявляется в разрастании процедур согласования проектов, содержащих новые технические решения. Изобретателям нередко приходится расходовать до 70 % творческого времени на «проталкивание» вопросов оформления, изготовления и внедрения своего изобретения[1]. Согласование технических условий на новый станок требует предоставления десятков документов и сотен подписей, причем число их с расширением сферы использования этого станка возрастает в геометрической прогрессии. На это согласование нередко уходит по 2—3 года, и его срок часто может вдвое превышать период разработки новшества[2]. В дополнение к объективному процессу разделения научной, инженерно-технической деятельности ее бюрократизация становится основанием массовой неудовлетворенности специалистов своей работой при отсутствии возможностей для полного проявления знаний и творческих потенций.

Характерной чертой бюрократизма, по существу главной целью его иерархического построения является система распределения ответственности на возможно большее число лиц, формирование мнимой коллегиальности принятия управленческих решений.

Взаимное переложение ответственности между разными звеньями иерархии воплощается в таких формах, как бумаготворчество и волокита, заорганизованность, затягивание и торможение дел, формализм и произвол, подавление критики, нарастание элементов управления экономикой чуждыми ее природе методами. Следовательно, бюрократизм — это власть без ответственности. Важным средством ее поддержания всегда выступает отсутствие гласности, полной и объективной информации о происходящих процессах. Бюрократия крайне редко выступает с открытым забралом. Ее теоретической

---

[1] Орлов А. Создание высокоэффективной техники // Вопросы экономики. 1986 г. № 1. С. 38.

[2] Кабаидзе В. П. Станкостроение и гибкие системы // Экономика и организация промышленного производства. 1985. № 3. С. 51; Экономическая газета. 1986. № 23. С. 12; Правда. 1986. 20 октября.

опорой служит подмена науки догматизмом, а теоретическим оружием — новаторская фразеология.

Бюрократия, естественно, не может существовать, не имея так или иначе опоры в определенных общественных слоях, социальных группах. В условиях социализма она не выражает интересов какого-либо особого класса. Социально-экономической опорой бюрократизма выступают прежде всего группы неквалифицированного труда независимо от сферы его приложения[1].

Зародившись в сфере управления, бюрократизм неизбежно проникает вниз, в слои, отделенные от управления. Бюрократизм непосредственных производителей основан на том представлении, что сложившиеся формы производственных отношений неизменны, а господство над человеком отчужденных условий его собственной деятельности (в данном случае управленческой) носит естественный характер. Бюрократизм появляется с верой во всесилие и информированность управленческого аппарата. Он не только неизбежно порождает умножение иллюзий, но и превращает работника в бездумного исполнителя, конформиста, ожидающего приказов сверху, отторгающего всякие изменения из нежелания брать на себя лишнюю ответственность. При этом подчинение человеку замещается подчинением бумаге, слепым следованием инструкциям и циркулярам. Среда бюрократии — это, по словам К. Маркса, «материализм слепого подчинения, веры в авторитет, в *механизм* твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций»[2]. Тем самым, «первичные фигуры» отчуждения труда становятся «вторичными фигурами» бюрократизма. Непосредственные производители, исполняющие хозяйственные решения, формируют опору для бюрократической группы.

Но если первоначально от управления отчуждается значительная часть непосредственных производителей, то затем отчуждение от управления в свою очередь распространяется на сам административный аппарат. Управление все более превращается в творчество бумаг, все дальше отрывается от реальной жизни, уходит в область мнимой действительности. Писание бумаг постепенно замещает человеческую деятельность, обращение бумаг встает на место отношений между людьми,

---

[1] Как отметил Г. Лисичкин, «неквалифицированный труд в производстве, стыкуясь с неквалифицированным трудом управленцев, незаметно оформляет свой союз, облекая его в государственные и политические формы» (Литературная газета. 1987. № 26. С. 11). Конечно, это не означает, что бюрократия непременно выступает прямым представителем групп неквалифицированного труда. Но она объективно выражает их интересы.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 272.

возникает своеобразная «фетишизация инструкций». Происходит, с одной стороны, выхолащивание управленческой деятельности, ее трансформация лишь в имитацию живого дела, с другой стороны, утрачивается реальный контроль за хозяйственными процессами, объект управления становится все более неуправляемым. «Первичные фигуры» бюрократизма выступают тем самым «вторичными фигурами» отчуждения от управления[1]. Вслед за основной частью непосредственных производителей, представители самой бюрократии в значительной мере утрачивают связь с действительной и целесообразной управленческой деятельностью.

Процессу бюрократизации способствует и нехватка сугубо профессиональной подготовки кадров. На совещании в Центральном Комитете КПСС 8—9 июня 1987 г., например, было отмечено, что даже в Минхиммаше, переходящем на принципы самофинансирования, практически каждый второй руководитель не владеет этими принципами[2]. По результатам социологических исследований, лишь около $^1/_5$ руководителей предприятий и объединений выступают последовательными и подготовленными сторонниками новых методов хозяйствования[3]. По данным опроса руководящих кадров, лишь каждому девятому из них присущ активный стиль экономического мышления[4]. Часто руководящим кадрам не хватает профессионального образования. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке вообще не имеют его 80 % руководителей предприятий[5]. В целом же по стране к самостоятельной профессиональной работе готово лишь 25 % специалистов[6].

Характерные черты бюрократизма обусловливают и основные пути его преодоления. В. И. Ленин видел средства постепенного изживания бюрократизма в развитии выборности и сменяемости руководящих кадров, отмене привилегий, связанных не с реальным трудовым вкладом, а с занимаемой должностью, развитии сознания и самостоятельности масс рабочих и крестьянства, проведении широкой воспитательной и организационной работы, повышении профессионального и культурного уровня трудящихся, строгом соблюдении социалистической законности[7].

Призывая к длительной и настойчивой борьбе против бюрократических извращений, В. И. Ленин подчеркивал, что

---

[1] О «вторичных фигурах» отчуждения см.: Батищев Г. С. Указ. соч. С. 119, 125.

[2] Правда. 1987. 13 июня.

[3] Петраков Н. Я., Ясин Е. Г. Сначала — эксперимент, затем — коренная перестройка: мнения, факты, комментарии // Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 4. С. 37.

[4] Социалистическая индустрия. 1987. 7 августа.

[5] Перестройка продолжается // Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 3. С. 41.

[6] Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 6. С. 129; Литературная газета. 1986. № 51. С. 11.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 115; Т. 38. С. 165—166.

крайности бюрократизма следует устранять немедленно[1]. «Социализм не создается по указам сверху, — писал он. — Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»[2].

Безусловно, стоящие перед советским обществом задачи перестройки значительно шире и глубже, нежели преодоление бюрократизма в экономике. Речь идет о реформе всей административной системы, о радикальных шагах по снятию отчуждения трудящихся от управления, о расширении возможностей их самоуправления в производстве. «Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним, — указывал В. И. Ленин, — можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении»[3]. Радикальная реформа управления не означает, безусловно, свертывания централизованного руководства социалистической экономикой. Она должна изменить функции управления на различных уровнях хозяйствования, преобразовав тем самым содержание трудовой деятельности как руководителей всех звеньев производства, так и непосредственно трудовых коллективов предприятий.

Социализм не только впервые предоставляет практическую возможность соединения в массовом масштабе непосредственно трудовой и управленческой деятельности, но и предопределяет их единство как момент развития высокообобществленного хозяйства. Участие в управлении социалистическим производством, начиная от простейших форм учета и контроля вплоть до развитых форм социалистического самоуправления, становится необходимым средством самореализации работника как собственника средств производства. Именно поэтому при социализме проблема снятия сохраняющегося отчуждения управленческой деятельности обретает особо важное, принципиальное значение.

Конечно, в целом управленческая деятельность даже в рамках предприятия, не говоря уже о масштабах государства, гораздо сложнее по своему характеру, а отчуждение от нее осознается работниками в меньшей мере, нежели отчуждение от собственно трудовой деятельности. Но это далеко не единственная причина существующего пониженного проявления трудовой инициативы, социальной пассивности. Они во многом порождены относительно длительным воспроизведением условий хозяйствования, при которых роль непосредственных производителей в решении важнейших социально-экономических вопросов была ограничена. Как отмечалось на январском

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 244.
[2] Там же. Т. 35. С. 57.
[3] Там же. Т. 38. С. 170.

(1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, и в условиях развернувшейся перестройки преодоление административно-бюрократических методов управления идет крайне медленно. Растет количество проверок, инспекций, комиссий, приносящих мизерную практическую пользу, сохраняется во многом неприятие критики, нередко сковываются средства массовой информации. «Аппарат как бы находится в плену старых положений и инструкций, действует по инерции, не желая поступиться своими правами[1]». На местах же часто пребывают в бездействии, по-прежнему ожидая указаний свыше. Необходимой предпосылкой радикальной реформы системы управления является реформа политической системы. XIX партийная конференция наметила ряд мер по возрождению роли Советов народных депутатов, изменению характера партийного руководства экономикой, сокращению ведомственного аппарата, которые будут способствовать процессу преодоления бюрократизма и отчуждения трудящихся от управления, обеспечат почву для преобразования отношений социалистической собственности.

Наверно, нет необходимости в том, чтобы буквально каждый работник постоянно участвовал в управленческих процессах и тем более занимался узкоспециализированными плановыми или финансовыми вопросами. Но каждый должен иметь реальную возможность приобщения к различным по сложности формам управления. Развитие способностей к управлению, необходимых для этого навыков и заинтересованного отношения к управленческой деятельности воспитывается прежде всего самими условиями хозяйствования. «Было бы наивно представлять, будто чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда»[2].

Отделение же большинства работников от принятия управленческих решений как одного из видов трудовой деятельности во многом определяет содержание труда собственно на рабочих местах и оказывает значительное формирующее воздействие на его целостную оценку, общую удовлетворенность трудовым процессом. Если расположить формы отчуждения различных сторон трудовой деятельности по степени настоятельности их преодоления с точки зрения работников, остроте осознаваемых ими противоречий, то активность трудящихся

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. С. 55.

[2] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 39.

направлена прежде всего на простейшие из этих форм: на улучшение условий труда, затем на развитие его содержания и, наконец, на более сложный процесс — демократизацию управления. (От простого к сложному, очевидно, должно идти и теоретическое исследование отчуждения деятельности.) Однако в реальной действительности все эти процессы переплетены, взаимообусловлены, требуют целостного подхода. И от развития высших форм трудовой активности во многом зависят быстрота и эффективность преодоления низших ступеней отчуждения.

4. Работа на себя и бесхозяйственность

Исследование отчуждения производителей от управления как особой формы трудовой деятельности выводит нас непосредственно на специфические проблемы реализации социалистической собственности. По мере усложнения форм труда, углубления интересов трудящихся — от улучшения условий труда и развития его содержания к повышению своей роли в управлении производством, возникновению элементов производственного самоуправления — отношения собственности затрагиваются во все большей степени. Чем более работники отделены от участия в управлении, тем слабее их живая связь с объектом и отношениями собственности.

Сложилась такая ситуация, когда работник в своем труде зачастую не ощущал себя собственником не только общественных средств производства, но и тех, что закреплены за ним непосредственно, чувствовал свою отстраненность от функции законного хозяина социалистического производства. За этими субъективными ощущениями скрывается объективный процесс отчуждения труда от собственности, выражающийся в отсутствии у значительной части работников достаточных условий для реализации их положения как сохозяев общественной собственности, в их отделенности от управления общественной собственностью, а в конечном счете и от распоряжения своей рабочей силой как частью совокупной рабочей силы общества. Отчуждение здесь выступает как ограничение прав собственника на присвоение, как формальное владение общественной собственностью, при котором большинство трудящихся отделено от активных функций распоряжения и использования этой собственности. В таких условиях в массовом сознании общая собственность начинает восприниматься как «ничья». Но ее «ничейность» — лишь внешнее представление, за которым скрывается факт распоряжения и использования общественной собственности различными по характеру и составу социальными группами.

Нужно подчеркнуть, что в отличие от капиталистического производства, где отчуждение непосредственных производителей от собственности на условия производства заложено в принципиальных, коренных основах самих экономических отношений, при социализме подобное отчуждение, напротив, является следствием неполной реализации внутренней природы общественного строя, результатом незрелости материально-технических условий и низкого уровня обобществления производства, стихийных моментов в развитии производственных отношений или же прямых нарушений экономических законов и правовых норм социалистического общества. Установление общественной собственности открывает принципиальную возможность преодоления социально-экономического отчуждения. Но эта возможность должна быть полностью экономически реализована.

При ослаблении же связи трудящихся с различными формами социалистической собственности их работу лишь с известными ограничениями можно назвать работой на себя.

Понятие «работа на себя» может заключать различное содержание. Каждый производитель, обладающий малой толикой юридической свободы и получающий за труд вознаграждение в размере, обеспечивающем средства существования и содержания своей семьи, работает «на себя» по крайней мере частично, т. е. в течение той условной доли рабочего периода, когда он воспроизводит эквивалент своей заработной платы. Но работа на себя в данном понимании может опосредоваться «работой на другого», если именно другой выступает собственником средств производства. Истинная же работа на себя основана на хозяйском отношении самого работника к условиям труда и всему производимому продукту. В условиях социализма, где каждый работник как член общества является одновременно собственником общественных средств производства, весь его рабочий день, включая работу на общество, в конечном счете выступает как работа на себя. Впервые труд индивида на себя заключает реализацию не только личного или группового, но и его общественного интереса. В то же время непосредственно характер труда работника социалистического производства определяется теми конкретными формами, в которых реализуется общественная собственность.

Отрицательной формой разрешения противоречия работы на себя и на общество, при которой они остаются внешними противоположностями, служит отчуждение части трудящихся от социалистической собственности. Оно заключается в свою очередь в их отчуждении от объекта собственности — общественных средств производства и от производственных результатов.

Последнее обусловлено невозможностью оказать реальное влияние на полезность и качество конечного продукта. Бесполезность продукта обесценивает по существу любой вид труда. Работники, творчески относящиеся к труду, частично отчуждаются именно с точки зрения социальной значимости его результата. И, напротив, возможность относительно свободно распоряжаться средствами производства, получаемыми

доходами, и общественное признание результатов труда, безусловно, смягчают для работника отчуждение его трудового процесса.

Субъективной формой выражения отчуждения служит здесь безразличие не только к общественному, но даже и к коллективному результату работы предприятия. На основе подобных субъектных отношений формируется интерес, ограниченный индивидуальной частью получаемого дохода. Разрыв намерений и их реализации, невозможность влияния на конечный результат порождают чувство непричастности к развитию производства, которое постепенно губит всякую инициативу.

Естественной материальной основой этой формы отчуждения является разделение труда, прогрессирующее по мере роста масштабов производства и степени его обобществления, объективно усиливающее разрыв между индивидуальным производителем и конечным продуктом. Но масштабы, острота отчуждения и возможности его преодоления зависят от конкретно-исторических методов управления и степени его бюрократизации.

Отделение части непосредственных производителей от объекта их собственности означает одновременно невозможность их реального участия в формировании собственных производственных связей с другими производителями. Возникает отчуждение части трудящихся от отношений собственности, которые воспроизводятся как заданные извне, готовые, неподвластные воздействию формы.

Отчуждение от отношений собственности по существу означает «выключение» работника из этих отношений. Конечно, работник в трудовом процессе не может быть «свободен» от производственных связей с другими людьми. Эти отношения объективны, их характер не зависит от его воли и сознания, и в чем-то они всегда уже «заданы» для него. Но он может участвовать либо не участвовать в их преобразовании, совершенствовании, в воздействии на конкретные формы производственных отношений. Он может стать действительным субъектом данных отношений, обладающим достаточно широкой экономической свободой (отношения от этого не перестают быть объективными), а может оставаться лишь пассивным агентом совокупности хозяйственных связей, в целом складывающихся и противостоящих его труду как некая чуждая сила[1]. Не случайно, на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов М. С. Горбачев

[1] «Свобода определяется тем, насколько развитие данных отношений реально зависит от степени моей инициативы, моей самостоятельности» (Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962. С. 83).

подчеркнул, что необходимо именно активное включение работника в производственные процессы[1].

«Выключение» работника из сферы действительных производственных отношений обусловлено также тем, что последние нередко принимают различные модифицированные формы, реализуются неадекватно их внутренней, «чистой» природе. Невозможность влиять на общественные результаты производства закономерно ведет к абсолютизации сложившихся и уже устоявшихся форм производственных отношений, даже если они неполно реализуют интересы работников и не способствуют усилению их трудовой активности. Эти сложившиеся формы начинают выступать в сознании как нечто внешнее, неподвластное, естественное и непреходящее, отождествляются с сущностными характеристиками социализма. Формируется «застывший образ социалистических производственных отношений»[2]. Отчуждение работников от экономических отношений выступало важнейшим внутренним моментом сложившейся административной системы.

Для раскрытия характерных черт отчуждения от отношений собственности при социализме следует рассмотреть реализацию конкретных производственных отношений. Всеобщей формой организации общественного производства при социализме выступает планомерный способ распределения производственных ресурсов, позволяющий достигать общественные цели и создавать априорную связь производства и потребления в масштабах всего общества посредством единого народнохозяйственного плана. План и выражает собой эту идеальную связь между различными (в том числе и разделенными во времени) материальными процессами.

Долгое время централизованное планирование как неотъемлемый элемент социалистической планомерности, как правило, отождествлялось с одной из его форм — с жестким директивным планированием — столпом административной системы управления, воплощением всех ее наиболее характерных черт. Директивный план социально-экономического развития традиционно представлял собой совокупность показателей, обязательных для выполнения и охватывающих все основные параметры хозяйственной деятельности первичных производственных звеньев. Работа предприятия в этих условиях становилась работой на план, от достижения показателей которого зависели объем выделяемых производственных ресурсов и размеры поощрительных фондов коллектива.

---

[1] Правда. 1987. 15 июля.

[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. С. 8.

Директивный план спускался сверху, часто без реального участия в его формировании первичного звена, непосредственных производителей, львиная доля производственных ресурсов под этот план также обеспечивалась централизованно (нередко вне четкой зависимости от результатов хозяйственной деятельности, эффективности использования этих ресурсов в предшествующий период). Поэтому для предприятия и его работников план постепенно превращался в господствующую над ними, недоступную для их контроля внешнюю силу. И даже если производимый в соответствии с планом продукт не обладал общественной полезностью, предприятие могло и дальше осуществлять расширенное воспроизводство. Выполнение плана создавало видимость нормального хода экономических процессов, а его срыв рождал видимость экономических деформаций. Происходило отчуждение производителей от действительных общественных целей, которые замещались показателями плана, что соответственно ограничивало и экономические интересы работников. Вместо ориентации на повышение уровня производства хозяйственники подчинялись работе «на цифру», «на отчет» — своеобразный «конечный результат» административной системы управления. Сам же план приобретал значение реальности, существующей обособленно наряду с действительной экономической реальностью и подчинял себе последнюю. Возникали, таким образом, явления так называемого планового фетишизма[1].

Степень удовлетворения общественных потребностей попадала в зависимость от качества директивных заданий, их соответствия нуждам народного хозяйства. Обеспечить же необходимое качество плана экономическому центру удавалось далеко не всегда. Попытка возможно строже регламентировать с помощью плана течение основных хозяйственных процессов наталкивалась на объективные препятствия: трудности учета социально-экономической ситуации во всех ее подробностях и невозможность (даже при помощи самых мощных электронно-вычислительных машин) уловить разнообразные изменения в динамично развивающейся экономике. Начиналась конкретизация заданий, дополнение плана многочисленными отчетными формами, инструкциями и указаниями[2].

Таким образом, с усложнением хозяйственных процессов

---

[1] О явлениях планового фетишизма подробнее см.: Черняк В. Расширение самостоятельности хозяйственных звеньев//Вопросы экономики. 1985. № 12. С. 33; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985. С. 99; Мау В. А., Стародубровская И. В. Что мешает движению вперед? Проблемы планового фетишизма в социалистической экономике. Препринт доклада. М.: ИЭ АН СССР, 1987.

[2] Только в системе Госснаба СССР в 1987 г. действовало почти 1300 различных инструкций, положений и приказов (Правда. 1987. 18 мая).

рост количества задаваемых сверху показателей оказывался необходимым для того, чтобы удерживать ситуацию под своим контролем. Сама система директивного плана воспроизводила себя в «расширенном масштабе». И тем не менее она не справлялась с динамическими процессами. Нарастал отрыв плана от реальных экономических изменений. Наиболее характерной формой проявления этого отрыва выступала постоянная несбалансированность плана, отсутствие его полного и своевременного ресурсного обеспечения, по существу лишающее план его материальной основы. Господствующее положение в системе показателей плана занимали наиболее удобные с точки зрения технологии планирования и оценки деятельности объемные валовые показатели, рассчитываемые по затратному принципу. Известно, однако, что за движением этих показателей, уже подвергнутых достаточно широкой критике, могут скрываться самые различные материально-вещественные процессы — реальный рост конечного продукта или умножение производственных затрат, повышение эффективности или расходование дополнительных ресурсов.

Частично утрачивание связей плана с экономической реальностью неизбежно вело к его корректированию на всех уровнях хозяйствования. Причем по мере удаления от центра к низовым звеньям увеличивались частота и относительные масштабы вносимых изменений. План — директивный документ, обладающий силой юридического закона, — подвергался корректированию в соответствии с действительными процессами порой десятки раз ежегодно, а затем вновь обретал силу закона. Такой план не только не соответствовал своему объективному идеалу, но и отрицал себя в своих же собственных предпосылках. Ибо постепенно он превращался из организующей силы в силу, неподвластную для самого экономического центра, накапливал элементы непредсказуемости, стихийности.

План становился тем самым самодовлеющей внешней силой, относительно независимой уже не только от непосредственных производителей и результатов их хозяйственной деятельности, но и от самих составителей этого плана. Одновременно росла его подверженность воздействиям субъективного характера — волюнтаризма министерств, занимавшихся «разверсткой» плановых заданий и преследовавших в ряде случаев свои узковедомственные интересы, а также накапливавшихся в первичных звеньях массовых искажений экономической отчетности[1].

---

[1] В отдельных организациях приписки составляли 15—20 % в общем объеме выполненных работ (Рутгайзер В. М., Шевяхов Ю. Е. Распределение по труду//Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 3. С. 20).

Поскольку характер работы предприятия, объединения во многом зависел от размеров спускаемых сверху цифр плановых заданий, процесс формирования плана для предприятия нередко в значительной мере переносился в сферу личных отношений, в область субъективного порядка. В ряде случаев возникала своеобразная уния руководителей министерств, ведомств с некоторыми из подчиненных им руководителей предприятий, переводимых на щадящий режим работы и улучшенное снабжение. Это создавало почву для злоупотреблений, нарушения не только экономических, но и юридических норм социализма[1]. Все это, безусловно, усиливало элементы стихийности процессов составления и организации выполнения государственного плана, а следовательно, и отрыв последнего от действительных народнохозяйственных потребностей.

Для предприятий же работа на плановый процент при нестабильности и несбалансированности плана оборачивалась общей неритмичностью производства, когда около $^2/_3$ конечного продукта выпускалось в последней трети планового срока, а периоды расслабленных действий чередовались с периодами штурмовщины.

Оценка деятельности по выполнению плановых валовых показателей часто не отражала действительных различий в достигнутой различными предприятиями эффективности производства. Перераспределение же основной массы средств через централизованные фонды стало фактором искусственного уравнения передовых и отстающих коллективов. Общество «поглощало», обезличивало и перемешивало результаты их деятельности, средства от передового производства использовались на покрытие убытков нерадивого хозяйствования. В результате работа на общество уже не являлась в полной мере работой на себя, а принимала несколько искаженную форму. Положение усугублялось тем, что деятельность предприятий оценивалась по валовым показателям текущего, прежде всего годового, плана, выполнение которого нередко было возможно без каких-либо качественных изменений в технико-организационном уровне производства. Напротив, внедрение нововведений часто становилось препятствием для выполнения текущего планового задания, а передовые в научно-техническом отношении предприятия оказывались в заведомо более трудной ситуации. Подобное происходило и с использованием ресурсов. В случае достижения значительной экономии предприятия также осложняли себе жизнь на буду-

---

[1] Плановые махинации, например, в легкой промышленности РСФСР раскрыты в газете «Социалистическая индустрия» (1987. 6 марта).

щий период, получая ужесточенные плановые задания от достигнутого уровня. В этих условиях исходящая сверху зарегламентированность научно-технических процессов дополнялась низкой заинтересованностью низовых звеньев во внедрении достижений научно-технического прогресса, экономном расходовании производственных ресурсов.

Таким образом, экономический центр формировал государственный план, который не мог быть полностью материально-технически обеспечен и априори, следовательно, не мог быть выполнен по всей совокупности показателей. Предприятия же стремились, напротив, к занижению плановых заданий, позволяющему скрывать их потенциальные резервы, и к получению максимального количества производственных ресурсов. В результате производство в течение длительного времени ориентировалось на преимущественно экстенсивные экономические процессы.

Вся совокупность вышеназванных явлений формировала основу отчуждения работников от отношений планомерности социалистического производства, «выключения» их из этих отношений. Во-первых, значительная часть непосредственных производителей не только отделяется от самого процесса формирования плановых заданий, но и не может воздействовать на них через результаты, эффективность своей деятельности. Планы превращаются во внешнюю силу, причем во многом стихийную, подверженную субъективному произволу. Во-вторых, планы становятся неподвластными и самим их составителям, все более отрываясь от действительных экономических процессов, рождая несбалансированность и неритмичность общественного производства.

Конкретные формы реализации планомерной организации социалистического производства неизбежно накладывают отпечаток на развитие всех производственных отношений социализма. Затрагивают они и основное производственное отношение социализма, выражающее способ соединения рабочей силы с общественными средствами производства в самом производственном процессе. В сущности своей это соединение утратило присущий капитализму характер купли-продажи рабочей силы, лишенной средств производства и средств существования. Социализм исключает эксплуатацию наемного труда, и заработная плата здесь перестает быть формой проявления стоимости рабочей силы. Однако при сохранении возмездных отношений, опосредуемых товарно-денежными связями, включение рабочей силы в трудовой процесс осуществляется через систему социалистического найма, схожего по ряду формальных признаков с системой найма, существующей в условиях капиталистического производства (оформление на

работу на установленный срок, периодическая выплата вознаграждения в форме заработной платы по истечении определенного периода или завершении оговоренного объема работ, увольнение в случае невыполнения трудовых обязанностей и т. п.). Поскольку решение практически всей совокупности вне- и внутрипроизводственных вопросов, связанных с определением содержания и режима работы, ее обеспеченности материалами, техническими средствами и в значительной мере уровня фактической оплаты, служило прерогативой администрации предприятия и вышестоящих звеньев, создавалась объективная почва для формирования в сознании работника так называемого психологического стереотипа «нанятости»[1] — работы на неизвестного субъекта, «нанимателя», более или менее определенно представленного администрацией предприятия. Соответственно интерес работы на себя часто был ограничен индивидуальным доходом и не выходил за рамки индивидуального рабочего места.

Принципиальное значение для характеристики способа соединения рабочей силы со средствами производства имеет такая форма реализации высшей цели социалистического производства, как возможность развития работника в самом трудовом процессе, преобразовании содержания труда. Процесс преодоления отчуждения труда как деятельности, так же как и его отделения от общественных средств производства, выражает совершенствование основного производственного отношения социализма. Одним из факторов, способствующих сохранению этих элементов отчуждения на современном этапе, является укоренившаяся в последний период практика отвлечения работников от их основной трудовой деятельности.

Социологические исследования, проведенные в разные годы в ИСИ АН СССР, свидетельствуют о том, что от своих непосредственных служебных обязанностей систематически отрываются $^{3}/_{4}$ инженерно-технического персонала. Примерно 90 % научных работников приходится выполнять работы, не требующие их квалификации (систематически такой работой заняты $^{1}/_{3}$ научных сотрудников)[2].

Помимо отвлечения специалистов от основной работы в пределах собственных предприятий и учреждений укоренилась практика периодического использования их труда в различных подшефных организациях, прежде всего в сельском хозяйстве, сфере хранения сельскохозяйственных продуктов (54% общего числа отвлеченных), а также в строительстве (более 15%), т. е. именно в тех отраслях, где наиболее велики потери рабочего времени собственных работников.

Практика эта в последние годы все более расширялась. Так, число лиц, привлекаемых на сельскохозяйственные работы, в среднегодовом исчислении

[1] Яницкий О. Отказ от шаблонов, ломка стереотипов // Коммунист. 1987. № 11. С. 83—84.

[2] Социологические исследования интеллигенции. С. 23, 82; Профессиональные отряды интеллигенции. С. 67.

за последние 15 лет выросло в целом в 2,5 раза и достигло 1,4—1,5 млн. человек. В промышленности и строительстве потери времени, связанные с отвлечением от основной трудовой деятельности, в 3—5 раз превышают потери от простоев, прогулов и неявок с разрешения администрации[1]. Рабочие могут отвлекаться от основной работы от 2 до 7 дней в году, служащие научных учреждений — от 10 до 18 дней[2]. У конструкторов, например, эти потери иногда составляют до 10—12% фонда рабочего времени[3]. Широко было распространено снятие с занятий учащихся высших и средних специальных учебных заведений. Общие потери только по народному хозяйству РСФСР в 1986 г. составили 140 млн. человеко-дней[4]. В республиках Средней Азии сезонные отвлечения рабочих, служащих и учащихся на сельскохозяйственные работы носили, как известно, истинно массовый характер. (К настоящему времени, несмотря на многочисленные обещания руководителей, положение здесь существенно не изменилось.) Наряду с чисто экономическим ущербом, связанным с использованием не по назначению квалифицированных кадров и начислением заработной платы по месту основной работы, эта практика порождает и соответствующее безразличное отношение работников к своему труду. Тем более, что отвлечение работников в большинстве случаев обеспечивалось не свободным экономическим путем, а в административно-принудительном порядке.

Существуют и такие формы прямо принудительного труда, как широкое использование на сельскохозяйственных и строительных работах армейских подразделений и заключенных исправительно-трудовых колоний. Эти крайние формы отчуждения, основанные на внеэкономическом принуждении к труду, обусловлены в данном случае особым юридическим положением работников.

Рассмотрим проблему отчуждения в связи с отношениями распределения по труду. Ликвидация эксплуатации наемного труда, переход к трудовому распределению — это лишь первый шаг в освобождении труда, еще не уничтожающий во всей полноте его отчуждения. Распределение по труду основано на всеобщности труда, выражаемой известным еще с древности принципом «кто не работает, тот не ест». Это достижение свободы через осознание необходимости трудиться, но одновременно и особая форма экономического принуждения к труду[5]. Само по себе количество распределяемых материальных благ здесь относительно безразлично к содержанию выполняемого труда (творческого или репродуктивного), хотя и оказывает существенное воздействие на трудовую ориентацию работника, выбор конкретных видов труда. Это лишь внешний результат трудового процесса.

Особая же форма отчуждения определенной группы тру-

---

[1] Социалистическая индустрия. 1987. 14 июня. С. 3.

[2] Советская Россия. 1987. 2 июня.

[3] Пушкарев Г. А. Анатомия конструкторского престижа//Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 6. С. 114.

[4] Социалистическая индустрия. 1987. 14 июня. С. 3.

[5] Сохраняются также и элементы чисто административного принуждения. Так, по оценкам специалистов, «10—12 % людей слабо реагируют на любые стимулы. Им приходится не только напоминать о всеобщности труда при социализме, но и заставлять работать» (Правда. 1987. 3 августа).

дящихся от отношений собственности возникает в данном случае в связи с тем, что они частично исключаются из системы распределения по труду. Объективная основа, первая характерная черта этого отчуждения состоит в появлении многообразных модифицированных форм, с различной степенью адекватности отражающих действие закона распределения по труду. Так, в 70—80-е годы в заработной плате возрастал удельный вес фиксированной части оплаты, относительно независимой от текущего трудового вклада и определяемой различного рода надбавками и коэффициентами: за особые условия работы и природно-климатические условия, за стаж работы и полученные звания. Увеличивались общие суммы заработной платы, выплачиваемой на чисто компенсационной основе, с целью привлечения рабочей силы на участки непрестижного, монотонного, репродуктивного труда. Относительно повышенная оплата непривлекательной и неквалифицированной деятельности объясняла во многом отсутствие заинтересованности предприятий и самих работников в сокращении или комплексной механизации соответствующих рабочих мест. В определенной мере эти компенсации носили объективный характер и преследовали цели поддержания принципа социальной справедливости. Однако в совокупности с другими факторами они способствовали постепенному уравнению оплаты труда различной сложности и квалификации, по существу став одновременно одной из причин консервации рабочих мест репродуктивного труда, элементом механизма воспроизводства отчуждения труда как деятельности.

Серьезное модифицирующее воздействие на распределение по труду в целом оказало преобладание в течение длительного времени тенденции к уравнительности в оплате труда работников различных профессий и категорий над тенденцией к дифференциации этой оплаты. Причем под воздействием уравнительности деформировались сравнительные уровни оплаты труда различной сложности и интенсивности не только отдельных работников, но и целых коллективов. Не секрет, что коллективы крупных промышленных предприятий с высокой производительностью и дисциплиной труда, осуществляющие внедрение новой техники и технологии, нередко могли даже проигрывать в оплате по сравнению с работниками предприятий, отстающих по технико-организационному уровню. Существовавший относительный дефицит рабочей силы неизбежно подталкивал администрацию предприятий к ее привлечению и удержанию путем обеспечения достаточно высокого уровня оплаты. Это часто приводило к прямым нарушениям трудового распределения — так называемой «выводиловке», выплате незаслуженных премий, оплате за

некачественный труд и за приписанный объем. Наконец, крайней формой, подрывающей распределение по труду, выступило нарастание нетрудовых доходов, извлекаемых как за границами общественного производства, так и в его собственных пределах.

В целом результатом указанных явлений выступил заметный отрыв оплаты от своей объективной трудовой основы (в ряде отраслей народного хозяйства заработная плата вообще росла быстрее производительности труда). Таким образом, значительная доля трудящихся оказалась по крайней мере частично «выключена» из отношений распределения в соответствии затраченным трудом. Для этой формы отчуждения характерно то, что некоторые модифицированные распределительные формы постепенно начинали восприниматься как действительные отношения распределения по труду, как его естественные собственные проявления. В результате другой чертой отчуждения от отношений распределения стало пассивное участие большинства производителей в совершенствовании данных отношений. Лишь незначительная часть трудящихся, как уже отмечалось выше, принимала реальное участие в формировании фонда заработной платы и фондов экономического стимулирования предприятий. А такие инструменты самостоятельного разделения доходов, как, например, коэффициент трудового участия, часто использовались лишь формально. Более того, существование невысоких «потолков» в оплате высококвалифицированного и напряженного труда не позволяло подчас воздействовать на свою долю получаемых доходов не только через участие в принятии хозяйственных решений, но и путем увеличения затрат своего собственного труда. У работников складывается и соответствующая психология. Как справедливо отмечает Г. Батыгин, «...в массовом сознании широко распространен... стереотип, согласно которому высокий заработок граничит с рвачеством»[1].

Нарастание элементов уравниловки и расширение нетрудовых доходов, нарушающих принцип социальной справедливости, привели в конечном счете к определенному падению престижа не только отдельных видов, но и вообще добросовестного, инициативного труда. Когда добросовестная работа, служащая при социализме мерилом человеческой личности, становится непрестижной, оказывается чуть ли не «ниже достоинства» человека, то в этих субъективных, но отнюдь не единичных проявлениях по существу извращенного отношения к труду мы имеем дело с негативными последствиями социально-экономического отчуждения.

---

[1] Батыгин Г. Запретомания // Литературная газета. 1987. № 22. С. 12.

При сложившихся условиях хозяйствования значительная часть работников была отделена также от действительных товарно-денежных отношений. Это проявлялось в отсутствии у работников объективных условий для реализации своей роли социалистического товаропроизводителя и потребителя товаров.

Присущее социализму новое содержание товарно-денежных отношений не отменяет таких их важнейших необходимых черт, как реализация товарной формы продукта, обмен эквивалентов при тяготении цен к общественно необходимым затратам труда, действие закона спроса и предложения и т. п.

Однако основы действия социалистических товарно-денежных отношений долгое время были деформированы административным регулированием. С точки зрения производителей готовый продукт, вошедший в объем реализованной продукции предприятия, нередко мог не обладать общественной полезностью и в конечном счете не реализоваться как потребительная стоимость, а централизованно установленная цена этого продукта, не имея присущей товарному хозяйству гибкости, могла значительно отрываться от своей стоимостной основы, от общественно необходимых затрат труда на его воспроизводство.

Производство в целом было недостаточно ориентировано на реальный потребительский спрос. Подавляющая масса средств производства распределялась через систему фондирования, а такой экономический рычаг, как кредит, во многих случаях постепенно начинал принимать форму дотаций, скрытого субсидирования и исключался тем самым из сферы содержательных товарно-денежных отношений. Фондированное распределение при относительном дефиците ресурсов вело к завышению потребностей в этих ресурсах, накоплению неиспользуемых и соответственно выпадающих из товарного оборота запасов товарно-материальных ценностей на общую сумму около 300 млрд. руб., обеспечению разнообразных нужд производства за счет внутренних возможностей. Таким образом, в рамках социалистического производства, которому свойственно сочетание плановой и товарной форм хозяйства, образовалась тенденция к натурализации экономических связей производителей государственных предприятий[1].

---

[1] Игнорирование субъектами производства товарно-стоимостных форм часто ведет к нерачительному использованию общественных средств производства. Так, например, земля является общественным достоянием и не может быть объектом свободной купли-продажи. Но отсутствие системы стоимостной оценки земли давно уже препятствует действительно рациональному хозяйствованию.

Серьезные преграды на пути развития товарно-денежных отношений стояли перед работниками в сфере индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности, ориентирующейся непосредственно на спрос потребителей. Запрещение многих видов этой деятельности, ограниченный выход на колхозный рынок, создание препятствий реализации излишков продукции личного подсобного хозяйства, составляющих товарную часть его производства, — все это экономически и юридически препятствовало свободному включению трудящихся в полноправные товарно-денежные отношения.

Тенденция к натурализации постоянно поддерживалась и в сфере распределения предметов потребления, где определенная часть продуктов, сохраняя лишь формальные признаки товара, исключалась из свободной розничной продажи в пользу различных ведомственных и территориальных распределителей. Возрастающий же у населения отложенный платежеспособный спрос в виде накапливаемых денежных средств служил свидетельством того, что деньги не выполняли роль всеобщего эквивалента даже и в ограниченном социализмом товарном мире, а члены общества часто не могли реализовать свою экономическую роль потребителей товарных продуктов. Это не могло в свою очередь не ослаблять их трудовую мотивацию.

Выключение потребителей из системы рыночных отношений, обусловленное, например, дефицитом отдельных благ, ведет к появлению превращенной формы личных отношений — системы «блата» и т. п.

Недоиспользование товарно-денежных форм во многом выступило результатом сложившегося отношения к ним как к отмирающему и одновременно потенциально опасному наследию капиталистического прошлого. Лишь с решениями XXVII съезда КПСС наметился решительный поворот к пересмотру их содержательной роли, широкому вовлечению трудящихся в эти отношения на различных уровнях социалистического хозяйствования.

Явления планового фетишизма и неполная реализация функций товарно-денежных отношений неизбежно сказывались и на включении трудовых коллективов в отношения полного хозяйственного расчета. Отсутствие у предприятий, объединений должных материальных и организационных предпосылок — собственных средств, достаточных для расширенного воспроизводства и проведения активной научно-технической политики; недостаточная самостоятельность в их использовании; указанная выше практика перераспределения средств передовых хозяйственных звеньев в пользу отстающих; частые и серьезные затруднения в «отоваривании»

денежных вложений, приобретении необходимых и реализации излишних средств производства; пассивное участие в планировании научно-технического прогресса и социально-экономического развития в целом, в формировании системы цен и экономических нормативов — все это способствовало сохранению отделения непосредственных производителей от объективно присущих социализму устойчивых хозрасчетных связей.

Непосредственным результатом отчуждения работников от экономических отношений выступает бесхозяйственность — совокупность процессов, связанных с нерациональным, неэффективным использованием и прямыми потерями производственных ресурсов и готовой продукции. В сознании работника бесхозяйственность оформляется как противоположность работы на себя — умножение «никому не принадлежащей», следовательно, внешней, «чужой» для работника собственности. Бесхозяйственность выступает формой отношения работника к отчужденным условиям своего труда и проявляется в его безразличии к процессу и результатам общественного производства.

Осознание своего отчуждения от производственных отношений — достаточно длительный процесс. Отсутствие отлаженной системы экономического стимулирования как результат экономического отчуждения первоначально может в значительной мере компенсироваться массовым энтузиазмом, затем затушевываться инерционностью, нежеланием фиксировать отклонения от объективных законов социализма, стремлением подчеркнуть случайность имеющихся недостатков. Когда же, накапливаясь, негативные явления приобретают характер искажений, результаты отчуждения предстают в своем явном виде.

Бесхозяйственность означает преждевременный износ техники от нерадивой эксплуатации и одновременно массовые простои этой техники, порчу имущества от неиспользования и перерасход дорогостоящих материалов. Это внутрисменные потери, достигающие 10—20% сменного фонда рабочего времени, прогулы и неявки по различным причинам. Это потери при хранении и транспортировке, которые в сельском хозяйстве составляют минимум 20—30%, и ежегодные потери от брака и возврата некачественных товаров, оцениваемые на уровне 4 млрд. руб. и доходящие, например, в легкой промышленности до 8—10% общего объема производства[1]. И наконец, помимо явных потерь, бесхозяйственность — это недоиспользование колоссальных возможностей и преимуществ социалистического производства, становящееся неотъемлемым элементом отчужденного труда.

---

[1] Орлов А., Рубвальтер Д. Перестройка производства товаров народного потребления // Вопросы экономики. 1986. № 1. С. 45; Правда. 1986. 18 октября; Шабалин А. О. Эффект развития инфраструктуры // Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 11. С. 100.

Неадекватная реализация отношений социалистической собственности, столкновение с различными формами социальной несправедливости воплощаются в более широком социальном явлении — отчуждении части трудящихся от общественных целей и ценностей[1], включающем наряду с экономическими и политические, духовные отношения. Его элементы возникают тогда, когда общественные цели как нечто фиксированное, извне заданное обособляются от целей отдельного индивида. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС было отмечено, что возникшие в последние годы элементы социальной коррозии подтачивали высокие нравственные ценности, проявляясь в падении интереса к общественным делам, бездуховности и скептицизме, снижении моральных стимулов к труду и волне потребительства. Показателем падения социальных нравов стали рост пьянства, распространение наркомании, увеличение преступности[2]. Крайней формой отчуждения выступило формирование отдельных социальных групп, включающих деклассированные по существу элементы, уклоняющиеся от общественного труда или работающие лишь время от времени.

При наличии широкого круга неэкономических причин конечной материальной основой указанных негативных социальных тенденций является, на наш взгляд, отчуждение труда от творческой деятельности и от собственности, неспособность к самореализации в труде и управлении общественными делами[3].

Отчуждение человеческой сущности, общественных отношений человека (полное или частичное) всегда означает его отчуждение от других людей. «Когда человек противостоит самому себе, — писал К. Маркс, — то ему противостоит *другой* человек»[4]. Поэтому свое завершение все формы отчуждения находят в отчуждении человека от человека. С точки зрения отношений собственности отчуждение между непосредственными производителями заключается в разрыве их собственно экономических связей по поводу производства общественного продукта и распределения получаемых доходов, которые замещаются чисто технологическими и технико-организацион-

---

[1] Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 66.

[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. С. 11—12.

[3] Не случайно 90 % опрошенных клиентов медвытрезвителей оказались работниками самой низкой квалификации, которые при наличии приличных заработков и достаточного свободного времени утратили стимулы к ее повышению (За трезвый образ жизни. «Круглый стол» журнала «Коммунист» // Коммунист. 1987. № 11. С. 38).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 94.

ными связями. С точки зрения содержания трудовой деятельности это отчуждение заключается в том, что отделение каких-либо способностей индивида сопровождается их закреплением за другими людьми. Таким образом, порождаются элементы социально-экономического неравенства, которые в индивидуальном сознании отражаются как неотъемлемый момент естественно-исторического процесса. Сохранение различных форм отчуждения человека от человека в условиях социализма, несомненно, препятствует развитию отношений действительной коллективности на всех ее уровнях.

Специфика социализма заключается в том, что эти моменты отчуждения не носят классового характера, а затрагивают интересы внутриклассовых групп и отдельных индивидов. К тому же степень отчуждения различна, она зависит от конкретных форм реализации их отношений. И если одни группы и индивиды непосредственно отчуждаются от трудовой и управленческой деятельности, то другие противостоят им как субъекты творческого, гармонично развивающего труда и как носители власти. Однако и последние группы несвободны полностью от его порабощающих сил. Их предметная деятельность неизбежно несет на себе печать отчуждения, принимая свои превращенно-вещные формы, рождая вещизм и потребительство, бюрократизм и технократические тенденции. Отчуждение труда тем самым с той или иной степенью глубины охватывает все существующие социальные слои.

Проделанное исследование позволяет сделать принципиальный вывод о возникновении при социализме специфических социально-экономических проблем отчуждения труда. Само их возникновение до определенной степени выступает закономерным продуктом конкретно-исторического уровня общественного развития. Когда же отчуждение принимает масштабы, начинающие деформировать социально-экономическую структуру социализма, это отчуждение принимает форму аномальных явлений.

Необходимо четко осознать, что специфически социалистическое соединение рабочей силы со средствами производства не может быть раз и навсегда достигнуто на том или ином историческом этапе, идет ли речь о построении основ социализма или о достижении социализмом своего зрелого состояния. Это соединение может быть обеспечено лишь как процесс непрерывного совершенствования его форм. Магистральный путь преодоления всех видов отчуждения при социализме заключен, таким образом, в постоянном развитии, демократизации форм социалистической собственности.

5. Демократизация форм реализации социалистической собственности

Превращение труженика в реального и активного хозяина общественной собственности стало по существу основным вопросом осуществляемой перестройки. «Теоретически и практически бесспорно, — отмечалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — что интерес трудящихся как хозяев производства — самый сильный интерес, самая мощная движущая сила ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса»[1]. Решающую роль в преодолении существующего отчуждения части трудящихся от отношений социалистической собственности должна сыграть последовательная демократизация ее общенародной, государственной формы, расширение возможностей развития деятельности на базе кооперативной и личной собственности, многообразных форм их реализации через различные способы организации труда и производства. Нас прежде всего интересуют те возможности, которые предоставляют новые формы реализации общественной и личной собственности для преодоления отчуждения труда как деятельности и его отделения от собственности, а также возникающие на этом пути трудности и проблемы.

Основные направления дальнейшего развития государственной собственности сформулированы в Законе СССР о государственном предприятии (объединении). Намечены в первую очередь существенные изменения в процессе формирования плана, который должен базироваться на: строго ограниченном количестве контрольных цифр; государственных заказах, предполагающих взаимную ответственность предприятий и экономического центра при активном использовании конкурсных начал в их размещении; системе длительных и стабильных экономических нормативов, прямых хозяйственных договоров с потребителями продукции.

Намеченный порядок планирования направлен на уменьшение регламентации хозяйственной деятельности первичных производственных звеньев, призван заложить условия для реального повышения их самостоятельности. Система стабильных экономических нормативов создаст основу гарантированной связи производственных результатов с объемом ресурсов воспроизводства и величиной получаемых доходов, из которой должно постепенно вырасти иное отношение к коллективному труду. Формирование плана в значительной мере на основе прямых договоров должно повысить роль трудовых коллекти-

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. С. 44.

вов в составлении этого плана, усилить ответственность производителя за качество, комплектность и своевременность поставок готовой продукции, а также активизировать потребителя в его воздействии на это качество[1]. Предусмотрено также значительное сокращение ненужной и отвлекающей от основного труда отчетности.

Коренное преобразование условий хозяйствования, безусловно, предъявит новые требования к профессиональной деятельности хозяйственных руководителей, компетентности и центрального аппарата, и администрации предприятий, изменит функции управленческой деятельности и отношение к распоряжению социалистической собственностью. Но именно это и вызывает острые противоречия, порождая стремление управленческого аппарата к «умеренным» вариантам реформы. Так и сейчас, во многих случаях госзаказы продолжают охватывать 100 % плана предприятий, превращаются в традиционные директивные задания. Экономический центр по-прежнему не несет ответственности за их оптимальность, сбалансированность и материальное обеспечение. Допускается излишняя индивидуализация и волюнтаризм министерств в установлении экономических нормативов. Качественные изменения в планировании должны стать решающим звеном всей управленческой реформы.

Основным принципом деятельности предприятий в новых условиях хозяйствования, согласно Закону СССР о государственном предприятии (объединении), будет полный хозяйственный расчет и самофинансирование на базе нормативного распределения прибыли или распределения остаточного дохода. Предложена также форма арендного подряда. При введении этих условий предприятие приобретает собственные средства, достаточные не только для простого воспроизводства, но и для его технического перевооружения и реконструкции, получает самостоятельность в использовании этих средств. В рамках собственных заработанных средств предприятиями осуществляется весь комплекс мер по преобразованию системы оплаты труда, в целом направленный на стимулирование более сложного, квалифицированного и интенсивного труда, преодоление уравнительности во всех ее формах. В двенадцатой пятилетке разработка экономических нормативов произ-

---

[1] Расширяющаяся госприемка как форма вневедомственного контроля за качеством продукции, несомненно, является мерой переходной, во многом вынужденной, эффективной на первоначальных этапах перестройки. Госприемка связана не только с отрывом от основной трудовой деятельности лучших производственников, она замещает отсутствующее экономическое воздействие потребителя и в перспективе грозит возможной шаблонизацией и бюрократическим перерождением привлекаемых кадров.

водилась на основе уже составленного плана. При переориентации в будущем системы нормативов с плана на уровень эффективности производства у коллективов появятся устойчивые стимулы к труду, работа на общество все более будет выступать как работа на себя.

Делу повышения хозяйственной самостоятельности послужит и активизация реальных товарно-денежных форм — расширение практики договорных цен и самостоятельное установление цен на часть произведенной продукции, активное использование кредитных рычагов, восполняющих временный недостаток собственных средств, наконец, постепенный переход от централизованного снабжения по лимитам к оптовой торговле средствами производства, дающей возможности реализовать собственные денежные средства на приобретение необходимого оборудования и материалов, освободиться от излишних средств производства, минуя громоздкий снабженческий аппарат, и тем самым сократить дефицит производственных ресурсов. Важно не затянуть намеченный переход к оптовой торговле средствами производства, дабы не увековечить существующую систему фондированного распределения и не подорвать одну из основ самофинансирования предприятий.

Широкая самостоятельность неотделима в свою очередь от повышенной ответственности.

Превращение коллектива предприятия в действительного собственника заработанных средств при одновременном сокращении безвозвратного бюджетного финансирования, возможность существенного уменьшения доходов при нерациональном хозяйствовании размывают основу социального иждивенчества отстающих звеньев, заставляют по-иному относиться к совершаемому труду и закрепленной за ними части общественной собственности.

При распространении условий полного хозяйственного расчета возникает сложная проблема переходных мер по отношению к значительному числу низкорентабельных и убыточных предприятий. Необходимо использовать техническое перевооружение и реконструкцию этих предприятий для решения проблем отчуждения труда через улучшение производственных условий, решительное сокращение рабочих мест репродуктивного труда, закрытие тех предприятий, где подобные рабочие места преобладают, внедрение новых форм организации и стимулирования труда.

Важную роль в преодолении отчуждения от управления должны сыграть расширение участия в нем трудовых коллективов, развитие высшей формы этого участия — производственного самоуправления. Трудящиеся посредством общих собраний и советов трудовых коллективов, различных общест-

венных организаций должны получить возможность активного воздействия на весь процесс разработки, обсуждения, принятия и осуществления хозяйственных решений, охватывающих рассмотрение и утверждение планов социально-экономического развития предприятий и все прочие общие вопросы их деятельности.

Положения Закона СССР о государственном предприятии (объединении) направлены прежде всего именно на развязывание инициативы самих трудящихся. Самоуправление должно привести к усилению самодеятельности трудящихся, усилению их реального влияния на способы использования средств производства и характер производственных результатов. В этих условиях, несомненно, возрастет и забота о состоянии производственной среды и содержании труда. Развитие самоуправления, таким образом, выступает важным средством преодоления сложившегося отчуждения от общенародной собственности.

В настоящее время мы можем говорить лишь о создании определенных предпосылок производственного самоуправления. Ощущается сильная нехватка демократических традиций. Важно, чтобы расширяющаяся хозяйственная самостоятельность предприятий не ограничилась узкими рамками самостоятельности администрации, а такие органы, как советы трудовых коллективов, не превратились в формальный административный придаток.

Влияние трудового коллектива имеет, конечно, и необходимые объективные пределы в сохраняющемся единоначалии руководства. Но особой формой развития инициативы снизу стало распространение выборности самих руководителей, усиливающей живую связь администрации и трудовых коллективов, повышающей их взаимную ответственность (хотя иногда и при некотором снижении компетентности руководства).

Трудовой активизации работников должно послужить обновление социалистического соревнования. Преодоление заорганизованности, переход от формальных показателей и оценки «за план» к сравнению реальных результатов — степени удовлетворения общественных потребностей в производимой продукции, создание условий, в которых эти результаты будут действительно отражаться на доходах коллективов и отдельных работников, развитие конкурсных начал и борьбы за потребителя (в том числе и в первую очередь за государственный заказ, если он будет экономически выгоден)[1] — все это должно изме-

---

[1] Отметим, что законодательное положение о конкурсном размещении госзаказов пока не получило своей реализации.

нить довольно пассивное отношение к соревнованию и отношение к своему труду в целом. Соревнование, стремление выделиться вообще представляет естественный неотъемлемый момент становления личности в труде.

Создание на предприятиях фонда валютных отчислений, их прямое участие во внешнеэкономических связях неизмеримо усиливает требования к труду работников, заставляя повышать конкурентоспособность продукции, равняться на лучшие мировые достижения, ориентироваться в новинках и рыночной конъюнктуре. Это сопряжено с усложнением труда, дополнительными объемами производственной информации. На первоначальном этапе возможны, естественно, и ошибки, связанные с недостаточной еще компетентностью производителей. Но прямые внешнеэкономические связи, нередко выступавшие средством поддержания престижа и личного обогащения узкой группы работников внешнеторгового аппарата, должны превратиться в средство личностного (профессионального и культурного) обогащения всего отряда работников квалифицированного труда.

Итак, отказ от абсолютизации государственного присвоения условий производства, развитие предприятий на основе действительно полного хозрасчета выступают главным направлением демократизации социалистической собственности и соответственно решающим средством постепенного преодоления отчуждения трудящихся от общественных средств производства и производственных результатов.

Принятие Закона о кооперации в СССР должно дать импульс к развитию кооперативной собственности. До последнего времени она включала довольно ограниченный набор форм: производственную, сельскохозяйственную и рыболовецкую кооперацию, садово-огородные товарищества, потребительскую и жилищно-строительную кооперацию. При этом для основных форм кооперативного хозяйствования была характерна в целом эволюция в сторону государственной собственности, которая лишь отчасти базировалась на объективном сближении форм организации и оплаты труда, социального обеспечения. Во многом она являлась продуктом искусственной унификации.

В колхозном производстве — основной форме производственной кооперации — систематически нарушались принципы добровольности, самостоятельности и самоуправления, начиная от отсутствия свободы входа и выхода из сельскохозяйственной артели до сугубо административного объединения колхозов. Государственное принуждение по отношению к колхозам проявлялось в навязывании пахотных площадей и поголовья скота. Рост убыточности хозяйств усиливал их

зависимость от государства. Осуществлялся массовый перевод колхозов в совхозы. При этом огосударствление кооперативного производства в целом не сопровождалось заметным ростом эффективности[1]. По существу в государственную организацию превратился и Центросоюз. Недостаточно использовались и другие формы кооперации.

Основным направлением демократизации данной формы хозяйствования является развитие ее действительно кооперативных начал. Сближение двух форм собственности в настоящее время пошло во многом через обратное заимствование государственными предприятиями основных принципов кооперативного производства. Развитие самоуправления и самостоятельности в принятии хозяйственных решений и использовании результатов деятельности, ведение хозяйства за счет собственных ресурсов, выборность руководителей, остаточный принцип формирования доходов, более активное использование товарно-денежных отношений — на всем этом и основывалась кооперативная организация хозяйства.

Возникают и новые формы кооперативных объединений по обслуживанию населения. К середине 1987 г. было создано уже 1600 кооперативов общественного питания и по производству товаров народного потребления. В ближайшие годы доля кооперативной сферы услуг и общепита достигнет 3—5% общего объема[2].

Все более расширяется сеть кооперативов по переработке вторичного сырья и жилищному строительству, намечено полностью удовлетворить потребности граждан в приобретении садово-огородных участков. В перспективе кооперативы могут взять на себя широкий спектр функций по обслуживанию материального производства (от консультативных фирм до вспомогательного производства, а также и некоторые виды экспериментального производства, связанного с научно-техническим поиском).

Важно лишь поддержать идущую снизу инициативу, не заглушать ее медленно сдающей позиции инерцией запретительства, а также мелочным перестраховочным контролем и регламентацией. Так, например, в государственной службе быта предприятиям предлагается в качестве первичных документов 75 сложнейших форм учета[3], что само по себе уже служит достаточно ярким свидетельством заорганизованности. В случае же перенесения всей этой отчетности на кооперативы их участники, не имея часто даже штатного бухгалтера, будут

---

[1] Кузнецова Т. Кооперативные отношения в социалистическом хозяйстве // Вопросы экономики. 1987. № 4. С. 30, 32, 33.

[2] Правда. 1987. 30 июня.

[3] Экономическая газета. 1985. № 51. С. 19.

вынуждены тратить добрую половину своего рабочего времени на заполнение увесистых гроссбухов. Бумажная волна, прикрывающая страх перед возможностью укрытия доходов, способна поглотить значительную часть труда в кооперативах, снизив его эффективность, не говоря уже о содержании, удовлетворенности трудом.

Значительной активизации трудоспособного населения послужит расширение многих видов индивидуальной трудовой деятельности, основанной на личном труде граждан во время, свободное от работы в общественном производстве, либо как основной формы занятий. Взята линия на укрепление традиционной формы индивидуальной трудовой деятельности на селе — личного подсобного хозяйства. Легализован широкий круг трудовых услуг, художественных промыслов. Будучи основана на личной собственности или объединена в кооперативные союзы, индивидуальная трудовая деятельность способна обеспечить не только значительное количество разнообразных предметов потребления и услуг населению, но и несложные средства и предметы труда. Помимо улучшения удовлетворения потребностей трудящихся, индивидуальная трудовая деятельность, несомненно, послужит основой расширения трудовых возможностей работников, более полного проявления их производительных и творческих способностей.

Основной формой внутрихозяйственных экономических отношений должна стать подрядная форма организации труда низовых производственных звеньев. Независимо от форм собственности, в рамках которых он осуществляется, подряд основан на закреплении по договору за данным трудовым коллективом (или индивидом) определенной части средств производства и выделении участка работы, выходящего на фиксируемый конечный результат. От достижения этого конечного результата зависит и размер получаемых доходов. Подрядная форма сочетает преимущества индивидуального трудового хозяйства с преимуществами высокообобществленного (государственного или колхозного) производства. Последнее снабжает подрядные единицы необходимыми средствами производства, организует сбыт готовой продукции, обеспечивает социальные гарантии занятым работникам.

Основными формами подрядных объединений являются хозрасчетные бригады в промышленности, коллективный подряд в сельском хозяйстве. Особое внимание уделяется в настоящее время такой форме, как семейный подряд, где групповой интерес дополняется кровно-родственными узами. Наиболее эффективное применение эта форма находит себе в сфере услуг и в сельском хозяйстве, т. е. в тех сферах, где обобществление производства имеет более жесткие социальные и естествен-

ные границы. В сельском хозяйстве подрядная форма в целом направлена на повышение заинтересованности в труде с относительно более тяжелыми условиями (например, в животноводстве), на смягчение отчуждения этого труда, преодоление отрыва работника от земли — основного сельскохозяйственного средства производства.

Широкое развитие на основе государственной, кооперативной и личной форм собственности должен получить подряд в строительстве, в том числе использование временных мобильных строительных подразделений. Собственно он и так развивался довольно интенсивно в своих полулегальных формах, в виде так называемого «шабашничества». Несмотря на ее неузаконенный характер, работой «шабашников» в сельской зоне обеспечивалось 8%, а в ряде регионов страны — до половины общего объема строительных работ[1]. По существу необходимость активного использования «летучих бригад» закладывалась в планы социально-экономического развития этих регионов, где масштабы намеченного строительства заранее превышали возможности наличных трудовых ресурсов. Что же касается целесообразности использования этой формы подряда и возникающих при этом искажений, злоупотреблений в сфере оплаты труда, то это, безусловно, два совершенно различных вопроса.

В целом более широкое применение временных, добровольных коллективов, работающих на определенную цель, было бы эффективно как в сфере материального производства (причем и в рамках индивидуальной трудовой деятельности, и в общественном производстве), так и в научных учреждениях[2]. Эффективность эта будет основана не только на денежном интересе, но и на заинтересованности в самом содержании труда.

Расширение деятельности на основе кооперативной и личной форм собственности, в какой-то мере усиление опоры на форму бригадного подряда — все это выступает процессом восстановления формально более низкой, но в то же время более реальной ступени обобществления социалистического производства, использования преимуществ мелкого хозяйства, возникающих как следствие существующего разрыва в уровне производительных сил и производственных отношений в целом ряде сфер.

---

[1] Советская Россия. 1986. 16 февраля.

[2] Одним из примеров формирования подобных коллективов явилось создание более 70 центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ), использующих труд молодых специалистов в свободное от основной работы или учебы время. Положено начало развитию временных хозрасчетных научных коллективов в рамках Всесоюзного Экономического Общества.

Мелкие хозяйства способны полноценно проявить себя в узкоспециализированных сферах деятельности, труднодоступных для крупного обобществленного производства, а также в тех сферах, где даже самая развитая техника может лишь облегчить труд, но не может заменить человека. Близость к потребителю, относительно небольшие издержки на переориентацию производства в соответствии с изменениями спроса придают мелким формам производства особую гибкость и оперативность в удовлетворении широкого круга общественных потребностей. Зачастую они обеспечивают сравнительно более высокую экономическую эффективность. Далеко не единичными стали случаи, когда семейный подряд в сельском хозяйстве достигал урожайности земледельческих культур и продуктивности животноводства, вдвое превышающих уровень общественного хозяйства. А в сфере услуг так называемые частники при относительном удорожании обеспечивают, несомненно, более высокое качество обслуживания и сокращают время потребителя на получение этих услуг.

Уступая, как правило, государственному сектору в технической обеспеченности производства, работники мелких хозяйств вынуждены компенсировать отсутствие этого уровня повышенной интенсивностью труда. Индивидуальная трудовая и кооперативная деятельность не может также предоставить работникам гарантированного положения, а часто и социальных условий труда, быта, которыми располагают государственные предприятия. Возникает масса других проблем, о которых еще будет сказано ниже. Но при этом данные работники часто получают лучшие возможности для преодоления отчуждения от средств производства и управленческой деятельности. Невысокий же технический уровень во многом является результатом крайне низкой обеспеченности средствами малой механизации, трудностями с приобретением материалов и в перспективе может быть значительно повышен.

Демократизация социалистической собственности создает основу для экономического соревнования между ее различными формами за потребителя и за квалифицированные кадры. Такое экономическое соревнование должно стать регулятором необходимого конкретно-исторического соответствия, разумного сочетания различных уровней обобществления производства. Критерием реальности этого обобществления во всех его формах выступает прежде всего достигаемая социально-экономическая эффективность, зависящая во многом от масштабов преодоления отчуждения труда.

Во всем открывающемся многообразии форм реализации социалистической собственности, при всех различиях в положе-

нии работников в соответствующих трудовых процессах выделяется ряд общих черт, объединяющих эти новые формы реализации собственности и организации труда — их воздействие на преодоление отчуждения труда при социализме. При всей сложности и неоднозначности этого воздействия они направлены так или иначе на расширение самостоятельности, реальное участие трудящихся в управлении своим производством, усиление зависимости материального вознаграждения от результатов работы, соответствующее преодоление их отчуждения от средств производства и конечных результатов и на этой основе — изменение содержания всей трудовой деятельности.

В первую очередь демократизация экономики формирует основу для нового субъектного отношения работников к социалистической собственности, к участию в управлении ею. Сама возможность выбора работником конкретной формы соединения со средствами производства уже служит важным показателем свободы труда, предпосылкой его неотчужденного характера. Расширение хозяйственной самостоятельности работников кооператива или хозрасчетной бригады государственного предприятия, всего трудового коллектива в целом, реальное участие в планировании социально-экономических процессов, распределении работ и получаемой выручки от реализации развивают внутри- и внепроизводственную инициативу трудящихся, усиливают их заинтересованность в результате, ответственность за объем и качество производимого продукта. Помимо влияния через управленческие процессы, здесь происходит приближение производителя к конечному продукту, кторый все более зависит от индивидуального труда каждого из его создателей. Закрепление за работниками определенной части средств производства, их создание и воспроизводство в основном за счет собственных средств коллектива и заинтересованность в результате рождают иное, хозяйское к ним отношение. Лучше используются средства труда, экономятся сырье и материалы.

Хозяйское распоряжение выделенными обществом средствами производства усиливает такой важный момент содержательной творческой трудовой и управленческой деятельности, как социалистическая предприимчивость, которая представляет собой проведение социально-экономических преобразований или организацию нового производства в рамках действующего законодательства без соответствующего указания вышестоящих органов.

Организованному и сплоченному коллективу легче противостоять и бюрократическому воздействию. Кооперативные формы, например, позволяют многократно сократить управлен-

ческий аппарат. Так, одной из важнейших задач кооперативного движения В. И. Ленин считал необходимость того, «чтобы кооперация оказалась, между прочим, важнейшим фактором в борьбе против бюрократизма»[1].

Изменение отношения к собственности расширяет возможности для развития содержания труда. Особую роль здесь играет перемена труда через совмещение специальностей и расширение зон обслуживания. Последние не только содержат в себе значительный резерв увеличения производительности труда, но и дают возможность осуществлять смену видов деятельности, разнообразить ее содержание, позволяя сузить сферу отчуждения и соответственно раздвинуть границы творческого начала уже в рамках существующей системы разделения труда.

Перемена труда ведет к известному снижению монотонности, повторяемости трудовых операций, расширяет поток информации и необходимых знаний. Производителю значительно чаще удается участвовать в выполнении работ по созданию продукта от начала до самого конца данного процесса. Производство конечного продукта в его цельности «приближается» к человеку и видится уже со своих различных сторон.

В настоящее время совмещение специальностей на предприятиях развито пока довольно слабо. Оно охватывает лишь 5 % рабочих. Это примерно в 3 раза меньше того количества, которое позволяет современный технический уровень производства[2].

В процессе совместного заинтересованного труда осуществляется взаимное обучение работников, перенимаются опыт, приемы труда, создаются тем самым лучшие возможности для роста квалификации. Создание кооперативных объединений, начало индивидуальной трудовой деятельности, безусловно, требуют предварительной профессиональной подготовки, нередко освоения ряда смежных и вспомогательных профессий. Не случайно В. И. Ленин указывал на то, что массовое кооперирование предполагает осуществление культурной революции[3]. Эти новые сферы приложения труда расширяют поле деятельности человека. Они нуждаются в энтузиазме устроителей, но в свою очередь рождают новое отношение к труду. Все бóльшую роль начинает играть содержание трудового процесса.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 103.

[2] Вопросы экономики. 1979. № 6. С. 63; Пантелеев Н., Андриенко В. Резервы экономии труда и стимулирование их использования // Плановое хозяйство. 1985. № 2. С. 109.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376—377.

Если речь идет, например, о пресловутых бригадах «шабашников», то, конечно, цели этих временных объединений в первую очередь материальны — заработать больше в минимальные сроки. Но нельзя не видеть, что эти объединения рождали у людей новое отношение к труду — это был высокоорганизованный труд, нацеленный на реальный конечный результат. В этих бригадах формировались межличностные отношения, мерилом которых был действительно затраченный труд. Здесь во многом преодолевалось отчуждение труда как деятельности, несмотря на высокую интенсивность, подчас изнуряющий ритм работы. И сезонное воспроизводство «летучих бригад», возникнув из интересов чисто экономических, несло в себе уже нечто большее. Людей привлекали не только высокие (и совсем не легкие) заработки, но и воможность реализовать себя в работе на пределе своих способностей, возможность, которой очень часто они не имели по месту своей основной работы. А сохранение отчуждения труда в данном случае во многом определялось не самим содержанием труда, а социальным статусом этих бригад, отношением к ним лишь как средству, причем весьма неприглядному.

В новых формах организации труда изменяется характер производственной дисциплины, от дисциплины чисто технологической и административной, где ритм производства задается машиной и общими инструкциями, все более переходят к трудовой дисциплине (добровольной или принудительной), где организация работ задается самими производителями, исходя не из «голого» распорядка, а из действительных потребностей производства.

Необходимо вводить наряду со всеми прочими мерами и чрезвычайно неразвитые у нас формы стимулирования труда самим трудом. Так, эффективным средством улучшения условий труда там, где позволяет технология производства, может стать использование скользящего графика работы. Подобная форма организации труда помогает обеспечить нормальный уровень его интенсивности, решая при этом проблемы социального характера, наиболее рационального использования работником его свободного времени. Причем введение таких графиков работы может использоваться как средство дополнительного поощрения лучших, наиболее инициативных работников. Не было бы зазорно более широко использовать некоторые методы, заимствованные у ведущих капиталистических стран. Например, в нашей стране уже появились первые «кружки качества».

Заметные сдвиги происходят и в отношениях между работниками. Когда мерилом межличностных отношений становится действительно затраченный труд, который определяет не только размеры оплаты, но и место человека в коллективе, это способствует формированию новой формы отношений коллективизма, основанной на взаимной поддержке при одновременном трудовом соперничестве и общей ответственности за допущенные ошибки, срывы, некачественную продукцию. В условиях когда нерадивость отдельного работника может

существенно повлиять на коллективный доход, определение количества и качества индивидуального труда становится делом внутренней самоорганизации. Отстающие здесь вынуждены тянуться за более передовыми, изменение типа трудовых взаимоотношений рождает стимул к повышению квалификации, к совершенствованию трудовых навыков[1].

Наряду с растущим разнообразием в содержании труда хозяйское отношение к труду проявляется и в более широких возможностях воздействия на улучшение условий труда, более требовательном отношении к соблюдению санитарно-гигиенических норм и безопасности труда. Это усиливает внимание непосредственных производителей к социальному эффекту получаемой техники, выбору способов выполнения конкретных работ. Изменение в отношениях собственности через расширение управленческих функций трудящихся становится в свою очередь стимулом к активному преобразованию всей производственной среды.

Но мы были бы далеки от действительности, если попытались бы идеализировать укрепляющиеся прогрессивные формы социалистической собственности или утверждали бы, что осуществляемый в их границах шаг к преодолению отчуждения труда не порождает одновременно новых трудностей и негативных последствий. Несомненно, проведение принципа самофинансирования и создание кооперативов, бригадный и семейный подряд ведут к усилению, хотя и в разной мере, обособленности групповых и личных интересов, воспроизведению элементов собственнической, мелкобуржуазной психологии при отношении к труду как работе на себя в узком значении этого понятия. Это известное обособление интересов на данном историческом этапе выступает неизбежным атрибутом хозяйского отношения к делу. Усиление относительной экономической обособленности производителей сейчас должно стать средством не только более полного удовлетворения общественных потребностей, но и постепенного преодоления отчуждения трудящихся от общественной собственности. В этом заключается реальное противоречие современного развития.

Естественно, в деятельности кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности во многих случаях заинтересованность в максимальном заработке может возобладать над всеми

---

[1] Подобные отношения характерны и для самофинансирования предприятий, объединений. «Слабые результаты отдельных работников подрывают возможности самофинансирования коллектива в целом ... самофинансирующийся коллектив предпримет все возможное, чтобы сделать каждого высокопроизводительным работником, развить взаимопомощь и взаимозаменяемость» (Бунич П. Проблемы углубления отношений самофинансирования в народном хозяйстве СССР // Экономические науки. 1987. № 5. С. 54).

другими интересами. Но не сама эта деятельность рождает сугубо материальные устремления. Она в данном случае лишь дает выход тому, что не могло полноценно реализоваться в течение десятилетий. Максимизация заработка остается основным стимулом к труду для многих социальных групп. Контроль со стороны общества здесь необходим. Но искусственное сдерживание чисто денежных интересов путем запрещения подобного рода деятельности — не лучший инструмент для их преодоления. Необходимо использовать это во многом порабощающее, но действенное средство для достижения более высокой цели — для выработки привычки к высокоорганизованному и ответственному труду, которая поможет впоследствии преодолеть узкие горизонты «денежного фетишизма».

Что же касается непосредственно условий труда, то заметный рост его интенсивности имеет двойственную основу. Возрастает общая организованность производства, вызывающая у работника удовлетворенность четкостью, слаженностью, ритмичностью действий. Но одновременно увеличивается тяжесть работы, ее напряженность, укрепляется заинтересованность в работе сверх установленного рабочего времени. Увеличение работы за счет большей части свободного времени, изнурительный труд, подчас в тяжелых условиях, вместо положенного отпуска, могут нарушать нормальный ход восстановления рабочей силы, вести к постепенному разрушению здоровья работников, которое не всегда компенсируется повышенным материальным благополучием. В свою очередь подобное расширение границ рабочего времени ограничивает возможности гармоничного развития за пределами материального производства, может служить тормозом общего культурного роста. Вторичная занятость нередко сдерживает трудовую активность работника в основной сфере деятельности, ограничивает возможности его квалификационного роста в общественном производстве.

Взаимный трудовой контроль в различного рода добровольных объединениях в целом играет позитивную роль, но может принимать и достаточно жесткие формы. Установление нового типа трудовых взаимоотношений имеет и свою оборотную сторону, проявляясь в тенденции к уравниванию сил работающих. С одной стороны, в бригадах может устанавливаться своеобразный «культ силы», стремление освободиться от неумелых, неопытных новичков и более слабых пожилых, пусть даже и заслуженных работников[1]. С другой стороны, высоко-

---

[1] Эта «жесткая справедливость естественного отбора» может служить причиной возникновения в коллективе атмосферы взаимной отчужденности и антипатии (Максимова Н. К. Бригады на перепутье // Экономика и организация промышленного производства. 1985. № 8. С. 159).

квалифицированные рабочие, достигающие большей индивидуальной выработки, часто сами уходят из бригад в стремлении избежать уравнения в работе и заработке[1]. По данным проведенных исследований, лишь немногим более половины рабочих довольны работой в бригадах, 28% выступают за индивидуальную работу, а остальные не могут определить своего мнения[2]. Впрочем, если сильному коллективу удается избежать этих процессов, через определенный период квалификационный состав относительно выравнивается естественным путем. Но конфликт между передовиками и отстающими на предприятиях, действующих на началах хозяйственного расчета, или в кооперативных объединениях всегда будет существовать. Социальная справедливость во многих случаях достигается через определенное ужесточение трудовых взаимоотношений. Это противоречие объективное, требующее трезвого учета.

Изменяется и характер отношений между администрацией и коллективами предприятий. Администрация в большей мере начинает выражать интересы занятых в коллективе работников. Но здесь неизбежны противоречия, связанные с ужесточением взаимных требований администрации и трудовых коллективов по одновременному обеспечению прибыльности и социального развития предприятия.

Неоднозначен характер изменений в отношениях работников мелких хозяйств, основанных на более низком уровне обобществления производства. Как уже отмечалось ранее, они позволяют усилить связь работника с конечными результатами. Работник видит здесь их непосредственную зависимость от его индивидуальных трудовых усилий, степень их полезности для потребителя. Увеличению масштаба собственности сопутствует и рост ее отдаленности для каждого индивида. И напротив, переход из государственного предприятия к хозяйствованию на основе кооперативной и личной собственности, ослабление централизованного регламентирующего воздействия представляют для этого индивида снижение отчужденности в его субъектном отношении к закрепленным за ним средствам производства.

Но процесс преодоления отчуждения здесь, безусловно, не свободен от своих противоречий. Мелкие формы хозяйства,

---

[1] «Часто наиболее квалифицированные рабочие оказывают сопротивление организации подрядных коллективов» (От подряда бригад — к подряду в крупных коллективах // Экономика и организация промышленного производства. 1987. № 4. С. 58).

[2] Комозин А. Н., Мещеркин А. К. Коллективные формы труда в условиях экономического эксперимента // Социологические исследования. 1986. № 1. С. 23.

ориентирующиеся непосредственно на потребительский рынок, освобождаясь от фетишизма плана, подчиняются во многом неизвестным для них условиям товарной стихии. Соответственно усиливаются и явления товарного фетишизма[1]. Изменяются и отношения между самими производителями. Их взаимное отчуждение, порожденное разрывом действительно экономических связей, сменяется в значительной степени отношениями конкуренции этих производителей. И нередко преодоление отчуждения от средств производства и конечных результатов может быть связано с относительным утяжелением условий и ухудшением содержания труда.

Таким образом, в процессе развития новых форм реализации социалистической собственности при современном уровне производства снятое отчуждение в какой-то мере лишь переходит в иные формы. Но демократизация отношений социалистической собственности в целом не только представляет огромные возможности повышения экономической эффективности народного хозяйства, но и выступает важным шагом в смягчении различных видов отчуждения труда.

Не закрывая глаза на возникающие негативные последствия, мы должны видеть, что демократизация отношений социалистической собственности на данном историческом этапе — единственный наиболее последовательный путь преодоления воспроизводимых форм отчуждения труда. При всей важности комплекса агитационно-пропагандистских мер, ничто так не воспитывает сознательное отношение к труду, как практика хозяйственной жизни, показывающая преимущества той или иной формы производства. Активное «включение» широкой массы трудящихся в экономические процессы, помимо всего прочего, требует и «разумной прозрачности» форм производственных отношений, побуждает к использованию исторического опыта, сложившихся традиций (в том числе и национального характера). С этой точки зрения введение кооперативов, использование семейного подряда не могут не найти отклик среди непосредственных производителей. Ведь в артельных принципах труда нет для нас по существу ничего принципиально исторически нового.

Главная проблема заключается в тех трудностях, с которыми сталкиваются социально-экономические преобразования. Медленно и не всегда последовательно внедряется хозяйственный расчет, затягиваются реальные изменения в планировании и снабжении, участие непосредственных производителей в управ-

---

[1] С некоторым усилением моментов товарного фетишизма, очевидно, неизбежно сопряжено развитие реальных товарно-денежных отношений и в рамках государственной собственности.

лении часто оказывается формальным[1], во многих регионах сохраняются преграды на пути кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности, семейного подряда, стремление к их ведомственному подчинению, действует еще инерция запретительства, сильны различного рода предубеждения. Иногда прослеживается и чисто утилитарное отношение к подрядной форме со стороны администрации предприятий, которая, подчас не заботясь более о механизации и облегчении условий труда, вынуждает работников наращивать производительность за счет предельной интенсификации их труда[2]. На передний план сейчас выдвигается борьба за последовательное проведение намеченной перестройки.

Но каковы при этом горизонты преодоления отчуждения, на что мы должны реально ориентироваться?

6. Горизонты преодоления отчуждения: человек-хозяин, человек-творец

Признание закономерных для социализма форм отчуждения труда, преодолимых лишь в условиях высшей фазы коммунизма, отнюдь не означает необходимости смириться с существованием этой проблемы. Наоборот, именно из такого признания вытекает необходимость поставить борьбу с ними в центр нашей социально-экономической политики.

Политика борьбы с отчуждением труда в условиях социализма распадается на два взаимосвязанных направления: а) тактику преодоления аномальных для социализма форм отчуждения путем преодотвращения перехода свойственных ему противоречий в их конфликтную форму; б) стратегию повышения уровня зрелости экономической системы в интересах минимизации объективно неустранимых на данном этапе форм отчуждения.

Комплекс средств преодоления социально-экономических корней отчуждения труда при социализме в самом общем виде включает: преобразование непосредственно трудовой деятельности на основе постепенной ликвидации порабощающих форм разделения труда, использования массового технического перевооружения производства для улучшения условий труда, повышения его творческого характера; перестройку сис-

---

[1] Так, по данным социологических исследований, в планировании и организации работы в бригадах участвуют лишь 20,6 % рабочих, решении вопросов оплаты и стимулирования труда — 29,0 %, повышения квалификации членов бригады — 13,3 % (Социологическ е исследования. 1986. № 1. С. 26).

[2] Экономика и организация промышленного производства. 1985. № 8. С. 164, 178.

темы управления и демократизацию отношений собственности; наконец, повышение профессионального и общего культурного уровня всех слоев населения.

«Снятие» всех форм отчуждения не только расширяет чисто экономические возможности социализма, являясь мощным средством укрепления дисциплины труда, источником добровольного повышения интенсивности и производительности труда работников, экономии средств производства. В преодолении отчуждения реализуется высшая цель всего коммунистического строительства, заключающаяся в свободном гармоничном развитии всех членов общества. Коммунизм, по первоначальному определению К. Маркса, есть общественно-экономический строй, позволяющий «снять» отчужденную форму развития для абсолютного большинства индивидов, утверждающий труд как свободную деятельность.

Свободный труд в противоположность отчужденному, принудительному труду представляет собой общественную деятельность, дающую субъектам производства возможность выбора социально-экономических целей и способов их достижения. Свободный труд предполагает творчество непосредственно в индивидуальном труде и в преобразовании общественных отношений: возможность изменения организационно-экономических связей, выбор технологических средств и видов конкретной трудовой деятельности. С точки зрения отношений собственности — возможность выбора форм соединения со средствами производства и другими производителями, наличие хозяйственной самостоятельности.

Свобода труда, конечно, не может быть абсолютной. Она всегда имеет конкретно-исторические пределы, которые определяются наличными возможностями производства, особенностями сложившихся производственных и надстроечных отношений. Специфика социализма заключается в объективной закономерности его развития по пути обеспечения условий свободного труда для каждого члена общества. Свобода здесь выступает одновременно как необходимость: участия в труде, удовлетворения общественных потребностей, ненарушения свободы других членов общества и соответствующего ограничения своей личной свободы.

Несмотря на то, что полное преодоление отчуждения труда как системы станет возможным лишь при полном коммунизме, ошибочно было бы думать о неотчужденном труде как о чем-то отвлеченном, не имеющем примеров в реальной действительности. Хотя примеры полностью неотчужденного труда в современных исторических условиях составляют пока скорее исключение, во многом обусловленное выдающимися личными качествами отдельных людей. Гораздо чаще можно столкнуться

с частичным преодолением отчуждения труда. Творческий труд довольно часто еще наталкивается на социально-экономические ограничения, не позволяющие полностью развернуть его содержательные потенции и получить должное общественное признание. Хозяйские же функции предоставляются нередко в сферах с относительно непривлекательными условиями и содержанием труда.

В связи с этим следует отметить, что абсолютное уничтожение непривлекательных элементов в трудовой деятельности в принципе недостижимо. Взгляды, уповающие, как правило, на повсеместное развитие автоматизации производства, по нашему мнению, явно грешат утопизмом. Любой вид труда всегда будет содержать в себе моменты повторяемости, монотонности. Репродуктивный труд как противоположность творческого труда одновременно выступает условием и моментом всякой творческой деятельности. Кроме того, как бы ни развивался научно-технический прогресс, всегда сохраняется определенная доля относительно непривлекательных видов труда.

Преодоление отчуждения деятельности означает лишь то, что творческое начало в подавляющем числе видов труда становится преобладающим и определяет все содержание труда в целом. Неизбежно сохраняющиеся малосодержательные функции в этом случае не оказывают решающего влияния на общее отношение работника к своему труду. При этом в первую очередь устраняются наиболее резкие формы отчуждения, тормозящие развитие человеческой личности, а остальные виды репродуктивного труда сводятся к минимуму, постепенно преобразуются и по возможности не закрепляются за отдельными членами общества. Отчуждение труда преодолевается как система. Работник воссоединяется с условиями своего труда не только технологически, но и в том смысле, что эти условия образуют средство для самоутверждения человека в труде и потому становятся собственными условиями развития его личности, средством его освобождения.

При этом творческий труд вовсе не является трудом легким. Согласно известным высказываниям К. Маркса, «труд не может стать игрой, как того хочет Фурье»[1]. Напротив, «действительно свободный труд... вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»[2].

Не следует также упрощенно трактовать всестороннее развитие работника. Каждый вид труда, содержащий определенную совокупность операций, предполагает и соответствующий набор способностей. Творческий характер деятельности заклю-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 221.

[2] Там же. С. 110.

чается не в одновременном развитии всех возможных человеческих качеств (это нереально и в этом нет необходимости). Напротив, он сопряжен с усиленным совершенствованием именно отдельных трудовых способностей, прочие же часто вынуждены отодвигаться на второй план. Условием действительно гармоничного развития служит в конечном счете становление решающих черт, которые определяют и отличают человека как личность, позволяя при этом преломить в этих чертах максимум заложенных в человеке потенций. В этом заключены вся сложность и противоречивость утверждения человеческой личности.

Важную роль в «снятии» отчуждения деятельности должен сыграть закон перемены труда, позволяющий переходить, например, от труда в материальном производстве к иным видам деятельности во внерабочее время, а также относительно свободно варьировать конкретные виды труда в рамках самого производства. Перемена труда может использоваться также на сохраняющихся непривлекательных рабочих местах путем организации труда на них на временных, добровольных началах при достаточной материальной и моральной компенсации и при условии постепенного сокращения таких мест. Но возможности перемены труда имеют свои довольно строгие пределы. Научно-технический прогресс на всех этапах неотделим от тенденции к специализации производства и научно-технических знаний. Растет объем навыков и информации, необходимых для освоения в любой сфере труда. Эта тенденция объективно ограничивает количество специальностей, причем главным образом все же смежных, которые могут быть одновременно освоены работником на уровне настоящего эксперта. Главный путь преодоления отчуждения лежит не в перемене видов деятельности, а в обогащении содержания осуществляемого труда, позволяющем раскрыть свои способности даже в одной-двух специализированных областях.

Сознавая всю многоплановость процесса преодоления различных форм отчуждения труда, превращения работника в хозяина и творца всей экономической жизни, необходимо четко разделять краткосрочные цели и долгосрочные перспективы данного процесса. Значительный шаг в преобразовании содержания трудовой деятельности будет, очевидно, сделан уже в ближайший период на базе достигнутого уровня технических средств. Предполагается значительное сокращение тяжелого ручного труда, распространение прогрессивных форм его организации, назрела необходимость в решительном улучшении состояния производственной среды в ряде отраслей народного хозяйства. В целом же возможность творческого, развивающего труда для каждого члена общества как долгосрочная

перспектива социально-экономического развития требует принципиальных изменений в материально-техническом базисе производства. Именно создание такого рода материально-технических и социальных условий развития в труде наряду с достижением правильно понимаемого «изобилия» предметов потребления должно ознаменовать переход общества к его более развитому состоянию.

Важнейшим условием сближения экономического и социального развития является обеспечение специфически социалистической ориентации научно-технического прогресса. Однако, к сожалению, до сих пор остается нерешенным вопрос о необходимости поиска собственно социалистических, принципиально недоступных капитализму (в социально-экономическом, а не научно-техническом отношении) направлений научно-технического прогресса и о возможных конкретных формах реализации этих направлений. Требуются определенная переориентация в выборе показателей научно-технического прогресса, «мировых стандартов» в технике и технологии.

Например, само по себе повышение производительности труда выступает лишь как универсальное средство достижения специфических для каждого способа производства целей. Поэтому ориентация на рост производительности труда еще не снимает проблемы «выбора технологии». Нацеленность на «лучшие мировые», т. е. чаще всего пока капиталистические, образцы техники и технологии — во многом неизбежная политика управления научно-техническим прогрессом на современном этапе. Однако она чревата, по нашему мнению, забвением необходимости качественного преобразования материально-технической базы социализма с точки зрения долгосрочной перспективы.

Учитывая действие ряда общеисторических закономерностей развития производительных сил, необходимо осуществлять целенаправленный выбор наиболее выигрышных для социализма направлений научно-технического прогресса. В процессе поиска имманентных социализму путей развития производительных сил нельзя, конечно, застраховаться от ошибок. Но пойдя в значительной мере по собственному пути технологического развития, минимизирующему подчинение человека машине и создающему широкие возможности реализации преимуществ относительно неотчужденного по социально-экономическому характеру труда, социализм сможет опередить капиталистические державы по уровню производительности труда, не догоняя их по многим «невыгодным» для себя технологическим направлениям.

Подлинно свободное творческое содержание труда предполагает высокую степень самостоятельности работника в организа-

ции своего трудового процесса, в выборе целей и путей их достижения. Однако развитие самостоятельности в труде также объективно ограничено ростом общественного характера труда, усилением взаимозависимости различных хозяйственных звеньев и отдельных работников. В каждом виде труда поэтому всегда будут содержаться функции исполнительского характера, с заданными извне целевыми установками. Но уже сейчас остро проявляется необходимость преодоления отчуждения значительной части трудящихся от управления общественным производством путем расширения их прав в осуществлении оперативной хозяйственной самостоятельности и их постепенного вовлечения в решение задач стратегического характера, решительного сокращения административного аппарата и уничтожения крайностей бюрократического управления, распространения соответствующих достигнутому уровню обобществления форм соединения рабочей силы со средствами производства.

Политика по преодолению отчуждения труда от социалистической собственности должна проводиться с учетом различий в формах реализации этой собственности.

Преобладающий по удельному весу труд на государственных предприятиях, как правило, является наиболее технически оснащенным. Казалось бы, он связан с наиболее прогрессивной подсистемой производительных сил и производственных отношений. Однако в действительности он далеко не всегда оказывается наименее отчужденным.

Во-первых, характер применяемой в высокообобществленном производстве техники и технологии пока еще во многих случаях остается «отчуждающим», подчиняющим человека машине, исключающим возможность творческого, инициативного участия в производственном процессе для большинства работников. Отсутствие реального хозяйственного расчета, призванного согласовать интересы общества, коллектива и личности, относительная неразвитость демократических принципов управления еще более обедняют содержание труда работающих и уменьшают их личную заинтересованность в производственных успехах предприятия.

Во-вторых, нередки случаи, когда действительный технический уровень производства не требует высокого уровня обобществления. Последнее носит в этих случаях скорее формальный характер. Крупное производство не реализует здесь своих преимуществ перед мелкими формами хозяйствования, порождая, напротив, дополнительные факторы отчуждения. Так, с большими трудностями сталкивается процесс демократизации управления крупным производством, объективно требующий достаточно высокого уровня социального развития тру-

дящихся. Личный интерес работника крупного производства оказывается связанным с общественным через большое число опосредствующих звеньев, что не только создает опасность нарушения их соответствия, но и затрудняет осознание их единства. В определенных сферах деятельности — в сфере услуг, общественного питания, производстве ряда потребительских товаров — эти дополнительные факторы отчуждения нередко оказываются сейчас решающими.

Необходимо особо подчеркнуть, что, указывая на реально существующие недостатки в реализации общенародной формы собственности с точки зрения преодоления отчуждения труда, мы ни в коей мере не отрицаем ее огромных потенциальных возможностей и преимуществ, связанных с создаваемыми в ее рамках возможностями дальнейшего развития производительных сил и с объективной возможностью наиболее точного, планомерного согласования интересов личности и общества.

Грубой ошибкой было бы представление об индивидуальной трудовой деятельности, например, как о форме, полностью снимающей отчуждение только потому, что человек трудится в одиночку и по видимости исключительно «на себя». На самом деле он неизбежно подчинен требованиям общественного разделения труда, причем последнее доводится до него отнюдь не наиболее гуманным способом — через стихийные колебания рыночной конъюнктуры. Именно для индивидуальной трудовой деятельности особенно характерен товарный фетишизм как внешняя форма отчуждения всякого товаропроизводителя. При этом противоречия, обусловленные стихийностью рыночного механизма регулирования, в перспективе могут оказаться даже более острыми.

В то же время следует признать, что труд индивидуального товаропроизводителя зачастую богаче по содержанию, нежели труд промышленного рабочего, как за счет отсутствия пооперационного разделения труда, так и за счет насыщенности его элементами управленческой деятельности. Задача, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, сознательно управляя объективно необходимым процессом обобществления индивидуального производства, максимально сохранить присущие ему преимущества, позволяющие поднять трудовую активность и ликвидировать дефицит многих потребительских благ и услуг.

Для этого обобществление должно осуществляться не через ликвидацию индивидуального производства, а через включение его в систему общественного хозяйства, посредством поощрения добровольного кооперирования, развития договорных отношений с государственными предприятиями.

Главным же направлением социально-экономического развития, определяющим по существу всю глубину и характер проводимых реформ, остается совершенствование отношений общенародной собственности.

Заметим, что для формирования у работника чувства настоящего хозяина производства даже при самых благоприятных условиях нужно определенное время. Далеко не все сейчас готовы воспользоваться своими расширенными правами, многие не осознают своего отчуждения, а порой и не желают каких-либо значительных изменений. Но дальнейшее развитие социализма несовместимо с сохранением социальной пассивности трудящихся, требует перехода от полуосознанного состояния неудовлетворенности к осознанию своего отчуждения[1] и от него — к сознательному преодолению отчуждения в единстве его объективной и субъективной сторон.

Подобно творческому содержанию труда, новое отношение работника к труду также не несет ему простого облегчения. Упрочение экономических методов хозяйствования в процессе реформы системы управления призвано снять напряженность, возникающую из явлений несбалансированности, но создает одновременно напряженность иного рода, основанную на проведении режима экономии, строгости деловых связей, взаимной экономической ответственности.

Начало этим процессам уже положено. Настоящий период явно носит переходный характер, многое изменяется в отношении работников к общественному труду, но многое еще остается по-прежнему. Наряду с незавершенностью мероприятий, осуществляемых в процессе перестройки, сказываются и попытки достижения новых целей старыми методами. Если справедливая борьба с нетрудовыми доходами оборачивается в некоторых районах гонениями на личное подсобное хозяйство, а борьба с пьянством и алкоголизмом доходит до вырубания уникальных виноградников, то ясно, что подобные действия способствуют лишь дискредитации дела перестройки в глазах трудящихся.

В движении вперед, естественно, неизбежны отдельные ошибки и перекосы. Вероятно, возникнут и негативные явления нового порядка. Но для успешного развития социалистического общества у перестройки нет альтернативы. «Именно по тому, как идет перестройка, по ее итогам будут судить о возмож-

---

[1] Это неизбежно приведет к обострению целого ряда противоречий. Социальная неудовлетворенность служит не только внешним проявлением отчуждения, но также и мощным стимулом, побуждающим к социально-экономической активности, в то время как кажущаяся удовлетворенность работников своим положением в производстве может нередко скрывать застойный характер социально-экономических процессов.

ностях социализма, о том, что он практически дает человеку, насколько общество социально эффективно»[1].

Принятие Закона «О кооперации в СССР» закладывает основы для развития действительного самоуправления трудящихся, открывает дорогу для широкого применения арендного подряда, создания акционерных обществ и других новых форм «воссоединения» работников с социалистической собственностью. (Многие предусмотренные этим законом меры целесообразно распространить и на государственные предприятия.)

Благоприятные политические предпосылки для повышения социальной активности масс, преодоления отчуждения человека труда от общественной собственности и управления созданы решениями XIX партийной конференции. Достижение горизонтов преодоления отчуждения в целом зависит, таким образом, от успехов в борьбе за последовательность намеченных социально-экономических и политических преобразований.

Среди важнейших направлений дальнейших политико-экономических исследований отчуждения труда при социализме следует выделить раскрытие влияния политических факторов на социально-экономическое отчуждение, углубленное изучение разнообразных форм фетишизации социалистических производственных отношений. Назрела потребность в научном обсуждении вопроса о воспроизведении в условиях социализма элементов эксплуатации труда. Требуется заполнение пробелов в истории становления основных типов трудовой мотивации работников. Наконец, необходимо формирование системы практических мер по ориентации нового хозяйственного механизма на учет и постепенное преодоление сохраняющихся при социализме форм отчуждения труда.

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. С. 7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отчуждение труда: история и современ-
О-88 **ность / Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина, В. В. Радаев, Т. П. Субботина; Рук. авт. колл. Я. И. Кузьминов. — М.: Экономика, 1989. — 287 с. — ISBN 5—282—00079—2**

Работа представляет первое исследование в политической экономии нашей страны отчуждения труда в различных способах производства и проблем его преодоления при социализме. Дан анализ становления и развития теории отчуждения в работах К. Маркса, критика современных мелкобуржуазных и ревизионистских теорий отчуждения.

Для преподавателей политической экономии, философии, научного коммунизма, аспирантов, широкого круга читателей, интересующихся теоретическими проблемами труда.

О $\frac{0602010300 - 173}{011(01) - 89}$ КБ – 3 – 107 – 89 **ББК 66.017.79**

МОНОГРАФИЯ

Кузьминов Ярослав Иванович,
Набиуллина Эльвира Сахипзадовна,
Радаев Вадим Валерьевич, Субботина Татьяна Павловна

Зав. редакцией Б. А. МЯСОЕДОВ
Редактор З. А. БАСЫРОВА
Мл. редактор Н. В. БИГЕЕВА
Корректор Л. М. ФИЛЬКОВА
Техн. редакторы Г. В. ПРИВЕЗЕНЦЕВА, Л. С. САЗОНОВА
Худож. редактор Е. А. ИЛЬИН
Оформление художника В. Б. ИСАЕВА

ИБ № 3329

Сдано в набор 30.03.88. Подписано в печать 26.12.88. АО8421. Формат 60х84/16. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16.74/16.97 усл.кр.-отт. Уч.-изд.л. 19.32. Тираж 4200 экз. Заказ № 1268. Цена 3 р. 30 к. Изд. № 6659.

Издательство „Экономика", 121864, Москва, Г-59, Бережковская наб., 6.

Зак. 144. Отпечатано в ПП „Чертановская типография" Мосгорпечать, 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а с диапозитивов Ярославского полиграфкомбината Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97